В. П. Теннов

МОРЯК С БАЛТИКИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Когда серебряные трубы возвещают победу, они зовут на пьедестал не только победителя, они славят СПОРТ: разум и силу, мужество и волю, верность, отвагу и честь; они славят ЛЮДЕЙ, отдавших сердца спорту, зовущих своими делами, своим примером на жизненный подвиг

(без фотографий)

- Владимир Павлович Теннов
  -
  - Вместо предисловия
  - Глава 1. Бокс, лыжи или бег?
  - Глава 2. На фронт
  - Глава 3. Суровая Балтика
  - Глава 4. Школа бега
  - Глава 5. С морем не шутят
  - Глава 6. Мастер спорта
  - Глава 7. В Ленинграде
  - Глава 8. Первая встреча с Затопеком
  - Глава 9. Спортивный клуб армии
  - Глава 10. Первый мировой
  - Глава 11. Владимир Куц — москвич
  - Глава 12. «Рыжая лиса» и соревнования в Лондоне
  - Глава 13. В погоне за рекордом
  - Глава 14. Разведка боем
  - Глава 15. Олимпийский чемпион
  - Глава 16. После Олимпийских игр
  - Глава 17. Год 1957-й, последний
  - Глава 18. За партой
  - Глава 19. Тренер спортивного клуба армии
  - Глава 20. Его ученики
  - Глава 21. Аллея славы

Владимир Павлович Теннов
Моряк с Балтики

Я не могу не выразить глубокую благодарность за помощь в сборе материала для книги прежде всего брату Владимира — Николаю Петровичу Куцу, товарищам по работе в Центральном спортивном клубе Армии — заслуженным мастерам спорта Сергею Лобастову, Феодосию Ванину, Нине Откаленко, Борису Токареву, мастеру спорта международного класса Тамаре Дмитриевой, мастерам спорта Александру Уткину, Владимиру Котенкову, а также людям, которые сыграли заметную роль в становлении Владимира Куца как спортсмена, — заслуженным тренерам СССР Леониду Хоменкову, Сергею Вакурову, Вячеславу Садовскому, Уно Кялле, заслуженному тренеру Эстонской ССР Александру Чикину, Евгению Горшкову, заслуженному мастеру спорта Петру Болотникову и ученику Куца — мастерам спорта международного класса Владимиру Афонину и Сергею Скрипке.

Вместо предисловия

Успех советского спортсмена Владимира Петровича Куца на Олимпийских играх в Мельбурне в 1956 году был тем более значителен, что, по сути дела, до него мир не знал выдающихся советских бегунов на длинные дистанции.

А ведь они были, эти замечательные советские бегуны. Был ленинградец Алексей Максунов, победивший в 1928 году финна Вильмара Исо-Холло — будущего олимпийского чемпиона. Были братья Серафим и Георгий Знаменские — славные чемпионы кросса французской коммунистической газеты «Юманите». Был и командир Красной Армии Феодосий Ванин, в начале войны установивший мировой рекорд в беге на 20 километров.

К сожалению, в те годы Советский Союз не входил в Международную любительскую легкоатлетическую федерацию, и, следовательно, наши спортсмены не могли участвовать в представительных международных соревнованиях, а мировые рекорды, установленные ими, не фиксировались.

Обычно к сообщениям о результатах советских легкоатлетов любители спорта за рубежом относились с недоверием. В лучшем случае допускали, что русские женщины могут успешно выполнять силовые упражнения — толкать ядро, метать диск. Что касается легкоатлетов-мужчин, и прежде всего бегунов на длинные дистанции, то здесь предпочтение отдавалось финским, шведским, английским, а позже и чехословацким спортсменам, имевшим в беге давние и славные традиции, чаще других побеждавшим на олимпийских играх и устанавливавшим рекорды мира.

И вот неожиданно в 1954 году на первенстве Европы по легкой атлетике неизвестный спортсмен из Советского Союза возглавил бег на 5000 метров. Его отрыв от общей группы, неудержимое стремление вперед были настолько непохожи на обычную хитроумную тактику зарубежных асов, что зрители, собравшиеся на стадионе в швейцарском городе Берне, сперва замерли в недоумении, а потом бурно приветствовали смелого русского, не только ставшего чемпионом Европы, но и установившего мировой рекорд на этой дистанции. Впрочем, его успех сочли случайным.

А двумя годами позже, на Олимпийских играх 1956 года в Мельбурне, он оставил позади себя сильнейших английских, венгерских, польских и австралийских бегунов, завоевав золотые награды на обеих стайерских дистанциях.

Каждые олимпийские игры имеют своего героя. Таким героем

в Мельбурне стал советский спортсмен Владимир Куц.

Нелегко писать книгу о человеке, который ушел из жизни. Проходят годы, постепенно начинают забываться и поступки, и внешний облик этого человека. Его знакомые нередко путают даты, не могут восстановить в памяти некоторые связанные с ним события. Для того чтобы установить какой-либо факт, приходится расспрашивать десятки людей, сопоставлять воспоминания, копаться в газетных вырезках.

Все это выпало на мою долю после того, как я решил написать книгу о Владимире Петровиче Куце. Собственно, главную роль в этом решении сыграло одно обстоятельство. За год до смерти Куца издательство «Физкультура и спорт» предложило мне помочь олимпийскому чемпиону написать небольшую книгу для молодежи, в которой было бы кратко рассказано о его спортивном пути и даны советы для начинающих бегунов. До этого заботы спортивного журналиста не раз сталкивали меня с прославленным спортсменом, мы были хорошо знакомы и поэтому быстро договорились и приступили к работе.

Но, как это нередко бывает, материал вышел за пределы книги. Мы о многом вспоминали, многое записывали. Владимиром Петровичем была прожита большая и яркая жизнь. Словом, когда книжка Куца «Будь первым» в 1975 году увидела свет, в моих тетрадях оставалось немало дополнительного материала.

И все же этого было бы недостаточно, если бы не помощь друзей и родных Владимира Петровича. Оказалось, что, несмотря на значительный срок, прошедший после смерти Куца, в сердцах многих людей все еще живет любовь и уважение к этому человеку, искреннее желание вспомнить о встречах с ним, о совместной работе. Все они горячо поддерживали мою уверенность в том, что книга о Куце сейчас особенно нужна. Именно его опыт может помочь советскому спорту преодолеть тот длительный кризис в беге на длинные дистанции, который наблюдается в наше время.

Я не могу не выразить глубокую благодарность за помощь в сборе материала для книги прежде всего брату Владимира — Николаю Петровичу Куцу, товарищам по работе в Центральном спортивном клубе Армии — заслуженным мастерам спорта Сергею Лобастову, Феодосию Ванину, Нине Откаленко, Борису Токареву, мастеру спорта международного класса Тамаре Дмитриевой, мастерам спорта Александру Уткину, Владимиру Котенкову, а также людям, которые сыграли заметную роль в становлении Владимира Куца как спортсмена, — заслуженным тренерам СССР Леониду Хоменкову, Сергею Вакурову, Вячеславу

Садовскому, Уно Кялле, заслуженному тренеру Эстонской ССР Александру Чикину, Евгению Горшкову, заслуженному мастеру спорта Петру Болотникову и ученику Куца — мастерам спорта международного класса Владимиру Афонину и Сергею Скрипке.

В работе над книгой мне помогли и мемуары самого В. П. Куца («От новичка до мастера спорта» и «Повесть о беге»), а также воспоминания о Куце Петра Болотникова (в книге «Последней круг», написанной им вместе с журналистом С. Шенкманом), Владимира Кузнецова («В зеркале моей душе»), Эмиля Затопека («Моя тренировка») и Гавриила Коробкова («Записки легкоатлета»).

Глава 1. Бокс, лыжи или бег?

Нередко судьба человека зависит от случая. Именно случай и решил судьбу старшины второй статьи Военно-морского флота Владимира Петровича Куца, проходившего действительную военную службу на одной из баз береговой обороны на Балтике.

Среднего роста, светловолосый старшина с крупными и вместе с тем мягкими чертами лица, которые могли становиться жесткими и резкими, показывая, что у их обладателя есть и воля, и далеко не слабый характер, завоевал признание товарищей не только своей простотой и отзывчивостью, но и так ценившимися на флоте физической силой и выносливостью.

Однако в первое время он производил впечатленье увальня. При росте 172 сантиметра весил 85 килограммов. Ему не всегда удавалось так затянуть ремень, чтобы выглядеть подтянутым, бравым моряком, что не раз служило поводом для насмешек и ехидных замечаний товарищей. Но все это продолжалось лишь до того дня, когда командир приказал погрузить на корабль ящики и бочки с продуктами.

Двое моряков тщетно пытались поднять двухсоткилограммовую бочку с маслом.

— А ну-ка, погоди… — отстранил их Куц и, ловко взвалив бочку на плечи, направился с ней к трапу.

С тех пор насмешки смолкли, но сам он никак не мог примириться с такой тяжелой обузой, особенно в молодые годы, как лишний вес. Зарядка, которой Владимир с усердием занимался, и поднимание тяжестей помогали мало, хотя в гарнизоне и нашлась настоящая штанга, к которой он старался почаще подходить в свободное время. Нужно было предпринимать что-нибудь другое.

— Попробуй позаниматься боксом, — посоветовал ему как-то мичман. — С твоей-то силой ты любого нокаутируешь.

В гарнизоне нашелся более-менее опытный боксер, который объяснял ему, как принимать боевую стойку, наносить удары, уходить в глухую защиту, как бить по мешку с песком и работать с тенью. Но тренировки продолжались недолго — до тех пор, пока единственного в их гарнизоне знатока бокса не перевели в другую часть.

Вот тогда-то и вернулось к нему старое, родившееся еще в детские годы увлечение лыжным спортом. Здесь не надо было самому мастерить лыжи, как это он делал в селе. Лыжи выдавались морякам удобные, с полужестким креплением.

Лыжные пробеги входили в план боевой подготовки, и на

одном из первых занятий он не только уложился в норму, но и выполнил третий спортивный разряд. Да и с весом дело как будто пошло на лад. Может быть, лыжи и совсем приворожили бы его, если бы не случай, произошедший с ним в один из праздничных майских дней 1948 года.

В гарнизонных весенних соревнованиях по кроссу участвовали моряки и солдаты из приписанных к гарнизону пехотных частей. В каждом забеге выступало 25 человек, а в последнем, солдатском забеге оказалось 24 бойца. Порядок есть порядок, и к 24 пехотинцам пришлось добавлять одного моряка из очередного, теперь уже морского забега. В списке первым стояла фамилия Владимира Куца.

— Куц, на старт! — раздалась команда.

Пришлось занимать место на краю длинной солдатской шеренги.

— Внимание! Марш!

Шеренги бойцов в солдатских ботинках и обмотках устремилась вперед. Лишь Куц бежал в широких матросских брюках, через несколько минут насквозь промокших и цепляющихся за каждый кустик или камень. А дистанция была трудной. То и дело попадались канавы и ямы, наполненные холодной весенней водой. Прошло немного времени, и в ботинках, в которые стекала вода с брюк, захлюпало. Нужно было что-то предпринять.

Самое простое — сойти с дистанции. Но тогда не оберешься насмешек. А ведь солдаты бегут. И внезапно он почувствовал то, что впоследствии не раз испытывал на соревнованиях, — то, что бегуны называют спортивной злостью.

Обогнать! Во что бы то ни стало обогнать взявших вместе с ним старт участников кросса! Доказать, что моряки не бывают последними…

А между тем большинство солдат были уже впереди. За ним, тяжело дышалось лишь несколько, видимо, самых незадачливых бегунов.

Прежде всего — освободиться от этих сковывающих движения брюк. Он останавливается на минуту, закатывает широкие флотские брюки выше колен и торопливо подвязывает их разорванным пополам носовым платком. Теперь бежать легче, и Куц нагоняет большую группу участников. Еще усилие, и они остаются позади. Впереди только несколько человек, самых проворных, выносливых.

Они не понимает, откуда у него берутся силы, но бежит все быстрее и быстрее. Наконец перед ним лишь одна чья-то спина.

Линию финиша Куц пересекает первым. А к концу дня, когда

подсчитано время всех забегов, выясняется, что абсолютно лучший результат в кроссе показан старшиной второй статьи Владимиром Куцем.

Может быть, этот кросс ничего и не решил бы в его спортивной судьбе, если бы не второе выступление в беге, которое состоялось так же неожиданно, как и первое, спустя несколько месяцев на небольшом армейском стадионе с беговой дорожкой, длина которой вместо положенных 400 равнялась всего 330 метрам.

Здесь проходили гарнизонные соревнования по легкой атлетике, и в команды, представлявшие отдельные части гарнизона, включались только самые опытные, самые тренированные. Куц считался лыжником, а к соревнованиям готовился другой матрос их базы.

Гвоздем программы был бег на 5000 метров, и Володя с группой болельщиков, устроившись на невысоких деревянных трибунах, протянувшихся вдоль беговой дорожки, приготовился криком поддерживать своих спортсменов. Но в последний момент выяснилось, что участник от их флотской команды заболел и бежать некому.

Трудно сказать, что толкнуло на этот поступок, но через несколько минут он уже подходил к командиру части.

— Разрешите доложить! Я могу пробежать пять тысяч метров.

— А бегал ли ты раньше эту дистанцию? Ведь сойдешь, сраму не оберешься. Впрочем, постой, постой, — командир внимательно посмотрел на Куца. — А не ты ли так удачно пробежал весенний кросс?

— Я, товарищ командир!

— Ну что же. Попробовать можно. Но только одно условие. Как бы тебе не было тяжело, не сходить с дистанции. Понял?.. Во что бы то ни стало, хоть последним, но добежать до конца.

Куц едва успел занять место среди бегунов, построившихся на дорожке, как раздался выстрел стартера, и все бросились вперед.

«Буду делать, как все, а держаться постараюсь в середине. Авось добегу до конца», — подумал Владимир.

Командир, возглавлявший на соревнованиях их команду, как видно, плохо представлял себе сущность стайерского бега. Перед стартом он успел сунуть Володе в руку платок, посоветовав держать его во рту во время бега, а, кроме того, после каждого круга подходил к дорожке и вкладывал ему в руку кусок сахара. С платком Володя разобрался быстро: почувствовав, что он только мешает дышать, запихнул его в карман. Сахар же послушно держал во рту, пока не растает.

В начале бега он занял место у бровки, оказался в середине

группы и старался попадать в ногу с бегущим впереди, видимо, опытным спортсменом.

Один за другим оставались позади круги беговой дорожки. Когда он пробегал мимо трибуны, знакомые глосса неизменно подбадривали его:

— Давай, Володька! Держись! Покажи, как надо бегать!

В самом деле, почему ему не продвинуться на несколько мест вперед, тем более что солдат, к которому он пристроился, постепенно начал отставать от лидеров. И Куцу удается обойти сперва одного бегуна, потом второго, третьего… Впереди остается только один спортсмен — бежит он легко, широким шагом. Стройная фигура, длинные ноги. Вот это настоящий бегун.

Но в конце восьмого круга Владимир настигает и «настоящего бегуна». Бежать тяжело, но снова появляется то чувство спортивной злости, которое он испытывал на весеннем кроссе. Какая-то неведомая сила несет его, как на крыльях, вперед.

Вот что вспоминал Владимир Куц об этом первом для него соревновании на беговой дорожке:

".Девятый круг я закончил метров на 20 впереди других. Но в пылу борьбы никак не мог сосчитать, сколько кругов мне осталось бежать. Я делил в уме 5 тысяч метров на 330 — длину дорожки. Затем от общего числа кругов отнимал пройденные, но получалась какая-то чепуха. Короче говоря, безуспешно упражнялся во всех четырех действиях арифметики, пока не услышал радостный голос командира, передававшего мне сахар:
— Это последний кусочек!..

Последний кусочек — значит, последний круг. И вот она — финишная ленточка. Я схватил ее рукой, словно на ощупь хотел убедиться в победе. Товарищи меня качали, потом обнимали, потом опять качали. А у меня с непривычки нестерпимо болели шея, мышцы живота, а руки и ноги как будто отваливались. Трудно досталась мне первая победа на беговой дорожке, но я твердо знал, как поступлю завтра: начну тренироваться в беге».

Победив на гарнизонных соревнованиях, Куц был включен в команду, которая выступала в Таллине на первенстве Краснознаменного Балтийского флота. Но он не имел достаточного опыта. Половину дистанции был впереди. На вторую половину, как говорят бегуны, его не хватило. В итоге — третье место, но первая грамота.

На грамоте был изображен строй военных кораблей во главе с флагманом Балтийского флота линкором «Октябрь». А под линкором написано: «Дана Владимиру Куцу в том, что на 18-й Спартакиаде флота в 1948 году в беге на 5000 метров он занял

третье место с результатом 16 минут 48 секунд» — и подпись: «Главный судья генерал-майор Кустов. 4 августа 1948 года».

Глава 2. На фронт

О морской службе обыкновенно мечтают мальчишки, которые живут неподалеку от моря, дышат морским воздухом, провожают взглядом уходящие в дальнее плавание корабли Куц же провел самое что ни на есть «сухопутное» детство. Село Алексино, где он родился и вырос, лежит вдали от водных просторов. Речушка Боромля и два небольших пруда, которые по-украински называются ставками, — вот и все водоемы.

Однако нельзя сказать, что Володя не мечтал о море. Он любил слушать рассказы словоохотливого дяди Федора, служившего в молодости на флоте, о широких морских просторах, о далеких странах, о лихих моряках, готовых в любой момент на подвиг.

Вот так и проходила подготовка Куца к морской службе — в речных купаниях, ловле раков и нырянии на спор: «кто дольше?» Собственно, нырять Володя научился не совсем обычным способом. Когда вода в речке была еще холодной, мальчишки вытаскивали на солнцепек бочку с водой, она нагревалась, и они по очереди погружались в воду с головой, стараясь пересидеть друг друга.

Пухтя, как прозвали Владимира Куца за кажущуюся неповоротливость, в этом соревновании отставал от своих приятелей, но, обладая большим упорством, поставил перед собой задачу — догнать и перегнать!

Пожалуй, это было первое тренировочное задание: он ежедневно опускал в бочку голову, стараясь оставаться в таком положении как можно дольше. А так как каждый труд в конце концов вознаграждается, то через некоторое время ему удалось поставить рекорд пребывания в бочке, пересидев бывшего чемпиона на целых полминуты. Едва ли он предполагал тогда, что тренировка в бочке поможет ему в будущем на военно-морской службе.

Уже в те годы Куц отличался упорным характером, за что ребятишки нередко обзывали его упрямым ослом. Но так или иначе после тренировок в нырянии он поставил перед собой новую задачу — научиться ходить на лыжах. Это было потруднее — хотя бы потому, что лыж в селе не было, да и кто бы купил мальчику такую дорогую вещь.

Одну сломанную лыжу он нашел в поле. Видимо, ее бросили проходившие здесь на лыжах красноармейцы. Для изготовления второй пришлось хорошенько распарить в горячей воде доску от старой рассохшейся бочки, потом выпрямить ее.

Пример оказался заразительным, и вскоре многие деревенские ребятишки соорудили себе лыжи-самоделки. И вот тут-то Владимир не уступал не кому. Научился не просто ходить, а скользить, энергично отталкиваясь палками, съезжать с гор, а однажды даже принял участие в соревнованиях для старшеклассников и хотя добрался до финиша последним, однако с дистанции не сошел и отстал не особенно далеко.

Лыжи давали еще одно преимущество — позволяли экономить время на дорогу в школу. Алексино по местным меркам село небольшое — не более 200 дворов. Здесь была только начальная школа. А чтобы учиться дальше, нужно было поступать либо в городскую тростянецкую, либо в сельскую белчанскую школу. В село Белка идти надо было пять километров. А на лыжах дорога до школы становилась в два раза короче. Вместо часа не более 30 минут.

Такова уж деревенская жизнь — ходить приходится много. А ведь ходьба, да еще быстрая — родная сестра бегу. Летом ребята наведывались в Тростянец. Пусть и невелик городок, но привлекал к себе. Работали в нем несколько заводов. На железнодорожной станции Смородино хоть и не надолго, но останавливались поезда. Но главное — кинотеатр и Дом культуры. Ребятишки из окрестных сел бегали из одного кинозала в другой, чтобы за один день посмотреть две-три картины.

Ни в какое сравнение с Алексиным не могло идти и село Белка, растянувшееся по крайней мере километров на семь. Здесь в десятилетке учился Володя Куц. Появилась возможность заниматься физкультурой. Правда, спортивного зала не было, зато в широком коридоре стояли конь, брусья, висели кольца. А рядом со школой — игровая площадка и гимнастический городок.

Летом ходили в лес за грибами и ягодами, а то отправлялись за 18 километров в дикие фруктовые сады, где можно было набрать и груш и яблок. Словом, возможностей для занятий различными физическими упражнениями у деревенских ребятишек было не меньше, а, пожалуй, побольше, чем у городских. В свободное от учебы время играли за селом в лапту, в «красных и белых». Тут происходили такие сражения, что нередко возвращались домой в синяках, с разбитыми носами.

Не был забыт и футбол. Собирали на мяч по 20 копеек, а футбольным полем служила площадка за железной дорогой, называлась она почему-то «Балас». Играли класс на класс или улица на улицу. А зимой на замерзшей речке можно было покататься на коньках или с помощью трех коньков соорудить своего рода буер-санки с парусом.

Володя Куц в этих первых спортивных занятиях старался не

отстать от других. Изо всех сил он тянулся за своим другом, крепким и сильным парнишкой Борисом, с которым однажды они отдали дань романтике путешествий, — собрав в мешок побольше продуктов, бежали в Ташкент. Правда, сев в поезд зайцами, добрались только до Харькова, а оттуда были отправлены обратно по домам.

Не хотелось Володе уступать и своим однофамильцам. Фамилия Куц была в селе самой распространенной, и в класс, где учился Володя, попало сразу три Куца. Учительница Ольга Марковна перенумеровала всех троих — он стал Куцем Третьим.

Если прибавить к этому заботы по дому, работу на огороде и в поле, то получится, что в школьные годы Владимир получил хорошую физическую закалку, окончил своего рода спортивную школу. Трудно сказать, когда это произошло, но постепенно Пухтя превратился в ладного деревенского парня с широкой грудью, наделенного и силой и выносливостью. Это последнее качество он доказал однажды в соревновании с батькой, который поехал на мельницу на велосипеде. Володя отказался сесть на багажник, а отправился другой дорогой бегом. И оказался на мельнице первым.

Алексино было расположено на холмах, с трех сторон окруженных лесом Дома сбегали с холмов вниз к железной дороге, по которой поезда неслись в одну сторону к Сумам, в другую — к Харькову. В речке и ставках водилась рыба, раки. Леса были богаты грибами, ягодами. Их чисто побеленный дом под железной крышей стоял в начале улицы, поближе к железной дороге. За домом — фруктовый сад. Во дворе сарай, где жила их кормилица — корова Майка. Одно время в сарае стоял и гнедой конь, но его потом во время войны отдали партизанам.

Семья была дружная. Зимой отец и мать работали в городе. Отец — кочегаром на сахарном заводе. Мать — на деревообделочном комбинате. Летом все выходили на полевые работы, даже младшие — сестра Таня и брат Николай. Володя же умел вести коня точно по борозде, присматривался к работе тракториста.

В те школьные годы обнаружилось еще одно качество Владимира Куца — на редкость хорошая память. Правда, первое время он пользовался этим качеством во вред себе. По-украински читал бегло, а вот вместо того, чтобы учиться русской грамоте, заучивал на слух русские слова. Попросит отца прочесть заданное на дом и тут же запоминает текст. Так и отвечал уроки, делая вид, что читает по книжке.

Кончилось все это конфузом. Учительница поймала Володю, что называется, с поличным, и пришлось Куцу Третьему в

срочном порядке учиться читать по-русски.

Когда началась война, Владимир Куц должен был перейти в восьмой класс. Но в сентябре занятия не начались, а в октябре стал слышен грохот орудийной пальбы, и вскоре в село вошли немцы. Свой приход они ознаменовали массовой ловлей кур, гусей, уток. Появился староста и вместе с немцами начал насаждать «новый порядок», который заключался во всевозможных поборах, нарядах и запрещениях с обязательным послесловием: «За нарушение — смертная казнь!»

Несмотря на это, на Сумщине широко развернулось партизанское движение. На железной дороге летели под откос воинские эшелоны, полицаям приходилось опасаться за свою жизнь. В деревнях жили впроголодь, но для появлявшихся ночами партизан всегда находились хлеб и сало.

Чтобы хоть как-то выразить свое отношение к фашистам, Куц с товарищами однажды ночью написали на воротах старосты: «Смерть фашистам и предателям Украины!» Знать точно, кто это сделал, староста не мог, но забрал и посадил под замок группу подростков, в том числе и Владимира Куца. Неизвестно, чем бы кончился для него этот арест, если бы не жадность старосты, выпустившего ребят помоложе за подношение в виде яиц и самогона.

В начале 1943 года в Алексине узнали о разгроме немцев под Сталинградом, о боях под Харьковом. Трудно сказать, как проникали в село эти вести. Вернее всего, их приносили партизаны.

Еще не наступила весна, когда Алексино освободили наши части. Правда, линия фронта проходила совсем рядом, но это была уже свобода, конец ненавистного немецкого ига.

В село на отдых с передовой отвели один из батальонов наших войск, и солдат разместили по избам. С завистью смотрел Володя на одетых в военную форму молодых ребят, отмывавшихся в бане, занимавшихся чисткой оружия, приведением в порядок поизносившегося обмундирования. Его мечтой было попасть на фронт. В самом деле, разве он не мог принести Родине пользу? В свои 16 лет выглядел на все 18. Был силен, выносливый. Он подготовил уже все необходимое для службы. Солдатские штаны, подаренные старшиной батальона, мать тщательно заштопала. Вполне еще годилась старая отцовская гимнастерка. А самое главное, он был отлично вооружен. После отступления немцев в лесу нашел настоящий немецкий автомат. С приятелем они практиковались в стрельбе — сбивали с деревьев еловые шишки.

Но когда он пришел в райвоенкомат, его отослали обратно.

— Таких малолеток в армию не берем. Сперва подрасти. А пока возвращайся домой помогать матери.

Никто не ожидал, что вскоре придет приказ: «В связи с выравниванием линии фронта нашим частям временно оставить Тростянец и прилегающие к нему населенные пункты».

Для местного населения это было большое горе. Только что отпраздновать освобождение и снова попасть под власть немецких захватчиков.

Володя долго не раздумывал. Мать хоть и плакала, но в глубине души одобряла его поступок: он сунул в мешок смену белья, захватил ковригу хлеба, кусок сала и вместе с несколькими алексинскими парнями отправили вслед за отходившим батальоном.

Как рядовой необученный, он был направлен в запасной полк, стоявший километрах в 150 от снова занятого немцами Алексина в местечке Сапогове. Еще не кончилась зима, но каждый день усатый сержант гонял их на военную подготовку, от которой были освобождены только временно направленные сюда из госпиталя старослужащие. Приходилось таскать на плечах катки от старого максима, «форсировать» по снегу глубокие канавы, учиться приемам маскировки, штыкового боя, собирать и разбирать затвор винтовки.

А кормили скудно, и получить наряд на кухню считалось большой удачей. Правда, в этом случае на старой кляче, запряженной в сани, нужно было возить тяжелую бочку с водой. Вода в колодце постоянно замерзала, а кляча была на редкость упряма — то останавливалась, когда хотела, то неожиданно рвалась вперед.

Наступила весна, и Володя Куц вздохнул с облегчением, получив назначение в штаб занимавшего на переднем крае оборону полка.

Началась новая жизнь. Донесения и приказы связному штаба надо было доставлять на передовую, из части в часть. Не раз попадал он под обстрел, бомбежку. Вот где пригодились и выносливость, и крепкие ноги. Не раз приходилось ползти, а то и отсиживаться в воронках.

Неизвестно, как сложилась бы дальше его фронтовая служба, если бы не один из командиров, с которым он встретился в штабе полка. Полковник Харченко, у которого недавно под Харьковом погиб сын, принял участие в судьбе Куца. Выяснив, что новому связному нет и 17 лет, он сказал:

— Рано тебе, братец, еще воевать. Поучиться нужно. Так что собирайся в дорогу.

Приказы командиров не обсуждаются. Владимиру пришлось

сложить в вещевой мешок немногочисленные пожитки, документы, рекомендательное письмо в Уральское артиллерийское училище, кой-какие продукты и отправиться в путь.

Курск поразил его длинными улицами, высокими домами, снующей по улицам толпой, в которой больше всего было военных и женщин. Вокзал был буквально забит желающими уехать. С трудом, простояв несколько часов в очереди, он получил билет у военного коменданта и сумел протиснуться в вагон. Но не успел поезд отойти от перрона, как началась бомбежка.

Когда он выскочил из вагона, поезд уже горел, а кругом свистели осколки от падавших бомб. О мешке с документами и продуктами Владимир вспомнил, когда их вагон был уже охвачен пламенем. К сожалению, на этом несчастья не кончились. На беду он приглянулся шайке бандитов-мародеров, которые, пользуясь сумятицей, грабили пассажиров на вокзале.

— Помоги-ка донести чемоданчик, — обратился к нему подозрительного вида здоровый детина. Ничего не подозревая, Куц решил помочь. Чемодан оказался тяжелым, и тащить его пришлось не близко. Очутившись в каком-то подвале, освещенном керосиновой лампой, он понял, что попал в компанию уголовников.

Предупредив, чтобы он не вздумал бежать, его решили «пристроить к делу». Но в тот же день, отправившись с одним бандитом «на дело», он сбежал, спрятавшись в вагоне проходившего товарного поезда. Так он оказался в расположенном южнее Курска небольшом городке Обояни.

Что делать? Без денег и документов ехать на Урал не имело смысла. Не привычный к городской жизни, деревенский хлопчик в раздумье шел по улице чужого, покалеченного войной городка.

Только один документ остался у него — комсомольский билет, сохранившийся в нагрудном кармане, и в Обоянском горкоме комсомола его направили грузчиком в райпотребсоюз. Здесь пришлось день и ночь выгружать из вагонов и грузить на подводы тяжелые ящики и мешки, а жить в общежитии. Трудились тут преимущественно женщины и старики, так что на его долю приходилась большая часть работы.

Ворочаясь на жестких нарах в общежитии, засыпая, он представлял себе родной дом, своих близких: как-то они живут сейчас в оккупации? Живы ли?

О том, что в это время происходило в Алексине, рассказывает младший брат Владимира Куца Николай:

— Когда советские войска оставили Алексино, в нашем доме жили мать, отец, бабушка и мы с сестренкой Таней. Я гордился,

что мой старший брат Владимир ушел воевать с фашистами. На этот раз в деревне разместили тыловую немецкую часть. В сарае устроили склад. Отцу дали старое ружье, назначили сторожем и приказали: «Ты дежуришь ночь. Приходиль русски партизан — ты паф-паф!»

Из остатков муки мать пекла хлеб, а отец ночью передавал его партизанам. Нашелся в селе доносчик, который нашептал старосте, что Петр Алексеевич Куц подозревается в связях с партизанами. И вот однажды в избу ворвались полицаи. Мать посадили на подводу. Отцу связали руки и повели по селу к сельбуду (так у нас назывался сельсовет). Мы с Танюшей плача бежали сзади.

У сельбуда стали готовить веревку для виселицы. А дальше произошло то, о чем соседка тетя Поля говорила впоследствии: «Бог спас!»

Когда отцу накинули на шею петлю, на площади появился старший полицай Захаров. Был он из местных жителей и до войны крепко дружил с отцом.

— А ну, погоди! — закричал он и, подъехав к виселице, перерубил веревку шашкой. — Этого человека я хорошо знаю и за него ручаюсь, а если кто что и говорит, то это наговор… Брехня!

Так остались живы родители Куца. Да и Алексину повезло. Немцы сожгли только здание сельбуда и клуб. А ближайшие села испытали на себе всю тяжесть оккупации. За связь с партизанами жгли в избах людей, топили в колодцах.

Передовая приближалась к селу, и семье Куца пришлось переехать в село Машково. Правда, и здесь было неспокойно. Рядом действовала зенитная артиллерия, в бывшем колхозном зернохранилище лежали снаряды для катюш.

А на фронте в середине лета 1943 года назревали новые события. Потерпев сокрушительное поражение под Сталинградом, немцы готовили новое наступление на Курской дуге, бросив сюда чуть ли не все силы, которые были в их расположении, и прежде всего танковые армии.

Родное село Куца Алексино и городок Тростянец оказались на южной оконечности Курской дуги. Именно отсюда, с юга, так же как и с севера, немецкие войска собирались нанести удар в направлении Курска. Готовились к этим боям и наши части.

Работая в Обояни, Володя мог наблюдать признаки приближающегося сражения. Здесь кончалась железнодорожная ветка, и сюда преимущественно ночами, прибывали и разгружались эшелоны с воинскими частями и военной техникой. Эти приготовления, эта могучая техника, которой обладала теперь Красная Армия, вселяли в него надежду, что ждать

осталось недолго, что пройдет совсем немного времени и он сможет вернуться в родные места.

Когда началась Курская битва, над городом, держа направление на юго-запад, то и дело пролетали эскадрильи советских самолетов. Вокруг тяжело нагруженных бомбардировщиков сновали юркие «ястребки». Грандиозное танковое сражение, невиданное еще в истории войн, развернулось на юге Курской дуги вблизи населенного пункта Прохоровка. От Обояни до Прохоровки было каких-нибудь 40 километров, и гул орудийной стрельбы доносился сюда в течение нескольких дней. А затем войска Степного, Юго-Западного и Воронежского фронтов начали наступление на Харьков и южный плацдарм немецко-фашистских войск, где находились родные места Куца.

Надо ли говорить о том, каким нетерпением Володя ожидал, когда по радио прочтут очередную сводку Совинформбюро? 5 августа Юрий Левитан объявил о взятии Орла и Белгорода, и в этот день небо над Москвой озарилось всполохами первого в Великой Отечественной войне победного салюта.

В течение августа Совинформбюро регулярно сообщало о продвижении наших войск, а в конце месяца, перечисляя освобожденные Красной Армией города и населенные пункты, Левитан назвал и Тростянец.

— Домой! Скорее домой!

Взяв в Обояни расчет, Володя где на попутной машине, где пешком отправился в родные места. Путь его лежал через освобожденные города и села. Сгоревшие дома, следы жестоких боев, брошенная немцами техника. В районном центре Борисовке еще догорали вражеские танки. Нескончаемой чередой по шоссе и проселочным дорогам возвращались по домам люди, вынужденные во время боев прятаться в лесах. Нередко на месте родного дома их ждало пепелище с торчащей из потухших углей печной трубой.

В начале сентября Владимир Куц добрался до родных мест. Знакомая дорога поднималась на взгорье к покрытым лесом холмам, к родному дому под зеленой крышей. А на крыльце — мать, приложив руку ко лбу, чтобы лучше видеть, присматривается к приближающемуся солдатику.

— Мамо! Это ж я! Неужто не узнаете?!..

В селе старшего сына Галины Куц считали погибшим. Тетя Поля уже успела отслужить в церкви молебен. А в горнице на стене повесили Володину фотографию в черной траурной рамке.

Так окончилась для Алексина война. Теперь нечего было бояться возвращения немцев. Их гнали все дальше и дальше на запад. В октябре были освобождены Днепропетровск и Запорожье.

В начале ноября наши войска овладели столицей Украины Киевом. А затем наступил 1944 год — год десяти сокрушительных ударов Советской Армии и полного изгнания немецких войск из пределов Советской страны.

Глава 3. Суровая Балтика

Итак, осенью 1943 года Владимир Куц вернулся в Алексино. Это был уже не тот неопытный деревенский парнишка. Каждый военный год можно было засчитать за несколько лет жизни. В Алексино продолжали приходить похоронки, и часто тишину деревенской улицы разрывал горький женский плач.

Он хотел вернуться на военную службу, принять участие в окончательном разгроме фашистов. Но военком обещал записать его добровольцем лишь к концу 1944 года. Можно было окончить восьмой класс или поступить в сельскохозяйственный техникум, как советовал отец, но в селе не хватало рабочих рук. Каждый человек, а тем более мужчина, на счету. Володя стал бригадиром и ежедневно с восходом солнца отправлялся в поле. В его бригаде работали одни девчата, трудились они сноровисто, умело. Вот только иногда подсмеивались над безусым бригадиром.

Колхоз получил трактор, и с ним ловко управлялся вернувшийся из армии танкист Пилипенко. Володя с завистью смотрел на тарахтевшую по полям машину. С детских лет любил он всякую технику, а на фронте, став связным, одно время разъезжал на трофейном мотоцикле. Поэтому когда закончились уборочные работы, он сразу же поступил на курсы трактористов, открывшиеся в расположенной в пяти километрах от села Пивненской МТС.

В 1944 году урожай выдался на славу, и всю весну и лето Володя работал на тракторе. А в октябре по путевке комсомола в качестве добровольца был направлен в школу снайперов Харьковского военного округа. Все курсанты должны были сдать нормативы ГТО. Для тренировок по бегу Володя разметил дистанцию — от казармы до березы и ежедневно, порой по нескольку раз, побегал туда и обратно. В конце концов нормативы были сданы, а на гимнастерки были сданы, а на гимнастерке появился первый в жизни Куца спортивный значок.

Весной 1945 года выпускники школы снайперов получили направления во фронтовые части. Но воевать им уже не пришлось. 9 мая вся страна отпраздновала День Победы. А вскоре в жизни Владимира Куца произошел крутой поворот. В Военноморской флот требовались сильные, выносливые, получившие начальную подготовку в армии юноши. Куц подходил по всем статьям и осенью 1945 года был направлен в Краснознаменный Балтийский флот.

Получив назначение, Володя в первое время недоумевал. Ведь он окончил снайперскую школу, где постигал искусство

точного снайперского выстрела. Пригодиться ли оно ему на службе? Впрочем, также как и в сухопутных частях, на флоте был большой выбор: он мог стать рулевым и сигнальщиком, радистом или гидроакустиком, мотористом или электриком. Словом, на военно-морских судах и в частях береговой обороны существовали десятки специальностей, в которых нуждался флот, понесший значительные потери в Великой Отечественной войне.

А о войне на Балтике напоминало все: разрушенные причалы, сожженные казармы, не засыпанные еще воронки от снарядов.

Первые удары фашистской авиации и немецких военных кораблей принял на себя именно Балтийский флот, а в дальнейшем моряки героически обороняли с моря подступы к Ленинграду, помогали сухопутным войскам корабельной артиллерией, давали армии подкрепление, формируя бригады морской пехоты.

Годы службы Куца на флоте пройдут преимущественно в частях береговой обороны, расположенных на островах и побережья Финского залива. Он узнает, с каким героизмом в первые месяцы войны обороняли военные моряки советские береговые базы на Балтике, как вели жестокие бои, защищая полуостров Ханко.

Еще свежи были в памяти балтийцев военные события. На политзанятих Владимир услышал о героическом переходе Краснознаменного Балтийского флота в первые месяцы войны из Таллина в Кронштадт. Главные силы флота в это время базировались в Риге и Таллине, и немецкое командование рассчитывало, что, захватив базы нашего флота с суши, оно обречет советские военные корабли на гибель.

Бросив на Ленинград значительные силы, немцы все дальше продвигались вдоль побережья. Захвачена Рига, фашистские дивизии приближались к Таллину. Надо было спасать флот и защищать Ленинград, на который Гитлер бросил около 400 тысяч солдат и офицеров, 3 тысячи орудий, более тысячи танков и столько же самолетов.

27 августа героический переход начался. Наши корабли совершали его в труднейших условиях. С севера угрожали скрывавшиеся в финских шхерах торпедные катера. С юга прицельный огонь вела тяжелая артиллерия фашистов. Немцы успели подтянуть сюда бомбардировочную авиацию. Советский флот нес потери. Особенно пострадали плохо вооруженные тихоходные транспортные и вспомогательные суда. Большой урон нанесли флоту мины, установленные немцами вдоль всего 150-мильного фарватера, который вел из Таллина в Кронштадт.

«Юнкерсы» пикировали на флагман перехода — крейсер

«Киров». От прямого попадания бомбы надвое переломился и затонул эсминец «Скорый». Матросы на шлюпках подбирали команды гибнущих кораблей. И все-таки 30 августа героический переход был завершен.

Трудно сказать, как сложилась бы обстановка на Ленинградском фронте, если бы наш флот не прорвался в Кронштадт. Маскируясь на кронштадтских рейдах, рассредоточившись у набережных Невы, линейные корабли, крейсера и эсминцы вели контрбатарейную борьбу с крупнокалиберной немецкой артиллерией, обстреливавшей Ленинград, не допускали фашистские корабли в восточную часть Финского залива. И в то же время они направили на фронт почти половину своего личного состава. В войну вступили даже орудия, снятые с легендарного крейсера «Аврора». Они вели огонь по немецким позициям в районе Пулковских высот.

Служить на Балтике — высокая честь. С этим убеждением и начинал Владимир Куц свою морскую службу.

Члены комиссии, занимавшейся распределением новичков по гарнизонам и специальностям, увидев плотную фигуру и широкие плечи Владимира Куца, направили его в морскую артиллерию. Такое решение несколько утешило Куца. Конечно, у пушки мало общего со снайперской винтовкой, однако и здесь, надо полагать, ценятся точное прицеливание и меткая стрельба.

Небольшое, длиной в несколько сот метров островок. Неприветливое холодное море. Бесконечные, бегущие одна за другой волны, разбивающиеся о скалистый берег. Каким-то чудом уцелевшее здание казармы для личного состава. Пирс для причала. И ко всему этому — батарея крупнокалиберных орудии со снарядами весом около полтонны и сторожевик у причала.

Отныне это и дом, и место службы Владимира Куца.

— Корабельный устав знаешь? — спросил его в первой же беседе старшина.

— Выучу, товарищ старшина.

— А ты его хотя бы видел?

— Пока еще нет, товарищ старшина.

— Так вот запомни, в Корабельном уставе Военно-морского флота четыре раздела, двадцать одна глава, восемьсот девяносто статей и двадцать семь страниц предложений! Ясно?

— Ясно, товарищ старшина.

— Кроме этого, остается самая малость. Знать корабль, а раз ты артиллерист, то и материальную часть орудия.

Знакомство с пришвартованным к пирсу сторожевым кораблем началось в первые же дни службы. Каким же сложным оказалось корабельное хозяйство! Начали с форштевня и дошли

до самой кормы, заходя во все рубки, спускаясь во все отсеки, кубрики для команды, котельное отделение, трюмы. Осмотрели радиолокационное и гидроакустическое оборудование. Не меньше времени ушло на знакомство с вооружением корабля. Стодвухмиллиметровые орудия, автоматические пушки, крупнокалиберные пулеметы.

Привыкнуть к жизни на море было не легко. Здесь все не похоже на сухопутный быт. Прежде всего нужно научиться ходить по кораблю. Когда море неспокойно, это совсем не просто. Как подниматься по трапам, показывал сам старшина.

— Смотрите, хлопцы. Надо немного наклониться вперед, взяться за поручень одной рукой и подниматься вверх, наступая на каждую ступеньку. Но ни в коем случае не громыхать ботинками. Ну а теперь посмотрим, как это выполнят новички. Начнем с Куца.

К удивлению старшины новичок выполнил все быстро и ловко.

На следующих занятиях Куц учился вязать койку и делать приборку. Койками оказались парусиновые приспособления, которые подвешивались в кубрике на крюках. К ним полагались две простыни, подушка и одеяло. Койки вязались по утрам и складывались в специальные лари. Делать это надо было сноровисто и быстро. Кстати, парусиновая койка на флоте служила не только местом для сна, но и средством спасения на воде. Пробковый матрац придавал ей достаточную плавучесть.

В число предметов, обязательных для молодого моряка, входили и уставы, и морская практика, и курс такелажных работ, и сигнальное дело, а для Куца, сверх всего этого, и занятия по специальности — артиллерийская подготовка.

Привыкал Куц и к флотской терминологии: скамейку называл банкой, веревочную лестницу — штормтрапом, а матросский сундучок — рундуком. Запоминал, что от борта к борту идут бимсы, стойки, поддерживающие потолок, называются пиллерсами, а высокие пороги, препятствующие попаданию воды в нижние помещения, — комингсами.

Ему объяснили, как нужно бороться с морской болезнью во время учебных походов на корабле: не спускаться в кубрик, а если начнет мутить, то петь, широко открывая рот. К счастью, оказалось, что Куц не подвержен морской болезни.

Служба на флоте была нелегкой. Только сильный человек во время боевых учений мог поднести к орудию несколько тонн снарядов, грести на шестивесельных шлюпках против ветра.

Большую часть года над Балтикой свирепствуют ветры. Северный и восточный приносят холод. Брызги замерзают в

воздухе. Волны, достигая порой 10-, а то и 15-метровой высоты, накатываются на корабль, оседают на палубе белой кашицей. Западные ветры приносят жестокие штормы и дожди.

Когда залив затягивало льдом, ходили за продуктами не по одному, а обязательно вчетвером, обвязавшись веревкой. Если кто-нибудь попадал в разводье, остальные вытаскивали его. Одежда замерзала, и приходилось не снимать ее, а ломать.

Куц вспоминает, как однажды ему помогла его детская тренировка в бочке с водой. На базе был кинопроектор, но пленку меняли редко. С начала службы Куца несколько месяцев крутили один и тот же фильм — «Граф Монте-Кристо». Можно себе представить, как ждали моряки киномеханика с новым фильмом. Наконец он приехал. Но, перегружая коробки с кинопленкой с катера на причал, киномеханик уронил две коробки, которые покатились по причалу и свалились в воду. Глубина здесь была не менее 6–8 метров. Баграми достать коробки не удавалось.

— Разрешите нырнуть, товарищ командир! Ручаюсь, что достану, — обратился Куц к мичману.

Разрешение было получено, и Володя, намазавшись как следует тавотом, стал нырять между катером и пирсом. В конце концов коробки с пленкой были подняты, и вечером все смотрели новый кинофильм.

Казалось бы, какие здесь в таких суровых условиях физкультура и спорт? Между тем спорт занимал в жизни моряков почетное место. Да иначе и быть не могло. Нести образцово службу на флоте могут только сильные, закаленные, выносливые люди.

Популярной была гребля на шести весельных ялах. Зимой — лыжи. Когда впоследствии Владимира Куца перевели на более благоустроенную базу, у него появились еще большие возможности для занятий спортом. Занимался греблей. Не оставлял и штангу. Словом, к окончанию действительной военной службы на флоте выполнил разрядные нормативы по многим видам спорта.

Выбрал он уже для себя и то любимое занятие, в котором мечтал добиться выдающихся результатов. Стать чемпионом флота по бегу, а там — кто знает, может быть, и всей армии. Пока об этом он никому не рассказывал. Но знал, что бег — это именно тот вид спорта, в котором он сможет проявить все свои возможности: и выносливость, и волю, и мужество.

Глава 4. Школа бега

Из последнего своего очередного отпуска Владимир Куц вернулся на базу за один день до гарнизонных соревнований, твердо решив остаться на сверхсрочную службу. Зная, что отпускники обычно забывают дома о всяком режиме, начальник физподготовки не включил его в заявку на соревнования, и 5000 метров Куцу пришлось бежать «личником», то сеть спортсменом, не дающим зачета своей команде.

Оказалось, что начальник физподготовки лишил команду очков чемпиона. Чемпионом стал именно Куц — 15:44,4! Это значило, что лесные тренировки в Алексине не пропали даром. Однако до первого разряда, а тем более до выполнения норматива мастера спорта было еще далеко.

Его перевели на новое место службы, назначили командиром орудия тяжелого калибра, присвоили очередное воинское звание старшины первой статьи, а по комсомольской линии поручили работу по организации физкультуры.

Условия для занятий легкой атлетикой здесь были лучше. Невдалеке от побережья начинался лес. Небольшой стадион окаймляла беговая дорожка. Только вот как тренироваться? Зимой все казалось ясным. Лыжи и не менее двух раз в неделю кросс. В лыжах ему сравнительно быстро удалось добиться успеха — вплотную подойти к выполнению норматива мастера спорта. Но ведь он собирался стать бегуном. А что нужно для этого?

Едва ли он слышал о том, что еще много лет назад финский тренер Пихкала — наставник великого бегуна Пааво Нурми — говорил: «…одаренность и тренировка — это факторы, из которых складывается успех бегуна. Они взаимосвязаны. Их нужно не складывать, а перемножать. Если один из этих факторов равен нулю, то и конечный результат будет равен нулю». Еще определеннее высказался по этому поводу сам Нурми: «Каждый тренер может подготовить много бегунов среднего класса, но асами становятся лишь благодаря собственному неустанному труду».

Куц хотел трудиться, только не знал как. Уже в это время он понимал, что тренировка в беге невозможна без знаний. Кое в чем ему помогла газета «Красный спорт». Здесь была напечатана статья подполковника А. Зимина о тренировке одного из лучших армейских бегунов Никифора Попова. Но сколько он ни пытался следовать плану, составленному Зиминым, в лучшем случае ему удавалось выполнить его только наполовину.

Пройдет немало времени, прежде чем Куц поймет, что в

увеличении тренировочных нагрузок нужна постепенность, что в спорте нельзя сразу перескочить через несколько ступенек, что он еще не готов выполнять тренировки по плану мастера спорта и чемпиона страны. Но ясным было и другое — бегать нужно значительно больше и интенсивнее, но как и насколько? Были и другие вопросы, на которые нужно получить ответы.

Прежде всего, правилен ли его выбор? Почему бегун, а не лыжник или футболист, штангист, пловец? В современном спорте существуют десятки видов, требующих от человека самых различных качеств. И специалистами — тренерами и учеными — разработаны всевозможные пробы, тесты и задания, помогающие ответить на вопрос: кем быть? Этой же цели служат и специальные подготовительные группы в спортивных школах, и нередко проходит несколько лет, прежде чем тренер на основании длительных наблюдений скажет: «Тебе лучше всего заняться бегом на короткие дистанции. А тебе советую забыть о легкой атлетике и перейти на бокс, где тебя ждут успехи в легких весовых категориях…»

Куц не проходил никакой начальной подготовки в спортивной школе, не выполнял тесты, не подвергался обследованиям специалистов. Бег он выбрал сам, и, надо полагать, не ошибся. Природа наделила его тем, что принято называть железным здоровьем, — мощным сердцем и превосходными легкими (объем — 5800 см, экскурсия грудной клетки — 16 $см^3$).

Чтобы стать выдающимся бегуном на длинные дистанции, приходится пробегать на тренировках тысячи километров. Не всякий способен переносить такие огромные физические нагрузки. От настойчивости, воли, целеустремленности и трудолюбия, не менее чем от физических данных, зависит успех бегуна. Владимир Куц был и упорен и трудолюбив, а кроме того, до фанатизма предан той цели, к которой стремился, — стать выдающимся бегуном.

Но помимо этого, ему предстояло решить немало и других далеко не простых задач, и прежде всего повысить уровень выносливости, силы и быстроты, овладеть совершенной техникой бега. Не семенить на дистанции, а бежать широким эластичным шагом, затрачивая на продвижение вперед лишь необходимые усилия. Не менее важно было овладеть тактическим искусством — умением распределить свои силы во время бега, не теряться при любых неожиданностях, которые могут встретиться на соревнованиях.

Нужно было научиться терпеть, побеждать наваливающееся чувство усталости.

Наконец, было необходимо изучить опыт своих предшественников. Не строить здание спортивного мастерства на пустом месте, а сложить его фундамент из тех кирпичиков, которые так тщательно по одному, в течение многих лет собирали бегуны прошлых поколений.

В спортивной школе на все это отводится по крайней мере 6–8 лет. Такой роскоши Куц не мог себе позволить. Ему было уже 22 года. Возраст, когда некоторые спортсмены устанавливают рекорды. Значит, та школа бега, которую ему необходимо закончить, должна занять минимум времени, а экзамены он будет сдавать экстерном на соревнованиях.

Для всего этого нужны труд и знания, а кроме того, помощь опытного человека, то есть тренера. Как раз тренера у него и не было. Пока поисками наиболее подходящих методов подготовки он занимался самостоятельно, а поэтому двигался вперед медленно, вслепую.

Начальник физподготовки офицер Завалко был сторонником общей физической подготовки. Он предложил Куцу усилить зарядку.

С тех пор в течении полугода Владимир Куц вместе со всеми выполнял гимнастические упражнения, приседал, прыгал на месте, а в конце утренней зарядки бегал каких-нибудь 15–20 минут. Правда, вечерами, когда командный состав расходился по домам, добавлял к этим минутам еще солидную порцию бега.

А зимой приналег на лыжи и вошел в сборную команду гарнизона. Здесь дела быстро пошли на лад, хотя и пришлось немало потрудиться над техникой спусков и подъемов. Но трех-, а порой и четырехразовые тренировки помогли сделать шаг широким и накатистым, приобрести выносливость, которая, как оказалось, необходима и лыжнику.

Только лыжники знают, какое ни с чем не сравнимое удовольствие испытываешь, когда в ясную погоду по легкому морозцу на хорошо смазанных лыжах мчишься по лыжне. Позади тебя остаются лесные заросли, поляны. Вот подъем в гору, а затем спуск и, сильно оттолкнувшись палками, ты несешься вниз, ощущая на лице дыхание встречного ветра.

Куц успешно выступал на лыжных соревнованиях. В самом деле, для новичка, каким он был в лыжном спорте, результаты немногим хуже 36 минут на дистанции 10 километров и 1 час 12 минут на 18 были просто отличными.

Но приходила весна, и Владимира вновь неудержимо тянуло на беговую дорожку. Лыжи и беговая, пусть пока кустарная подготовка все же приносили свои плоды. Сохранились грамоты, полученные Куцем на соревнованиях, которые позволяют

проследить рост его результатов. В августе 1948 года его наградили за третье место в беге на 5000 метров со временем 16:48,0. А грамота 1950 года говорит о том, что Куц успешно выступил уже на трех дистанциях: 800, 1500 и 5000 метров, причем результат на третьей его коронной дистанции был улучшен до 15:44,4.

Весной 1951 года произошло событие, сыгравшее важную роль в судьбе Куца. Состоялась его встреча с одним из наиболее знающих тренеров страны Леонидом Сергеевичем Хоменковым — известным легкоатлетом, в свое время успешно выступавшим в спринтерском беге и прыжках в длину.

Человек универсальных знаний, выдающихся организаторских способностей, Хоменков всю свою жизнь отдал развитию легкоатлетического спорта. 12 лет он работал в Добровольном спортивном обществе «Крылья Советов», где получили начальную подготовку многие выдающиеся легкоатлеты. Затем занимал должности государственного тренера и начальника отдела легкой атлетики, заместителя председателя Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР. Был директором Всесоюзного научно-исследовательского института физкультуры, председателем Федерации легкой атлетики СССР и вице-президентом Европейской легкоатлетической ассоциации (ЕАА).

С именем Хоменкова связан выход советских легкоатлетов на международную спортивную арену, завоевание ими передовых позиций на стадионах мира. Именно он помог Владимиру Куцу войти в большой спорт, был, пусть самое короткое время, его первым тренером. А в последующие годы следил за его ростом, первыми успехами.

«Я хорошо помню свою первую встречу с Владимиром Куце, — рассказывает Леонид Сергеевич Хоменков. — Это было весной 1951 года в Сочи. Здесь к летним стартам готовилась группа спортсменов из сборной команды страны. Стадион был расположен рядом со старым, заросшим травой аэродромом, где нам разрешали проводить беговые тренировки.

Однажды на стадионе появилось несколько молодых людей в морской форме. Это были подающие надежды легкоатлеты из сборной команды Военно-морского флота. Я обратил внимание на белокурого коренастого спортсмена, который хотя и не отличался хорошей техникой, но мог без устали кружить по аэродрому, стараясь бежать обязательно впереди своих товарищей. А вскоре он и сам подошел ко мне.

Помню, меня поразила его любознательность. Расспрашивал он буквально обо всем: и сколько раз в неделю нужно

тренироваться, и в каком темпе бегать, и какие упражнения выполнять на разминке. Я посоветовал ему присмотреться к занятиям и технике бега ведущих стайеров страны. Здесь на сборе были такие известные бегуны, как Владимир Казанцев, Иван Пожидаев, Феодосий Ванин, Никифор Попов, Иван Семенов.

В течение двух недель Куц тренировался, выполняя мои задания. Провели мы в конце сбора и прикидку. Уже тогда я понял, что Владимир наделен незаурядными способностями и при разумно поставленной тренировке может показать выдающиеся результаты в беге».

Встреча с Леонидом Сергеевичем Хоменковым стала для Куца одним из этапов в его спортивной судьбе, тем более что он уезжал из Сочи с индивидуальным планом тренировки. Занятия бегом приобрели теперь для него определенную систему, на каждом этапе которой решались конкретные задачи. Часть тренировок посвящалась развитию общей выносливости путем длительного равномерного бега в течение одного-полутора часов. Не менее двух занятий в неделю проводилось для совершенствования скоростной выносливости. Например, в один из дней недели Куц должен был пробежать 3 раза по 1 00 метров, затем 10 раз по 400 метров и снова 3 по 100, чередуя эти пробежки с медленным бегом.

Часть тренировок посвящалась развитию скорости. В эти дни Хоменков рекомендовал Куцу пробегать в быстром темпе короткие отрезки дистанции. Например, 5 раз по 50 метров, 20 раз по 100… Быстрые пробежки чередовались с медленным бегом на такое же расстояние. Надо сказать, что эта программа была далеко не легкой.

В течение всего лета, независимо от погоды, Владимир тренировался по плану Леонида Сергеевича, а осенью, после победы на гарнизонных соревнованиях, в составе команды Краснознаменного Балтийского флота поехал в город Ейск, где проходило первенство Военно-морских сил страны по легкой атлетике.

Разместились в военном училище, осмотрели стадион, попробовали побегать по гаревой дорожке. На этих соревнованиях Куц впервые встречался с таким сильным бегуном, как Никифор Попов. О Попове он знал немного. Знал, что Никифор начал заниматься спортом еще до войны, что в 1946 году на первенстве Советского Союза по легкой атлетике занял третье место в беге на 5000 метров. В последующие годы на чемпионатах страны Попов неизменно входил в тройку призеров в стайерском беге.

С тех пор как его перевели на военную службу в Москву, он тренируется под руководством подполковника А. Зимина. К концу

сороковых годов Попов уже был ведущим бегуном страны. Он стал победителем одного из кроссов газеты французских коммунистов «Юманите». Каждый бегун мечтает не только о победах на соревнованиях, но и об установлении рекордов. В те годы, когда Попов вошел в число сильнейших, рекорд страны в беге на 5000 метров (14:37,0) принадлежал Серафиму Знаменскому, установившему его еще в 1940 году. Рекордсменом же на 10 000 метров с 1942 года был Феодосий Ванин — 30:35,2.

Попов начал штурм этих рекордов в конце сороковых годов. В 1949 году он улучшил рекорд Знаменского на 5000 метров до 14:33,8, а в 1951 году довел его до 14:20,8. В 1950 году он превысил всесоюзный рекорд и на 10 000 метров, пробежав эту дистанцию за 30:26,8.

Вот с кем предстояло вступить в борьбу Владимиру Куцу, по сути дела, новичку в стайерском беге. Да и выглядел Попов впечатляюще: высокий, сухощавый, он, особенно в сравнении с приземистым Куцем, казался просто созданным для бега.

Но Владимир, встречаясь даже с именитыми противниками, не испытывал перед ними страха. Об этом впоследствии, когда он стал известным бегуном, не раз писали газеты.

Желание выиграть бег у известного мастера придавало Куцу как бы дополнительные силы. После выстрела стартера он помчался вперед. 5000 метров — это двенадцать с половиной кругов, по 400 метров каждый. Но стайерский бег — это не бег на короткие дистанции, где можно со старта до финиша мчаться с максимальной скоростью. Здесь тактика бега, раскладка сил, которые не беспредельны, приобретают решающее значение.

Уже заканчивая девятый круг, находясь во главе растянувшейся за ним цепочки бегунов, Куц почувствовал усталость. Сразу за ним невозмутимо отмерял длинные шаги Попов. Его бег был рассчитан с точностью до секунды. Метров за 600 до финиша он обогнал Куца и первым коснулся финишной ленточки. Владимир был вторым, пробежав 5000 метров за 15:31,0. Всего одной секунды ему не хватило для выполнения норматива первого разряда.

После бега победитель подошел к побежденному.

— Ты бежал просто здорово, — сказал Попов. — Но только до последнего круга. Нельзя выходить на старт без плана. Ты знаешь, что такое график бега? — Куц не знал. — Судя по всему, ты тренируешься недостаточно. Нужно увеличить нагрузки… Если будут какие-нибудь вопросы, пиши мне в Москву.

Через некоторое время в ответ на письмо Владимира Никифор Попов прислал ему план тренировок.

Глава 5. С морем не шутят

Ранней весной 1952 года, когда Финский залив был еще покрыт льдом, произошло событие, которое впоследствии роковым образом сказалось на спортивной судьбе Владимира Петровича Куца. Погода на Балтике капризна и изменчива. В начале марта засияло солнце, по льду побежали трещины. Их подразделение оказалось отрезанным от основной базы, откуда доставлялись продукты и такие дорогие для каждого моряка письма с большой земли.

Катера смогут прийти к ним еще не скоро. Пробиться к базе, до которой около 30 километров, можно на лыжах, но в марте это становится опасным. К счастью, пурга скоро кончилась. Трещины затянул крепкий морозец, и, хотя в любой момент можно было ждать изменения погоды, Куц с тремя матросами, неплохими лыжниками, получив разрешение командира, отправился на базу. Несмотря на встречный ветер, к вечеру они были на месте.

Ночью Куц вышел из казармы на берег. Порывы ветра подхватывали и кружили в воздухе хлопья снега. Погода вот-вот изменится, а это значит, что придется оставаться здесь до открытия навигации. На острове ждут почту. Пытаться вернуться вчетвером? Но зачем рисковать четырьмя жизнями, когда можно только одной? Он не сможет захватить с собой продукты, но почту доставит.

Запечатав в конверт и оставив на базе комсомольский билет, удостоверение личности и портрет матери, Куц с мешком, куда была уложена драгоценная почта, несмотря на все усиливающийся ветер, пустился в обратный путь.

Когда его валило с ног, он вставал и снова продолжал путь. Это напоминало бег. Так же как и на последнем километре дистанции, на него наваливалась усталость, и он упорно боролся с желанием остановиться, отдохнуть. Но теперь ставкой была жизнь, и поддаться желанию прилечь значило уже никогда не подняться на ноги.

Еще в дороге он вспомнил, что здесь неподалеку в 1941 году проходил путь нашего флота, совершавшего героический переход из Таллина в Кронштадт. Тогда морякам было много труднее, чем ему. Корабли на каждом шагу подстерегала опасность. Для уничтожения мин тральщиков не хватало. Мины расстреливали с боевых кораблей, но их было так много, что они продолжали плавать в фарватере. Подорвался на мине эсминец «Володарский», лавировал между минами крейсер «Киров». Матросы пересаживались в шлюпки и руками отводили мины от

бортов кораблей.

Куца снова свалили с ног порывы ветра и заряды снега, хлеставшие ему прямо в лицо. Кроме того, стало так темно, что он то и дело упирался лыжами в глыбы льда.

Он падал и поднимался. Казалось, что его поддерживают эти воспоминания о краснофлотцах, которые несколько лет назад здесь же боролись за свою жизнь и жизнь кораблей. Ему угрожали только ветер и снег. Команды кораблей, участвовавших в переходе, подвергались куда более серьезным опасностям. Их подстерегали торпедные катера, немецкая артиллерия и авиация. Лидер «Минск», флагманский корабль отряда прикрытия, отбил несколько атак торпедных катеров, но, в конце концов, подорвался на мине. Матросы, ликвидировав повреждение, все же привели свой корабль в Кронштадт.

Куц ясно представляет себе, как корабли пикируют «юнкерсы». С тонущих судов нужно было спасать людей, которые не могли долгое время плавать в холодной воде.

Когда очередной порыв ветра и глыба льда, в которую воткнулись его лыжи, опять свалили его с ног и он, поднявшись, с трудом обходил препятствие, внезапно на берегу вспыхнули прожектора. Значит, о нем сообщили, его ждут.

Ослепленный ветром, он не заметил трещины и оказался в воде. Вынырнув, уцепился за край льдины. Но выбраться не хватало уже сил. Потом он увидел людей, спешивших к нему на помощь.

В санчасти, где он очнулся, было тепло, пахло лекарствами. Фельдшер, стоя у шкафа, мирно разбирал пузырьки. Куц провел здесь неделю, а перед выпиской старый врач базы, тщательно ощупав ноги Куца, твердо сказал:

— С тренировками придется покончить. Бег тебе противопоказан. Кровоснабжение нижних конечностей явно недостаточное.

Вместо выговора или гауптвахты за самовольное возвращение Куц за доставку почты получил 10 дней отпуска. Что касается предсказания врача, то оно не подтвердилось.

«Я не мог усидеть в доме, — вспоминал Куц. — Едва подсохло, отправился на тренировку. Сделал небольшую пробежку. Все ждал, что даст о себе знать боль в ногах, как предсказывал доктор. Но ее и в помине не было. Начал ускорения. и меня охватила беспредельная радость. Я бежал по лесной дорожке, вдыхал весенний воздух, и меня прямо-таки подмывало прокричать на весь лес о своей радости».

Неожиданный десятидневный отпуск Куц решил использовать для поездки в Таллин, где, как ему было известно, на местном

стадионе тренировались некоторые легкоатлеты — моряки Балтийского флота, в том числе известный стайер, побеждавший на флотских соревнованиях, Сергей Протонин.

Было начало лета, когда Владимир сошел с катера на таллиннский причал. Он уже не раз бывал здесь и всегда с удовольствием гулял по узким чистеньким улицам города. Любовался зданием ратуши с флюгером, изображавшим Старого Томаса, поднимался в Вышгород со старинным замком. Отсюда открывалась панорама Таллина со средневековыми башнями, с набережной, за которой синело море.

Стадион, где обычно тренировались легкоатлеты, находился в городском старинном парке Кадриорг. А еще дальше, в сосновом лесу загородного района Пирита неподалеку от морского побережья проводились кроссы.

Владимиру Куцу повезло. Его спортивный путь начался в Эстонии — республике, имевшей давние традиции в спорте, и в частности в легкой атлетике. К приходу Куца в большой спорт высокие результаты в беге на средние и длинные дистанции показывал Эрих Веетыусме из Таллина, в память о котором теперь в Эстонии проводятся специальные соревнования по бегу. В дальнейшем на беговых дорожках страны с успехом выступали Март Вильт, Лембит Виркус, Михаил Вельсвебель, Хуберт Пярнакиви.

Здесь, в Таллине, на стадионе в парке Кадриорг и произошла встреча Владимира Куца с тренером Александром Александровичем Чикиным. Примечательна биография этого человека. Он родился в 1915 году в городе Нарве. Отец умер и мать одна воспитывала троих детей. С детских лет Саша научился сам заготавливать дрова, топить печь в подвальном помещении, где они жили. Летом выходил в море с рыбаками.

В 12 километрах от Нарвы было расположено курортное местечко Усть-Нарва с великолепным пляжем. Проезд был не по карману Сашиным сверстникам, и нередко, чтобы провести на пляже день, им приходилось бегать туда. Без труда переплывал Саша речку Нарову, достигавшую в городе значительной ширины. Отваживался прыгать в узкую протоку между скалами, образованную водопадом.

До войны Чикин окончил ремесленное училище и работал слесарем, а в годы войны был призван в Эстонский корпус, сражавшийся в районе Великих Лук. После боев корпус был отведен на отдых под Москву, где Александр выступал в соревнованиях по бегу. Был участником первенства страны 1943 года.

После освобождения Прибалтики Александр Чикин окончил в

Тарту филиал Ленинградского института физкультуры, стал тренером.

Почти 40 лет он работал в «Калеве». Среди его учеников были мастера спорта, чемпионы страны. Одно время он был единственным тренером в обществе, и ему пришлось стать универсалом — работать и с прыгунами, и с метателями, и с бегунами.

Чикин рассказывает о своей встрече с Владимиром Куцем:

«На стадионе в парке Кадриорг в июне 1952 года ко мне подошел блондин в морской форме. До этого у меня уже тренировались спортсмены-балтийцы, и в частности бегун Сергей Протонин. Я предложил моряку, назвавшемуся неизвестной мне до этого фамилией Куц, прийти на стадион на следующий день. Узнал, как он до этого тренировался. Посмотрел, как бежит.

Что поразило меня прежде всего? Стремительность его бега, несмотря на несовершенную технику. Отличная выносливость, приобретенная, по его словам, путем ежедневных кроссов по лесным просекам на военно-морской базе, и. неумение поддерживать равномерный темп бега. А кроме того, поразительная любознательность. Стремление получить ответ на десятки вопросов, связанных с тренировкой в беге.

Через некоторое время я заметил еще одну особенность Куца как спортсмена. Он не выполнял слепо указания тренера, а применял лишь то, что понял, продумал, прочувствовал, счел полезным. Уже в те годы он обсуждал со мной планы тренировок, старался внести в них что-то свое».

Все десять дней отпуска приходил Куц на стадион Кадриорг и тренировался под руководством Александра Чикина.

«Чем ближе я узнавал этого сдержанного человека, — пишет в своих воспоминаниях Куц, — тем больше он мне нравился. Нравилась его спокойная манера, не повышая голоса, «разносить» тебя за ошибки. По душе пришлось и требование железной дисциплины в проведении тренировок».

Уезжая из Таллина, Куц получил от Чикина план тренировок на год. Ему изредка удавалось приезжать в Таллин. А если было нужно, Владимир писал своему тренеру и получал обстоятельные ответы. Кроме того, он воспользовался еще одним советом Чикина — постарался познакомиться с опытом своих предшественников. Брал в библиотеке книги и журналы и раз в месяц менял их, прочитав все, что было напечатано о беге и бегунах.

Начал он с дореволюционных изданий. Его интересовало все: история любимого вида спорта, судьбы известных бегунов, методы тренировки. Он жалел русских стайеров начала века —

москвичей Н. Хорькова и К. Никольского, крайне неудачно выступивших на Олимпиаде 1912 года в Стокгольме. Но чего можно было ожидать от спортсменов, не имевших ни тренеров, ни условий для тренировок! Только улыбку вызывают сейчас советы «специалистов» того времени П. Гросса и С. Селиванова.

".Тренировка — это строго систематическое упражнение соответствующего спорта, — писал Гросс в своем пособии «Атлетический спорт». — Тренирующемуся предписывается спокойный образ жизни. Ему необходимо избегать всяких волнений, будь то чтение, зрелище или что-нибудь другое.!

Не менее ценные советы давал Селиванов в 1911 году в книге «Легкая атлетика»: ".Если бегун почувствует дурноту, стесненное дыхание или колики в боку, бег тотчас же прекратить. Из бегов на длинные дистанции самым коротким является бег на 1500 метров. Достаточно шести-восьми тренировок, чтобы не чувствовать себя дурно после него. При беге не следует держать рот открытым, что повлекло бы за собой одышку. Не годится размахивать руками, что также ведет к одышке. Руки лучше всего держать согнутыми у груди.»

Неудивительно, что рекорды у русских бегунов был низкими: на 5000 метров -16:20,0; на 10 000 метров — 33:58,6. К 1917 году мировые рекорды на длинных дистанциях (14:36,6 и 30:50,8), установленные финном Х. Колехмайненом и французом Ж. Буэном, превышали рекорды русских бегунов соответственно на 2 и 3 минуты. Дистанция поистине огромного размера. Ведь известно, что улучшение результата в стайерском беге даже на одну секунду требует значительного времени и большого труда.

Надо отдать должное советским бегунам. Год за годом они сокращали этот разрыв между всесоюзными и мировыми рекордами. Наиболее заметными фигурами в стайерском беге в первый послереволюционный период, с которыми Владимир Куц познакомился по книгам, газетным и журнальным статьям, были Арне Кивикяс, Алексей Максунов и братья Серафим и Георгий Знаменские.

В их биографиях Куца прежде всего поразила удивительная преданность бегу, упорные тренировки в течение многих лет, умение никогда не поддаваться слабости, усталости, выполнять намеченные планы день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Конечно, каждый из них имел свои особенности. У каждого из них было чему поучиться начинающему бегуну.

Необычна биография молодого рабочего и спортсмена из Финляндии Арне Кивикяса. Член одного из финских рабочих спортивных клубов, лыжник и бегун, тренировавшийся одно время вместе с величайшим стайером всех времен Пааво Нурми и

будущим рекордсменом мира Эйно Пурье, в октябре 1924 года в качестве делегата финского рабочего спортивного союза приехал в Москву на II Конгресс Красного спортивного интернационала. Здесь он окончил существовавшую в те годы Интернациональную школу, и Советская Россия стала его второй родиной. С 1925 по 1935 год он успешно выступал в беге на средние и длинные дистанции, причем многие из его результатов были рекордами страны, а рекорд на 5000 метров 15:39,2, установленный Кивикясом на первенстве Красной Армии в 1925 году (в то время он служил в Ленинградском военном округе), превышал рекорды многих европейских стран и стал шагом вперед на пути к завоеванию советскими бегунами мирового рекорда.

Чему мог научиться Владимир Куц у Арне Кивикяса, рассматривая в журналах фотографии этого сухощавого, казалось, сотканного из одних мышц бегуна, читая описание его тренировок? Прежде всего совершенной технике бега. До него у нас преобладал нерациональный силовой бег. Бежать изо всех сил старались многие бегуны. Что касается Кивикяса, то в его движениях все было гармонично. Свободное непринужденное положение туловища, незакрепощенные движения рук, широкий шаг.

Автор вышедшей в 1933 году в Москве книги «Техника бега» И. Пепель писал ".Новая эра началась у нас с приездом в СССР финского бегуна Кивикяса, который своими выступлениями дал яркую иллюстрацию финской техники.» Именно фотографию Кивикяса на беговой дорожке видел перед собой Куц, когда впоследствии под руководством нового тренера Григория Исаевича Никифорова упорно трудился, стремясь улучшить свою во многом кустарную технику бега.

Кивикясу Куц обязан и знакомством с прогрессивными в те годы методами тренировки финских бегунов, прежде всего Нурми. Если раньше при подготовке к соревнованиям первые советские стайеры старались главным образом несколько раз в равномерном темпе пробегать свою дистанцию, то у Нурми они заимствовали повторный бег на более коротких отрезках со скоростью, превышающей соревновательную, стали уделять больше времени длительным кроссам на пересеченной местности.

С неменьшим интересом читал Владимир о «маленьком ленинградце» Алексее Максунове, одно время тренировавшимся вместе с Кивикясом и великолепно владевшем свободной рациональной техникой бега. Было непонятно, как такой низкорослый стайер может бежать, не уступая в длине шага своим соперникам, многие из которых выше его на голову.

Примером для Куца была не только превосходная техника

Максунова, но и его волевые качества. Откуда только он брал силы для ускорения в тот момент, когда, казалось, безнадежно проигрывал убежавшим далеко вперед противникам?

Главное событие, принесшее «маленькому ленинградцу» всесоюзную известность, произошло на Спартакиаде 1928 года в Москве. Здесь выступало несколько именитых зарубежных легкоатлетов, у которых никто из наших спортсменов не надеялся выиграть. Легкоатлеты хотели у них просто поучиться. Собственно, именно так и произошло: эстонец Рехи продемонстрировал великолепную технику в прыжках в длину и барьерном беге, норвежец Хельгесен не имел конкурентов в прыжках в высоту. Уверенную победу в беге на 5000 метров одержал финский бегун, будущий олимпийский чемпион В. Исо-Холло.

Но вот 15 августа дан старт на 10 000 метров. Никто не сомневается, что победит спортсмен из Финляндии. В группе лидеров Максунов, француз Венсенн, немец Грааль. Шестым начинает бег Исо-Холло. Пройден первый круг, и бег возглавляют финн и Максунов. Зрители обращают внимание на то, что Максунов легко бежит впереди своего соперника, не уступая ему в длине шага.

За шесть кругов до финиша Исо-Холло обгоняет Максунова. Разрыв между бегунами все увеличивается. Зрители на трибунах уже примирились с поражением советского спортсмена, надеясь только, что гость не обгонит его на целый круг. Но Максунов начинает ускорять бег. Это настолько неожиданно, что зрители недоумевают, откуда у него берутся силы. А Максунов все сокращает разрыв между собой и финном.

На последней прямой ленинградец настигает своего соперника и финиширует первым. 32:34,0 — это новый всесоюзный рекорд! Наиболее темпераментные болельщики выбегают на дорожку, качают победителя. 27 мая 1934 года Максунову, одному из первых советских бегунов, присваивается звание заслуженного мастера спорта СССР. В беге на 10 000 метров он более чем на минуту сократил расстояние от всесоюзного рекорда до мирового.

Но ближе всех по характеру, типу, судьбе Владимиру Куцу были рабочие парни, начавшие свой спортивный путь так же поздно, как и он, на стадионе московского завода «Серп и молот», — Серафим и Георгий Знаменские. В 1932 году, сдавая нормативы ГТО на этом стадионе, они пробежали 1000 метров за 2 минуты 50 секунд. Таких результатов здесь не показывал никто, и инструктор физкультуры выразил сомнение в возможности такого результата.

— Ах так! Ну так мы пробежим еще раз. Ты не против, Георгий?

— Ну что же, можно и еще раз, Серафим.

Второй раз они пробежали 1000 метров за 2 минуты 48 секунд. Так Серафим и Георгий Знаменские начали свой спортивный путь на заводском стадионе.

С братьями Знаменскими связано много всевозможных легенд и самых необычных историй. Рассказывали, что братья обгоняли поезда. Предпочитали передвигаться только бегом. Правда заключается в том, что Серафим и Георгий были исключительно одаренными от природы людьми. Крепкого сложения, с длинными мускулистыми ногами и широкой грудью, они были трудолюбивы, настойчивы и, казалось, не знали усталости. Железный режим, утреннее купание в проруби. Никакого алкоголя и курения.

А бегали они действительно всегда и везде. Нередко уезжали с вечера на базу «Спартака» в Тарасовку, а наутро вдоль водопроводной ветки канала Москва-Волга пробегали 10–12 километров. Их не смущали недоуменные взгляды москвичей, когда почти ежедневно они бежали от Никитских ворот к Трубной площади, Сретенке и Покровке по заснеженным дорожкам бульварного кольца.

Потом начались регулярные тренировки под руководством тренера Стеблева, как правило, на стадионе, носящем теперь название стадион Юных пионеров. Тренировались они много, с редким упорством. Не раз устанавливали рекорды в беге на дистанциях от 1500 до 10 000 метров. Выходили победителями на кроссах «Юманите», на мировой рабочей олимпиаде в Антверпене.

Доведись им выступать на олимпийских играх, они, несомненно, могли бы рассчитывать на одно из призовых мест. К сожалению, на их время не пришлось ни одной олимпиады — в Играх 1936 года советская команда не участвовала, а далее цепь олимпиад прервала война.

О том, что это были выдающиеся личности, говорит не только их спортивный, но и жизненный путь. После рабфака они блестяще, с отличием окончили медицинский институт и в военное время работали врачами в госпитале.

Их именем названа московская спортивная школа «Спартака». В их честь проводятся соревнования, а в эстафете «Вечерняя Москва» на самом длинном этапе «Краснохолмский мост», где не раз бегали братья, ежегодно разыгрывается приз имени Знаменских.

У братьев Знаменских Владимиру Куцу было чему поучиться.

Прежде всего на примере их спортивного пути он пришел к выводу, что возраст в занятиях бегом не помеха, что все дело в систематических тренировках, жестком, неукоснительно выполняемом режиме и что при желании можно найти время не только для спорта, но и для продолжения образования.

Не раз в будущем, поступив в школу тренеров, а затем в Ленинградский военный институт физкультуры, одолевая не без труда курс наук, необходимых тренеру, Куц будет вспоминать о предшественниках, о том с каким достоинством они прошли свой спортивный и жизненный путь.

Знаменские сделали еще один шаг вперед на пути к мировым рекордам. В 1940 году Серафим Знаменский в беге на 5000 метров показал результат 14:37,0, лишь на 30,4 секунды уступающий мировому рекорду, а на 10 000 метров — 30:44,8, что было на 52,2 секунды хуже рекорда мира.

Глава 6. Мастер спорта

«В истории советской, да, пожалуй, и мировой легкой атлетики трудно найти пример столь быстрого прогресса в беге на 5000 метров и столь высокой стабилизации результатов, как те, которые в 1953 году продемонстрировал Владимир Куц»! — так писал в 1971 году в своей книг «Записки легкоатлета» старший тренер сборной команды страны Гавриил Витальевич Коробков. С ним можно согласиться, но, пожалуй, только с одной поправкой. Первые значительные успехи Куца в стайерском беге нужно отнести к 1952 году, когда его тренировкой начал руководить Александр Чикин. В самом деле, весной еще второразрядник, осенью он стал мастером спорта.

В начале лета в Таллине на первенстве Краснознаменного Балтийского флота состоялась его встреча с чемпионом флота и Эстонии Сергеем Протониным. Своей обычной тактике Володя не изменил. Он повел бег. На последних километрах дистанции 5000 метров, вспоминая горький урок бега в 1951 году с Никифором Поповым, он стал ждать рывка неотступно следовавшего за ним Протонина.

И действительно, перед последним кругом преследователь попытался обогнать его. Однако то ли Протонин не был хорошо подготовлен к этому бегу, то ли сказались тренировки по плану Чикина, но вместо того чтобы уступить, куц прибавил в скорости и неожиданно не только для зрителей, но и для самого себя первым коснулся финишной ленточки.

Итак, впервые он чемпион флота в беге на 5000 метров. Выполнен и столь желанный первый разряд. А в середине лета состоялась вторая в его жизни встреча с Никифором Поповым на первенстве Военно-морских сил в Одессе. Об этом выступлении Куца хорошо помнит один из его ближайших друзей по флотской спортивной команде спринтер и прыгун в длину Владимир Иванович Котенков:

«В тот день в Одессе было жарко. В тени около 30 градусов. Закончились спринтерский бег, прыжки метания, и к вечеру давался старт в беге на 5000 метров. Володя Куц подошел ко мне и протянул бумажку. Это график бега, который помог ему составить Чикин. Дал он мне и секундомер, сказав: «Не привык я бегать по графику. Но на этот раз попробую. А ты давай мне на поворотах время, чтобы я мог ориентироваться.»

Я взял и график и секундомер. Зная обычную тактику Попова, посоветовал Куцу не обращать внимания на ускорения противника, а постараться идти своим темпом. В конце же

дистанции резко финишировать. До сих пор помню этот бег. Попов и Куц быстро опередили остальных спортсменов. На втором и четвертом круге, как я и предполагал, Попов попытался убежать от Володи, но тот сумел быстро ликвидировать образовавшийся было разрыв между ними.

Они бежали рядом, опередив остальных по крайней мере на круг. И вот последняя прямая. Попов на метр впереди. Куц отходит вправо, для того чтобы обогнать соперника. Чувствуется, что на этот раз он сохранил силы для финиша. Я уже предчувствую близкую победу товарища, но перед Куцем снова вырастает спина Попова. Что это? Запрещенный правилами кроссинг или просто желание продвинуться вправо в конце дистанции и финишировать посередине дорожки? Во всяком случае линию финиша они пересекают почти одновременно. Судьи долго совещаются и наконец объявляют, что победу одержал Никифор Попов, а Владимир Куц занял второе место».

Для всех присутствующих на стадионе было ясно, что новичок только по неопытности не сумел выиграть этот бег. Во всяком случае, его включили в команду Вооруженных сил для выступления на первенстве страны, которое в том году состоялось в Ленинграде на стадионе имени С. М. Кирова.

1952 год был годом олимпийским, и, когда Куц готовился к выступлению в Одессе, советская сборная команда впервые принимала участие в Олимпийских играх, состоявшихся в Хельсинки.

Вместе со всеми советскими людьми Куц радовался первой золотой медали, завоеванной Ниной Ромашковой (Пономаревой) в метании диска. Но, конечно, с особым интересом следил за событиями, разворачивавшимися на длинных беговых дистанциях. К сожалению, радоваться можно было только бронзовой медали Александра Ануфриева, занявшего третье место в беге на 10 000 метров. Остальные советские стайеры — И. Семенов, Н. Попов, И. Пожидаев не смогли войти в число сильнейших. Героем Олимпиады, опередившим всех не только на обеих стайерских дистанциях, но и в марафонском беге, стал чехословацкий спортсмен Эмиль Затопек. Пока Куц мог только мечтать о встрече с ним. Он никак не предполагал, что менее чем через год спортивная судьба сведет его с олимпийским чемпионом на беговой дорожке в Бухаресте.

А свое выступление на первенстве страны в Ленинграде в составе Вооруженных сил Куц начал с бега на 10 000 метров. И снова совершил ошибку. Его тактика была по-детски простой и наивной.

«Раз я бегу с сильнейшими стайерами страны, значит, нужно

показать все, на что способен. График графиком, а самое главное — скорость», — считал Володя. Такой скорости хватило не более чем на 1000 метров. Затем его обходят Ануфриев и Басалаев. Володя бежит за ними. «Если так продержусь до конца, — думает он, — то у меня будет бронзовая медаль. Совсем неплохо для первого раза на чемпионате страны».

Но после 8 километров ноги перестают нести его вперед. Справа его обошли один, второй, третий бегун… До финиша остается совсем немного. И в этот момент у Куца появляется то, что бегуны обычно называют вторым дыханием. Он чувствует, что может продолжать бег. Впереди быстро и уверенно приближается к финишу Ануфриев, остальные с трудом поспевают за ним. Почему бы не обогнать их? Куц делает рывок, с одобрением встреченный зрителями на трибунах. Он совсем недалеко от бегущих впереди. Но уже поздно. Куц пересекает линию финиша только шестым.

Вернувшись в Таллин, Владимир прежде всего находит Чикина. Они беседуют на скамеечке в парке Кадриорг. Такому опытному тренеру, как Александр Александрович, ничего объяснять не надо. Он был на соревнованиях в Ленинграде.

— Я понимаю тебя, Володя, — мягко говорит Чикин. — Ты хотел быть первым. Но всему свое время. Продолжай тренироваться и запомни раз и навсегда, что бежать с высокой, тем более предельной скоростью человек не может длительное время. Если темп бега ему не по силам, то с каждым очередным кругом его скорость будет неизбежно падать, а вскоре наступит момент, когда ему придется плестись в хвосте.

Нужно так распределить свои силы по дистанции, чтобы показать лучший результат. А для этого выгоднее всего равномерный бег с той средней скоростью, которая тебе доступна. И твоя задача — повысить эту среднюю скорость. Прикидки, контрольный бег помогут тебе составлять график. Но пока без графика ни шагу.

Сезон не кончен. Предстоит еще первенство Прибалтийских республик. Мы составим график так, чтобы ты мог стать наконец мастером спорта СССР.

Слова Александра Александровича понятны Куцу, но. не соответствуют его характеру. Видеть перед собой спины соперников? Отказаться от желания устремиться вперед, оставив позади себя остальных бегунов? Это, право, не для него!

Такой была первая реакция Володи на разговор с тренером о тактике бега. Но в глубине души он понимал, что Чикин прав, что для победы на соревнованиях с опытными и хорошо подготовленными противниками нужен резвый расчет, умение

противостоять своему первому побуждению быть только впереди.

Пожалуй, именно эта беседа с Александром Александровичем положила начало серьезным раздумьям Куца о тактике бега. Первые, казалось бы, примитивные, но необходимые тактические правила Куц, обладавший великолепной памятью, освоил сравнительно быстро.

Не зевать на старте. Использовать стартовое ускорение для того, чтобы занять выгодное, а если противник слабее тебя, то и первое место в ведущей группе бегунов. Бежать по возможности ближе к бровке, помня о том, что, оказавшись на повороте на расстоянии метра от бровки, ты увеличиваешь дистанцию круга каждый раз не менее чем на 3–5 лишних метров.

Бежать по возможности более равномерно, сообразуясь с составленным заранее графиком. Применять рывки, ускорения лишь тогда, когда это диктуется необходимостью и помогает таким путем измотать противника.

Не позволять соперникам далеко уходить от тебя, помнить, что разрыв в 40–50 метров в беге на длинные дистанции является предельным и может деморализовать оставшегося позади.

Стараться обгонять противника не на повороте, а на прямой. Это позволит более экономно расходовать энергию. В то же время, если этого требует обстановка, не бояться на повороте отойти вправо для того, чтобы обогнать замедливших бег участников соревнования.

По возможности сохранять силы для финиша, начинать его как можно раньше в том случае, если противник обладает большей, чем ты, абсолютной скоростью.

При составлении графика бега, определяя скорость на отдельных этапах дистанции, руководствоваться состоянием своей спортивной формы, результатами контрольного бега, проведенного незадолго перед соревнованиями.

Наконец, обдумывая план бега и составляя его график, сообразоваться с возможностями и особенностями своих будущих соперников.

Эти основные простейшие правила легли в основу той мудрой и вместе с тем гибкой тактики, которая впоследствии стала главным оружием Куца на беговой дорожке.

Забегая вперед, скажем, что в 1956 году в Мельбурне Куц был уже зрелым мастером, умеющим не только быстро начинать бег, но и тактически правильно строить его на протяжении всей дистанции. Печальный опыт пошлых лет позволил ему убедиться, что, не обладая высокой абсолютной скоростью, он должен решать исход забега еще до финиша, на дистанции. Он великолепно знал особенности своих противников и строил

тактику так, чтобы лишить более быстрых бегунов, своих главных соперников венгра Шандора Ихароша, англичанин Гордона Пири и Кристофера Чатауэйя их основного преимущества — стремительного финиша…

Однако вернемся к осенним соревнованиям 1952 года, о которых рассказывает один из друзей Куца, тренировавшийся и выступавший вместе с ним в то время Уно Кялле, ныне тренер по бегу на длинные дистанции:

«К матчу Прибалтийских республик мы готовились вместе. Куц уже более-менее научился рассчитывать свои силы, а в первое время даже на тренировках бросался вперед и бежал в таком высоком темпе, пока хватало сил. Затем переходил на бег трусцой или на шаг и, отдохнув, снова мчался вперед.

Помню, мы жили с ним в одном номере гостиницы в конце улицы Пикк. Володя всегда поражал меня своей физической силой. Любил повозиться. А когда затевал со мной шуточную борьбу, то у меня буквально трещали кости, и я просил его не сломать мне ребра».

Первенство Прибалтийских республик проходило на том же стадионе в парке Кадриорг. Осень уже позолотила листву на столетних дубах. Популярное в Прибалтике соревнование собрало на этот раз тысячи зрителей.

Для Куца это была последняя возможность выполнить в 1952 году норматив мастера спорта. Нужно было пробежать 5000 метров по крайней мере за 14 минут 36 секунд. Кого из соперников ему надо опасаться? Пожалуй, эстонского бегуна Эриха Веетыусме, который трижды — в 1949, 1950 и 1951 годах — был чемпионом страны в беге на 1500 метров. Правда, 5000 метров не его дистанция, но кто знает, какой результат сможет показать опытный средневик, пробежав вместо трех с половиной двенадцать с половиной кругов?

На этот раз Чикин требует от Куца точного выполнения графика. Продуман план бега. Сравнительно быстрое начало, поддержание хорошей равномерной скорости на основной части дистанции и увеличение скорости на последнем километре.

«Со старта я возглавил бег. Первый километр пройден точно по графику, — вспоминал Ку. — Веетыусме — чемпион Эстонии. Публика его знает и любит. Все симпатии на его стороне. Его подбадривают, просят, сотни голосов умоляют выйти вперед, и на какой-то миг он впереди меня. Но я не хочу смотреть на его спину. «Вперед!» — командую я себе.

Скорость бега увеличилась. Вижу, тренер показывает мне, что иду на 8 секунд быстрее запланированного времени. Тогда я, продолжая лидировать, несколько замедляю бег. Мне нужно

сохранить силы до финиша, мне надо убедиться, что не зря потрачены на тренировках время, силы, энергия. Мне нужны 14 минут 36 секунд. Нужны! Больше двух лет я шел к этой цифре.

Три километра с плеч долой, я по-прежнему впереди. У меня опять пытается отнять лидерство Веетыусме. Он совсем рядом. Как только я снизил темп бега, сохраняя силы для финиша, он вплотную подошел ко мне. Но ленинградское поражение меня кое-чему научило. Я стал спокойнее и расчетливее. Мало бурно начать бег, надо его успешно и закончить. Делаю рывок и на четвертом километре отрываюсь от своего соперника. Краем глаза замечаю Чикина. «Четырнадцать тридцать четыре, — говорит он. — Новый рекорд Эстонии!..»

Итак, Владимир Куц становится мастером спорта. Но через день еще одно выступление. На этот раз в беге на 3000 метров с препятствиями. Счет очков в командном зачете таков, что только победа на этой дистанции принесет Эстонии первое место в матче Прибалтийских республик.

Однако этот бег требует специальной подготовки. Здесь нужны не только выносливость и скорость, но и техника преодоления препятствий. В стипль-чезе, как иногда называют этот вид бега, на каждом из семи кругов спортсмены должны преодолеть четыре барьера высотой 91,4 сантиметра (перепрыгивая или наступая на них) и один барьер перед ямой с водой. Всего 35 препятствий. Нельзя сказать, чтобы Куц в совершенстве освоил эту технику. Впрочем, в данном случае на помощь ему пришла смелость и понимание того, что от его выступления зависит успех всей команды.

От Эстонии бегут двое — Уно Кялле и Владимир куц.

«Перед забегом на 3000 метров с препятствиями, — вспоминает Кялле, — Володя предложил мне свой план бега: «Ты молодой бегун, и тебя еще не знают, тем более не боятся. Со старта выходи вперед, да побыстрее. Я же буду держаться за тобой. Метров через 300–400 ты неожиданно замедляешь бег, а я выхожу вперед. Постарайся попридержать остальных, но далеко не отставай!»

Все получилось так, как предложил Куц. Я повел бег. Потом пропустил его, и некоторое время остальные участники держались за моей спиной, дав возможность Володе уйти довольно далеко вперед. Словом, Куц закончил дистанцию первым за 9:11,0, вторично на этом соревновании выполнив норматив мастера спорта и обеспечив победу эстонской команде…»

Глава 7. В Ленинграде

Семь лет службы в Военно-морском флоте позади. За это время можно было привыкнуть и к суровой Балтике, и к своим обязанностям командира орудия главного калибра. Теперь он человек в тельняшке. Кстати, он не будет расставаться с ней до конца своей жизни. И это не просто удобная одежда. Это символ того, что теперь он принадлежит к числу людей, связавших свою судьбу с морем, людей смелых, решительных, готовых к любой схватке, и не только с морской стихией, но и с любыми жизненными невзгодами.

Уже сейчас можно сказать, что эти качества военного моряка он успешно перенес в спорт, где был также настойчив, упорен и трудолюбив, как и на вахте боевого корабля. Именно это помогало ему подниматься по ступенькам спортивного мастерства. Первые шаги были особенно трудны. Теперь он чувствует себя более уверенно. Он уже мастер спорта. Его включили в состав сборной команды Военно-морского флота.

Зимой 1952–53 года Владимир Петрович Куц был переведен в Ленинград. На легкоатлетический сбор команды Военно-морских сил съехались бегуны на короткие дистанции Владимир Рябов и Борис Токарев, прыгуны Юрий Илясов и Витольд Креер, метатель Георгий Федоров, скороход Сергей Лобастов, уже известный Куцу Никифор Попов.

Команда готовилась к участию в зимнем первенстве страны по легкой атлетике. Все дни были плотно загружены тренировками, теоретическими занятиями. Наконец выдался свободный день, на удивление совпавший с днем рождения Куца. Решено было посвятить его осмотру Кронштадта и прогулке по Ленинграду. Куцу выдали увольнительную до 19.00.

Какой моряк, независимо от того, к какому флоту он приписан, не мечтает побывать в Кронштадте — колыбели русского флота. Собственно, Владимир Куц уже многое знал об этом городе-крепости. О том, что он основан Петром I в 1703 году на острове Котлине неподалеку от Петербурга в восточной части Финского залива. В октябрьские дни 1917 года гарнизон Кронштадта и рабочие Кронштадтского морского завода одними из первых стали на сторону большевиков. В годы Великой Отечественной войны немцы с наблюдательных вышек петергофского берега могли видеть все, что делалось в Кронштадте и его фортах. Но сам город, так же как и Ленинград, был им недоступен.

Несмотря на постоянные артиллерийские обстрелы и

бомбежку, Кронштадтская крепость и флот не только надежно прикрывали Ленинград с моря, но и вели борьбу с вражеским флотом. Отсюда, с рейдов Кронштадта, советские подводные лодки и торпедные катера, преодолевая сплошные минные поля, наносили чувствительные удары по немецким кораблям. Морская артиллерия умело поддерживала боевые действия наших сухопутных войск.

Старшину Военно-морского флота Владимира Петровича Куца охотно подвезли до Кронштадта морячки попутного катера. Первое, что он увидел уже издалека, была полосатая труба морского завода, приземистые здания которого протянулись вдоль гранитной набережной, и купол Морского собора, украшенный искусной лепкой, изображающей якорные канаты, спасательные круги.

После войны прошло уже немало времени, и от страшных ран, которые нанесли городу немецкая артиллерия и авиация, осталось очень немногое. Надстроены разрушенные здания, ликвидированы бомбоубежища, засыпаны окопы на площадях, бульварах и в парках.

Владимир Куц ходил по прямым, как будто проложенным по линейке улицам, останавливался у набережных гаваней и каналов. Серыми были силуэты кораблей на рейдах, гранитные стенки набережных и причалов. Кирпичными еще с довоенного времени оставались некоторые жилые дома и служебные здания: Кронштадтская школа связи, гарнизонная баня, госпиталь.

Куцу удалось встретить отставных моряков, переживших блокаду Ленинграда. До сих пор они не могли примириться с трагической гибелью линейного корабля «Марат». Тяжелая немецкая авиационная бомба разорвалась в носовой части корабля, который начал медленно погружаться в воду. Мощный взрыв, казалось, заставил содрогнуться весь Кронштадт.

Многочисленные бульвары и парки украшали город-крепость. Особенно хорош был Петровский парк, заросший могучими деревьями. Володя присел отдохнуть у памятника Петру I. Установленный на высоком пьедестале бронзовый Петр, опираясь на шпагу, казалось, наблюдал за стоящими на рейде кораблями. На нем — мундир Преображенского полка с перекинутой через плечо Андреевской лентой. Под царскими ботфортами на граните выбита надпись: «Оборону флота и сего места держать до последней силы и живота. Яко наиглавнейшее дело!»

Ленинград встретил Куца туманом. Мокрая серая пелена висела над городом. Но от этого он не становился менее величественным с его широкими прямыми проспектами, кружевом легких решеток, плавными линиями мостов. При входе

на Аничков мост Володя остановился у бронзовой фигуры юноши, укрощавшего поднявшегося на дыбы дикого коня. На гранитном кубе-постаменте была хорошо видна широкая рваная рана — след разорвавшегося неподалеку немецкого снаряда. Об этом можно было прочесть на прикрепленной здесь же металлической пластинке. Да! Это был след блокадного 1942 года, когда артиллерийский обстрел города достиг особой силы.

Затем он повернул вниз по Невскому. Остановился еще перед одним свидетельством недавней войны. На здании белыми буквами по синему фону написано: «Граждане! При обстреле эта сторона улицы наиболее опасна!»

Читая предыдущие страницы, можно составить себе неверное представление о Владимире Петровиче Куце как об этаком идеальном матросе, живущем согласно уставным требованиям и только радующем свое начальство. О том, что это не так, что Владимир был не лишен известной доли озорства и легкомыслия, можно судить по тому, что произошло с ним в конце так хорошо начавшегося дня рождения.

В великолепном расположении духа он повернул к Дворцовой площади. Миновал здание Адмиралтейства. Подняв голову, полюбовался сверкающей Адмиралтейской иглой. В который раз удивился искусству ленинградских альпинистов, которые в начале войны сумели подняться на такую высоту, чтобы замаскировать шпиль: он мог стать ориентиром для немецкой артиллерии и авиации.

У Медного всадника он снова постоял, удивляясь тому, что бронзовый конь держится лишь на двух задних ногах. Когда через некоторое время он подходил к площади Труда и до экипажа остались считанные минуты ходьбы, сзади него послышался уверенный командирский голос:

Товарищ старшина! Почему не приветствуете старших по званию!?

Куц повернулся. Как же он умудрился пройти мимо кавторанга, не заметив его. Вот тебе и сюрприз ко дню рождения! И тут он, повинуясь мгновенному побуждению, припустил бегом по тротуару, оставив морского офицера в недоумении: провинившийся матрос, вместо того чтобы, опустив глаза, с покаянным видом выслушать наставления, задал стрекача.

Куц вернулся в экипаж в срок. Некоторое время колебался, но в конце концов рассказал о том, что произошло, начальнику сбора Евгению Алексеевичу Горшкову. И вовремя. Дежурный доложил, что патруль разыскивает какого-то старшину. Видимо, кавторанг проследил путь беглеца до самого экипажа.

— Ну вот что, мой дорогой! Отправляйся под арест! — сказал

Горшков. И тут же нарушитель был заперт в кладовую, а у двери был поставлен часовой с винтовкой.

Сидя в душной кладовой, Владимир Куц изрядно поволновался. Недоставало еще в день рождения попасть на матросскую гауптвахту. У этого ленинградского заведения была дурная слава. В те годы гарнизонная гауптвахта находилась на Садовой улице, вблизи площади Искусств. Рядом — Русский музей, филармония, манеж, в котором они тренировались, но разве это может утешить узника? Рассказывали, что провинившиеся содержатся там в большой строгости. Пока Володя сидел в кладовке и переживал случившееся, начальник сбора Евгений Алексеевич Горшков отстаивал своего подопечного.

Горшков: Вы говорите, в матросской форме?

Патруль: Да, в матросской. Говорит, что вбежал именно в ваши двери.

Горшков: Совершенно верно. Кстати, за ним еще одно нарушение. Вернулся позднее срока, проставленного в увольнительной.

Патруль: Тем более он должен отбывать наказание на гарнизонной гауптвахте.

Горшков: Конечно, конечно. Но видите ли, он уже арестован и отбывает наказание. А за побег и нарушение устава внутренней службы ему придется добавить пару суток.

Патруль: И где же он находится, этот ваш бегун?

Горшков: Да вот, здесь рядом. Давайте пройдем.

И в сопровождении патрульных с красными повязками на рукавах Евгений Алексеевич вышел в коридор и повел нежеланных гостей к двери, где стоял на страже с винтовкой в рука дюжий матрос. Достав из кармана ключ, он отворил дверь, и патрульные увидели старшину без ремня и шнурков, сидящим с грустным видом на табурете у плотно закрытого окна.

Этого оказалось достаточно, и патрульные удалились с сознанием выполненного долга.

В Ленинграде Куц подружился с таким же, как он, военным моряком, только закончившим Краснознаменный военный институт физической культуры и спорта имени В. И. Ленина и включенным в состав сборной флотской команды в качестве одного из сильнейших в стране скороходов, — Сергеем Лобастовым, чемпионом и рекордсменом страны в ходьбе на 50 километров. С тех пор Лобастов на всю жизнь остался одним из самых близких друзей Куца.

Высокорослый, крепкого сложения, Сергей прошел в спорте не совсем обычный путь. Начать с того, что, поступив призыва в

армию во второе Чкаловское авиационное училище, он был отчислен по состоянию здоровья — врачи нашли у него высокое артериальное давление. Оказавшись на некоторое время в училище в качестве секретаря комсомольской организации эскадрильи, он сделал выбор между политработой и физкультурой в пользу физкультуры.

К сожалению, и здесь повышенное давление ввело врачей в заблуждение. Только после тщательного обследования в Военно-медицинской академии ему было разрешено заниматься циклическими видами спорта, в частности бегом и ходьбой. Так Лобастов был оставлен в институте и до его окончания выполнял обязанности старшины курса, а затем и факультета. Занятия же спортом совершили чудо — давление нормализовалось, и Сергей, выполнив первый разряд по лыжам, занялся спортивной ходьбой, войдя в состав сперва сборной флота, а затем и страны.

Незадолго до встречи с Куцем Сергей Лобастов получил назначение в Ленинградское нахимовское училище на преподавательскую работу. Он не только отлично знал Ленинград и мог с успехом выполнять роль гида в походах Владимира по городу, но и обладал солидными познаниями в области спортивной тренировки, подготовки к соревнованиям и тактики бега. Естественно поэтому, что у друзей всегда находились темы для разговоров.

Лобастов вспоминает, что свою первую встречу в Ленинграде они с Куцем ознаменовали походом после тренировки в Театр музыкальной комедии на оперетту «Вольный ветер». А в будущем, несмотря на привычку Куца бегать в одиночку, они нередко тренировались вместе.

В Ленинграде Владимир Куц впервые получил возможность заниматься легкой атлетикой круглогодично. Все ленинградские спортсмены превосходно знают Сосновку — лесопарк, где могут тренироваться и бегуны и лыжники. Впрочем, представители лыжного спорта обычно предпочитают Кавголово.

Неподалеку от Сосновки находилась городская баня. Перед занятиями она служила для них раздевалкой, после тренировок — своеобразным реабилитационным центром, где можно было воспользоваться парной, провести сеанс массажа.

Куц начал с того, что подготовил для бега в Сосновке дистанцию — измерил на снеговой дорожке расстояние между деревьями и сделал на них надписи: 100, 200, 300, 400 метров — и так километра на полтора-два. Здесь зимой 1953 года он бегал кроссы, а кроме того, время от времени сходил с дорожки на целину. Это было значительно трудней, но доставляло ему большое удовольствие. Привычку к силовому бегу в снегу он

сохранил и переехав в Москву — бегал зимой в Рублеве, Измайлове или Сокольниках.

Два-три раза в неделю тренировки проходили в манеже. Он ездил либо в небольшой манеж летного военного училища, либо в бывший Михайловский манеж в центре Ленинграда, неплохо оборудованный для занятий легкой атлетикой. Одно время именно в этом манеже проводились всесоюзные зимние соревнования. Здесь можно было повозиться со штангой, позаниматься на гимнастических снарядах, побегать по гаревой дорожке.

В первое время за Куцем присматривал начальник сбора Евгений Алексеевич Горшков. Володе везло в жизни на хороших людей, и в первую очередь на тренеров — Леонид Сергеевич Хоменков, Александр Александрович Чикин. Теперь судьба свела его с Горшковым — участником Великой Отечественной войны, получившим на Ленинградском фронте семь ранений, полежавшим в госпиталях около полутора лет и в течение года заново учившимся ходить без костылей на несгибающихся ногах.

За время сбора в Ленинграде Владимир познакомился с основами зимней тренировки, узнал, что именно зимой, в подготовительном период закладываются основы летних успехов и что в этом заключается один из главных принципов современной тренировки в легкой атлетике.

После сбора команда Военно-морских сил выступала в манеже на зимних всесоюзных соревнованиях. Михайловский манеж не располагал достаточным количеством мест для зрителей. Невысокие деревянные трибуны, проходы между ними и небольшие балконы были до отказа заполнены любителями легкой атлетики.

Было непривычно душно. Короткая круговая беговая дорожка требовала специальных навыков, и, выступая здесь в беге на 3000 метров, Куц уступил первое место опытному стайеру Ивану Пожидаеву.

Но нет худа без добра. Здесь, в ленинградском манеже, состоялась встреча и знакомство Владимира Куца с человеком, который впоследствии стал его наставником и другом на долгие годы. Это был преподаватель Ленинградского института физкультуры и спорта имени П. Ф. Лесгафта, один из тренеров сборной команды страны Григорий Исаевич Никифоров.

Нельзя сказать, что при первой встрече этот немолодой немногословный человек с густыми, слегка тронутыми сединой волосами был особенно приветлив с Куцем. Он не сказал даже, что еще на первенстве страны 1952 года на стадионе имени С. М. Кирова обратил внимание на неугомонного моряка, до

последних метров дистанции не желавшего смириться с поражением.

— Вы хотите тренироваться у меня? — переспросил он Куца.

— Да. Мне посоветовал обратиться к вам мой первый тренер Александр Александрович Чикин.

— Я не возражаю, — сказал Никифоров после короткой паузы. — Но имейте в виду, что я требую беспрекословного выполнения всех заданий. Кроме того, у вас неблагополучно с техникой. Тяжелый, изнуряющий стиль бега. Я не жду, станете порхать по дорожке, но легкость, то есть экономное расходование сил, необходима. Вы же, извините меня за сравнение, бежите так, будто хотите пробить лбом кирпичную стену.

О том, что его техника далека от совершенства, Куц догадывался и раньше. Однако, тренируясь по планам сперва Хоменкова, а затем Чикина и Попова самостоятельно, он просто не знал, что нужно для того, чтобы правильно бегать.

Никифорову удалось включить Куца в сборную команду Ленинграда, которая должна была выступать на весеннем матче городов. И теперь за каждым его шагом следил опытный тренер. До сих пор он неполностью выпрямлял ноги во время бега. Ставил ногу на дорожку с пятки. А ему нужно было держаться во время бега повыше. До конца выпрямлять ноги при отталкивании и касаться грунта передней внешней стороной стопы.

Это оказалось чертовски трудно. Так же трудно, как изменить привычную, приобретенную с детских лет походку. Для того чтобы добиться успеха, в ход пошли разнообразные беговые упражнения.

— Выше! Выше! До конца выпрямляй ногу. Не забывай про стопу. Опять первой коснулась грунта пятка… — Эти слова тренеру приходилось повторять не раз. Но во всем остальном Никифоров не имел никаких претензий к своему новому ученику, который оказался на редкость исполнительным.

Глава 8. Первая встреча с Затопеком

На сборе Куца поселили на стадионе имени С. М. Кирова в маленькой судейской комнате вместе с известным копьеметателем Владимиром Кузнецовым. Вот что рассказывал Кузнецов об их совместной жизни:

«Мой сосед оказался добродушным, доброжелательным человеком. Он не был похож на стайера. Коренастый, широкогрудый, он казался скорее борцом или спринтером. Морская форма старшины подчеркивала его крепкое телосложение.

…Единственным неудобством в нашем совместном проживании было то, что я ложился поздно и поздно вставал, а сосед все делал наоборот. Уже в 6 утра он, натянув поверх тельняшки теплый лыжный костюм, уходил на 1,5-часовую зарядку. Хотя Владимир старался все делать неслышно, я все же просыпался, и моя утренняя зарядка, которую я обычно делал в 9 утра, заменялась сном до 10 часов.

…В один из дней еще с вечера начал накрапывать дождь. К утру он перешел в сильный, с резкими порывами ветра. Каково же было мое удивление, когда я услышал, что Владимир, как обычно, ушел на зарядку. Прошел час, а он все еще не возвращался. Я стал беспокоиться. Натянул тренировочный костюм, спустился вниз к выходу. Сел в машину, медленно поехал вокруг стадиона, но Владимира нигде не было видно. Накрывшись сверху плащом, я вылез из машины. Черные, нависавшие над заливом тучи закрывали горизонт. Огромные волны с шумом накатывались на каменистый берег. Сильный косой дождь поливал все вокруг. Вдруг я увидел Владимира. Он бежал против ветра, опустив подбородок вниз. Видно было, что он устал, но не менял темпа бега. Во всем его облике была какая-то непреклонность. Пройдет два года, и спортивный мир назовет этот стиль бега Владимира Куца агрессивным. Миллионы любителей легкой атлетики на всех континентах мира будут восхищаться сокрушительной тактикой бега легендарного бегуна…»

Постепенно настойчивость Григория Исаевича Никифорова и упорство Куца стали приносить свои плоды. Стиль бега Куца приобрел если не легкость, то стремительную экономичность. А через несколько лет кинограммы бега Владимира будут публиковаться в спортивных журналах, и его технике специалисты легкой атлетики станут посвящать специальные статьи.

Владимир Куц побывал и дома у своего нового тренера. Так

же как и Чикин, живший в Таллине более чем скромно, Никифоров пренебрегал удобствами. Он занимал ветхий домишко неподалеку от Сенной, предпочитал паровому отоплению печку с дровами.

Еще до войны Никифоров многому научился у основоположника физиологии спорта профессора Алексея Николаевича Крестовникова. Приобрел навыки тренерской работы с бегунами в период своей дружбы с Алексеем Максутовым. Потом занимался со студентами института физкультуры, подающими надежды в беге на средние и длинные дистанции. Много сил положил на подготовку после войны великолепного марафонца Сергея Попова.

Победитель первенства Европы 1958 года Попов имел филигранную, до мельчайших деталей отточенную технику бега. А когда группа физиологов провела обследование другого его ученика — Ивана Филина, завоевавшего золотую медаль на чемпионате континента 1954 года, обнаружилась феноменальная способность этого бегуна: Филин переносил такой недостаток кислорода, который для обычного нетренированного человека мог стать чуть ли не смертельным. Подобный навык «бескислородного» существования во время бега был выработан и у других воспитанников ленинградского тренера.

Конечно, это было бы невозможным без высокого уровня специальной выносливости, системы восстановления, которые были разработаны Никифоровым до мельчайших деталей. Кстати, подготовке марафонцев Григорий Исаевич посвятил специальную брошюру.

Неоценима и его помощь стайерам послевоенного поколения Ивану Пожидаеву, Александру Артынюку, Евгению Жукову, Ивану Чернявскому, Юрию Захарову.

Однако особая заслуга Никифорова в том, что он воспитал ДВУХ олимпийских чемпионов в беге на длинные дистанции. Об одном из них, Владимире Куце, мы рассказываем сейчас. Второй — Петр Болотников, вскоре ставший преемником своего товарища.

Уже в этот первый год занятии с Никифоровым Владимир Куц не мог не оценить достоинства той системы подготовки бегуна, которой придерживался Григорий Исаевич. Прежде всего это был индивидуальный подход к каждому спортсмену. Понимание подготовки бегуна как сложного комплексного процесса, в котором нет ничего второстепенного. Максимум внимания не только физическим упражнениям, но и питанию, режиму, психологической подготовке, волевым качествам, средствам восстановления.

Что касается собственно беговой тренировки, то в те годы, когда еще существовали многочисленные национальные системы подготовки бегунов и среди них шведский «натуральный» метод Оландера, интервальная тренировка Гершлера, венгерская система Иглой, школа подготовки английских бегунов, в основе которой лежал кроссовый и переменный бег, американские и австралийские методы, Григорий Исаевич, как бы предвидя будущее, широко использовал разнообразные приемы, начиная от продолжительного, медленного бега и кончая многократным пробеганием сравнительно коротких отрезков дистанции. По тем временам объем его тренировочных нагрузок был чрезвычайно велик, и для Куца, по его словам, «первый год занятий с Никифоровым был безумно трудным. Огромные беговые нагрузки едва не раздавили меня. Порой мне казалось, будто я ненавижу своего тренера за его безжалостность, жестокость…».

Спортсмены говорят: «Соревнования — это лучшая подготовка». И в этом есть значительная доля правды. Во всяком случае, соревнования 1953 года помогли Владимиру Куцу применить на деле полученные на тренировках знания, научиться не растрачивать попусту свои силы. Единственное, что он не стал менять — это тактику смелого бега, при которой, если позволяли силы, он оставался лидером от начала до конца дистанции.

После зимних состязаний в ленинградском манеже, где Куц испробовал свои силы в борьбе с Иваном Пожидаевым, ему предстояла встреча с Александром Ануфриевым в июньском матче сборных команд Москвы, Ленинграда, РСФСР и УССР на московском стадионе «Динамо».

Ануфриев принадлежал к послевоенному поколению бегунов на длинные дистанции, он прошел нелегкий путь от новичка до чемпиона и рекордсмена страны. Детство Ануфриева прошло в далеком северном селении. Долгая, суровая зима. Занесенная снегом тундра. Первым видом спорта для него стали лыжи, не узкие, гоночные, которыми пользуются горожане, а широкие, охотничьи, подшитые снизу оленьим мехом. Еще мальчишкой он отваживался один с упряжкой собак уезжать в тундру, ставить капканы.

С самого начала войны Ануфриев попал на фронт. Воевал в лесах Карелии, таская на плечах пулемет. А ведь был невысокого роста, худощав. Ранение в стопу оказалось серьезным, и комиссия, выписывая его из госпиталя, решила: не годен к строевой службе. Ходить, возможно, будет, но с трудом…

Вот тут-то и проявился характер Ануфриева, выработанный еще в детстве, в борьбе с суровой природой. Десятки километров мог пройти на лыжах, не боялся выходить в море на утлой

лодчонке.

Попав после госпиталя в тыловую караульную часть, доставил перед собой задачу: научиться не только ходить, но и бегать. Он все делал бегом. Бегом на пост. Бегом в караулку. По-русски говорил еще плохо и на расспросы отвечал коротко:

— Двигаться надо! Тогда здоров буду!..

Неожиданно для всех, участвуя в лыжном кроссе, он пришел к финишу одним из первых. Но, к всеобщему удивлению на лыжах не скользил, а бежал. Сказалась долголетняя привычка передвигаться на подбитых мехом лыжах.

После демобилизации Ануфриев стал работать слесарем на Горьковском автозаводе. Лыжи не бросил, продолжал тренироваться.

— Да ты прирожденный бегун, — сказал ему как-то тренер горьковского «Динамо» Василий Перевезенцев, впервые увидев Ануфриева на лыжах.

Тренируясь в беге уже под руководством инженера автозавода Николая Маслова, Ануфриев в короткий срок добился поразительных успехов на стайерских дистанциях. В начале пятидесятых годов он стал чемпионом страны, ему принадлежали всесоюзные рекорды. А на Играх в Хельсинки он завоевал бронзовую медаль на 10 000 метров, проиграв только Эмилю Затопеку и французу Алену Мимуну.

В 1953 году на стадионе «Динамо» рекордсмен страны Ануфриев собирался улучшить рекорд мира на дистанции 5000 метров. Тренеры и легкоатлеты знали, что к лету 1953 года он приобрел превосходную спортивную форму и имеет все шансы пробежать 5 километров быстрее Гундера Хегга, который установил мировой рекорд 11 лет тому назад, в 1942 году.

По нынешним временам результат 13:58,2 кажется невысоким. Между тем к тому времени в Советском Союзе ни один легкоатлет не сумел еще перешагнуть границу 14 минут на пятикилометровой дистанции. Всесоюзный рекорд, установленный в 1952 году Владимиром Казанцевым, равнялся лишь 14:08,8.

6 июня 1953 года на стадионе «Динамо» в присутствии многочисленных зрителей был дан старт бегу на 5000 метров. Ануфриев взял столь быстрый темп, что остальные бегуны, кроме одного, сразу же начали отставать. Никому, кроме Владимира Куца, не удалось выдержать высокий темп бега Ануфриева. Первый круг, второй, третий — Владимир Куц бежит вторым. Только к концу дистанции Ануфриеву удалось оторваться и кончить бег, правда, не с мировым, но всесоюзным достижением — 13:58,8. Лишь шесть десятых секунды не хватило ему до

мирового рекорда. Во всяком случае, он стал первым советским спортсменом, преодолевшим наконец рубеж 14 минут на пятикилометровой дистанции.

Куц закончил бег со скромным результатом 14:27,8. Но это был его новый личный рекорд, а кроме того, он единственный из участников забега сумел так долго продержаться за Ануфриевым.

По сути дела, все это были лишь прикидки к тому главному для Куца соревнованию, которое ему предстояло в июле 1953 года на Международном фестивале молодежи и студентов в Бухаресте. Здесь он должен был впервые встретиться с Эмилем Затопеком, героем XV Олимпийских игр в Хельсинки, чехословацким спортсменом, которому Владимир некоторое время подражал, которым восхищался и которого мечтал когда-нибудь победить.

Один из шестерых детей столяра из маленького моравского городка Копршивнице, Эмиль с 14 лет начал работать на обувном комбинате Бати. В годы фашистской оккупации ему пришлось выбирать между концентрационным лагерем и работой на вредном предприятии — силикатном заводе.

Выходя из завода-душегубки, несмотря на тяжелую усталость, Затопек, для того чтобы сохранить здоровье, бегал по просекам ближайшего к городку леса. После освобождения Чехословакии он стал заниматься бегом на стадионе. Первый большой успех пришел к нему на Лондонских олимпийских играх 1948 года, когда он завоевал золотую медаль в беге на 10 000 метров.

Через четыре года на Играх в Хельсинки Эмиль Затопек совершил подлинный подвиг, став олимпийским чемпионом трижды — на 5000, 10 000 метров и в марафонском беге. История олимпийских игр знала до этого только одного спортсмена, победившего на трех, правда, несколько иных дистанциях. Это произошло на Олимпиаде 1924 года в Париже, а победителем был Пааво Нурми.

До 1952 года Затопек ни разу не участвовал в соревнованиях по марафонскому бегу, однако огромный запас выносливости, приобретенный на тренировках, позволил ему стать победителем и на этой дистанции. После двух золотых медалей, полученных за победу в беге на 5 и 10 километров, Затопек ничем не рисковал и, по его словам, бежал спокойно. «Я знал, что фаворитом считается англичанин Петерс. Так как я не имел опыта в марафоне, то решил, что буду стремиться бежать за ним и не упускать его из виду…» Дело кончилось тем, что Петерс сошел на 35-м километре, а Затопек успешно закончил дистанцию.

Естественно, что Куц старался побольше узнать о знаменитом бегуне, его подготовке. Из газет, журналов, рассказов он выяснил,

что Затопек доводит тренировочные нагрузки порой до 50 километров в день и что в основе его занятий лежит ставший в те годы особенно распространенным интервальный метод тренировки — пробегание сравнительно небольших отрезков дистанции с отдыхом между ними. Его обычной дневной серией было: 9 по 200 м + 40 по 400 м + 5 по 200 м.

Местом постоянных тренировок Затопека стал скромный окруженный лесом стадион неподалеку от Праги. Здесь можно было бегать по лесной тропинке и по великолепно подготовленной гаревой дорожке, на которой он установил мировые рекорды на 20 километров и в часовом беге.

У олимпийского чемпиона были и другие особенности. Склоненная набок голова и гримаса усталости на лице во время бега могли ввести в заблуждение и зрителей и соперников. Можно было подумать, что Эмиль бежит из последних сил, что еще немного — и для него все будет кончено. Но достаточно было посмотреть на ноги чемпиона, с поразительной неутомимостью отмеряющие километр за километром, на его широкие и эластичные шаги, чтобы понять — внешнее впечатление обманчиво.

На фестивале молодежи в Бухаресте они познакомились на тренировке. Чешский бегун оказался доброжелательным человеком, щедрым на советы.

— Я не слышал такой фамилии — Куц, — сказал Затопек. — Вы еще не выступали на международных соревнованиях? Тогда понятно. Давайте тренироваться вместе. А во время бега вы можете держаться за мной, это будет полезно…

Но когда начался забег на 5000 метров, Куц и не подумал держаться за олимпийским чемпионом. В соревнованиях участвовали известные бегуны: венгр Йожеф Ковач, австралиец Дейв Стивенс, еще недавно недосягаемый Александр Ануфриев. Но это не смущало его.

Куц бежит впереди первый, второй, третий, четвертый километры. Может быть, именно здесь пришел его час? Начав последний круг, он оглядывается и видит, что группа соперников во главе с Затопеком отстает по крайней мере на 40–50 метров. Неужели это значит, что он может стать победителем? Но в самом конце дистанции справа от него появляется Затопек. Это было настолько неожиданно, что Куц растерялся. Чтобы финишировать первым, надо что-то предпринять, но на это уже нет времени. Затопек закончил бег, лишь незначительно опередив Куца.

«Наилучшего результата (14:03) в тот год я добился на фестивале молодежи в Бухаресте. Этот результат был новым чехословацким рекордом, — вспоминает Затопек. — Показать

рекордный результат в этом соревновании меня вынудил тогда мало известный, а для меня почти совершенно не известный советский бегун Владимир Куц».

Для Владимира этот бег не был поражением, тем более что сам Затопек поздравил его. В самом деле, Куц вплотную приблизился к границе 14 минут, стал серебряным призером фестиваля. Это большой успех!

Мастерство Куца совершенствовалось с каждым новым соревнованием. Даже из поражений он извлекал много полезного для себя, но все же оставался верным своей обычной тактике. Так он бежал и еще на одном международном соревновании 1953 года, матче СССР-Венгрия. На стадионе в Будапеште ему пришлось встретиться с не менее чем Затопек опасным противником — Йожефом Ковачем. Невысокий худощавый спортсмен был опытным турнирным бойцом и не раз опережал самого Затопека.

А соревнование проходило, собственно, по тому же сценарию, что и на фестивале. На первых километрах Куц развил высокую скорость. Она была настолько велика, что по ходу бега Владимир превысил не только всесоюзный рекорд на 3000 метров, но и мировой на 3 мили (13:31,4). Однако на финише вперед вырвался Ковач — 14:01,2. Результат Куца -14:01,6.

Пожалуй, наибольшим успехом Владимира Куца в 1953 году была его двойная победа на первенстве СССР в Москве в беге на 5000 и 10 000 метров. Он неожиданно предстал перед зрителями хорошим тактиком. Еще совсем недавно, на весеннем матче городов, москвичи видели его стремительный бег пока хватит сил, а теперь на первенстве СССР чувствовалось, что Куц бежит строго по графику. В этом быстром возмужании бегуна большую роль сыграла продуманная с Никифоровым до мелочей система подготовки, и, конечно, помогло участие в многочисленных соревнованиях, где Куц приобрел опыт борьбы с сильнейшими стайерами мира.

Правда, в предварительном забеге первенства страны сработал стереотип. Куц вспоминал потом, что ноги будто сами понесли его вперед. Это был рецидив прошлого — непродуманный стремительный бег, не вызванный необходимостью. А ведь чтобы попасть в финал, достаточно было прийти к финишу в числе первых трех. Так они и условились с Григорием Исаевичем — бежать экономно, сохранить силы для финала. Вначале все шло хорошо. Темп бега не был чрезмерно высоким, Владимир бежал легко в первой группе участников. Но на беду на трибунах оказались его друзья.

— Володя! Давай! Нажми! — раздался крик с трибуны, и

Володя понесся вперед. Забыты были и график, и договоренность с Никифоровым.

После бега в раздевалке Григорий Исаевич только презрительно посмотрел на Куца и процедил сквозь зубы: «Мальчишество».

Хорошо еще, что Куц был спортсменом неисчерпаемых возможностей, способным в короткий срок восстановить силы. В финале он грамотно провел бег, обогнал Ануфриева, показал превосходный результат — 14:02,2 и заслужил тем самым прощение тренера.

По мнению известного психолога ленинградского профессора А. Ц. Пуни, в стремлении спортсменов к вершинам мастерства можно различить три этапа. Первый — когда появляется острое желание двигательной активности, радость от участия в соревнованиях. Второй — сопровождающийся желанием расширить спортивный опыт, достичь новых успехов. И третий — этап овладения высшим спортивным мастерством, когда одной из главных задач спортсмена становится установление рекордов и завоевание звания олимпийского чемпиона.

В 1953 году Владимир Куц подошел к третьему этапу. Он мечтал первым в истории отечественной легкой атлетики установить мировой рекорд на 5000 метров.

Предшественники Владимира Куца в беге на длинные дистанции подготовили штурм мировых рекордов. В начале сороковых годов Серафим Знаменский показал результат, уступающий мировому рекорду лишь 30,4 секунды. Вслед за ним Никифор Попов, а затем Владимир Казанцев сократили это отставание до 10,6 секунды (13:58,2 — Г. Хегг и 14:08,8 — В. Казанцев). Наконец. Ануфриев на стадионе «Динамо» в 1953 году пробежал лишь на 6 десятых секунды медленнее Хегга. Таким образом, до мирового рекорда в беге на 5000 метров советским спортсменам оставался буквально один шаг.

Так почему же этот шаг не сделать Владимиру Куцу?

Глава 9. Спортивный клуб армии

Серебряная медаль на фестивале молодежи и студентов в Бухаресте, звание чемпиона Советского Союза в беге на 5000 и 10 000 метров дали право Владимиру Куцу войти в состав сборной команды страны и команды Вооруженных сил по легкой атлетике.

Когда поздней осенью 1953 года в морской форме, с чемоданчиком в руках Куц сошел с поезда на Октябрьском вокзале и вышел на Комсомольскую площадь, или Площадь трех вокзалов, как ее иногда называют москвичи, признаться, он растерялся.

Он успел полюбить Ленинград, с его широкими и прямыми улицами, Невой. А главное, так же как и Таллин, это был морской, портовый город, где можно было в хорошую погоду в порту или на «Стрелке» полюбоваться морем, ставшим для него родным за восемь лет флотской жизни. Теперь надо было привыкать к Москве.

Стоя на Комсомольской площади, он некоторое время наблюдал за непрерывным потоком машин, людской круговертью. А потом отправился на поиски Центрального дома Советской Армии.

Ему объяснили, как пройти к площади Коммуны. Конечно, проще было проехать туда на трамвае, но что стоило для него пройти два-три километра. За это время можно собраться с мыслями, приготовиться к встрече с новым начальством.

И вот он на широкой площади. Слева — величественное здание Театра Советской Армии. Прямо перед ним — огороженное металлической решеткой и украшенное колоннадой старинное здание Центрального Дома Советской Армии. Его левое крыло занимает ЦСК МО. Отныне вся жизнь Куца будет связана с армейским спортом.

Армия и спорт. Выносливость, физическая сила, сноровка с давних пор отличали русских солдат. Именно армии Россия была обязана зарождением некоторых видов спорта. Зачатки гимнастики, фехтование, конный спорт, стрельба до революции развивались преимущественно в воинских частях и военно-учебных заведениях. А что касается бега, то с давних пор это был один из самых популярных видов армейского спорта. Не случайно первое соревнование по бегу, состоявшееся в России было проведено в 1858 году в городе Николаеве для солдат местного гарнизона.

Первые шаги советского спорта были связаны с

формированием Красной Армии. Когда войска интервентов и белой армии со всех сторон подступали к границам молодого Советского государства, для защиты Родины потребовалась регулярная армия, а для армии — боеспособные кадры. Задача подготовки этих кадров была возложена на систему Всеобщего военного обучения — Всевобуч. В военно-учебных пунктах молодежь училась обращению с оружием, штыковому бою. Большое место в допризывной подготовке заняла физкультура. В августе 1922 года обязательные спортивно-гимнастические занятия вводятся в программу обучения войск.

К этому же времени относится и рождение Центрального спортивного клуба армии (хотя, конечно, тогда его никто еще так не называл).

По революции на одной из просек московского лесопарка Сокольники была спортивная площадка, принадлежавшая Обществу любителей лыжного спорта (ОЛЛС). На этой популярной спортивной базе занимались не только лыжами, но и футболом, легкой атлетикой.

После революции сокольническая спортивная площадка стала одним из центров допризывной подготовки молодежи. Так она и называлась: «Районный сокольнический пункт Всеобуча». В 1923 году ее переименовали в Опытно-показательную площадку Всевобуча (ОППВ). Официальное открытие площадки состоялось 29 апреля 1923 года. Эта дата и отмечается как день рождения Центрального спортивного клуба Армии.

Теперь здесь проходят многие московские соревнования по легкой атлетике. Уже в конце 1923 года посетители Сокольников могли наблюдать на ОППВ выступления участников I Всеармейской спартакиады, соревновавшихся в беге, прыжках метаниях, военном троеборье, марш-броске на 10 километров. Победительницей среди команд 10 военных округов стала команда Московского военного округа. Свою первую победу столичные армейцы одержали и в общемосковской эстафете 10 по 1000 метров.

С тех пор армейский спортивный клуб прошел славный путь. Уже в 1925 году футболисты ОППВ выиграли в столице приз открытия летнего сезона. В последующие годы славу армейского спорта высоко подняли баскетболисты, волейболисты, наконец, хоккеисты, завоевывавшие много раз звания чемпионов Советского Союза, а также чемпионов Европы и мира.

В 1928 году в десятую годовщину образования Красной Армии Моссовет передал Вооруженным силам комплекс зданий на площади Коммуны. Левое крыло главного здания было отдано в распоряжение армейских спортсменов. Пожалуй, это была одна

из лучших спортивных баз столицы. Гимнастические залы, душевые, подсобные помещения. Для кроссов мог служить обширный парк.

В конце 1953 года спортивный сектор ЦДСА был преобразован в Центральный спортивный клуб Министерства обороны, объединяющий спортивные организации всех родов войск.

В кабинет начальника спортивного сектора Центрального дома Советской Армии, только что переименованного в ЦСК МО Владимир Петрович Куц явился по всей форме, оставив у дверей свой чемодан с немудреным скарбом. Подтянутый, в хорошо облегающей его ладную фигуру морской форме, он как это и полагается, обратился к старшему по званию:

— Товарищ подполковник, главный старшина Военно-морского флота Владимир Куц явился для дальнейшего прохождения службы…

— Вольно, вольно… — Из-за стола поднялся начальник ЦСК МО подполковник Василий Дмитриевич Сысоев. Здесь же в кабинете Куц заметил старшего тренера по легкой атлетике капитана Вакурова.

— Вот что, Сергей Алексеевич, — обратился к нему Сысоев. — Морячка нужно устроить. Думаю, что пока ему неплохо будет на нашей базе на Ленинских горах.

Так Куц оказался на спортивной базе ЦСК МО на Ленинских горах которую спортсмены называли попросту «база под трамплином».

Владимир попал в один из наиболее живописных уголков Москвы. Москва-река, минуя Киевский вокзал и поворачивая налево, несет свои воды мимо высокого правого берега, густо поросшего деревьями, — это бывшие Воробьевы горы, с 1936 года переименованные в Ленинские.

А напротив бывшей Воробьевки на низком левом берегу раскинулся район Лужников. Впоследствии здесь вырастут великолепные спортивные сооружения, а пока это хаотическое загромождение сараев, складов, деревянных строений. У самого берега прилепилась водно-моторная база «Трудовых резервов», небольшой стадион.

Владимир был доволен. Рядом река. А вокруг спортивной базы ЦСК МО — настоящий лес, тропинки, взбегающие на горки и петляющие по оврагам, как будто специально приспособленные для кроссов. Он устроился в небольшой комнатке одноэтажного деревянного здания. В окна заглядывали ветки уже облетевшего могучего дуба.

Здесь было все, что могло ему понадобиться на первое время:

металлическая койка, стул, небольшой стол и даже шкаф, где на плечики можно было повесить парадную флотскую форму. Рядом — длинное, чисто выбеленное здание столовой, гимнастический городок. Для моряка, привыкшего к тесному кубрику и каменистым балтийским берегам, все это было достаточно комфортабельно.

А жили здесь спортсмены ЦСК МО, приезжавшие в Москву на сборы. За столиками в столовой можно было увидеть и Всеволода Боброва, и могучего борца Александра Мазура.

К моменту зачисления Владимира Куца в армейскую легкоатлетическую команду здесь уже существовал дружный коллектив спортсменов. Некоторые из них успешно выступали па стадионах страны еще в довоенные годы. Многие пришли в команду после войны. Куц не раз встречался с ними на всесоюзных соревнованиях.

В число сильнейших армейских стайеров входил Иван Семенов. С 1949 по 1953 год Семенов занимал призовые места в беге на 5000 и 10 000 метров, а в 1950 году стал чемпионом страны в беге на 10 километров. В 1953 году на первенстве СССР Семенов бежал вместе с Владимиром Куцем. Победил Куц, а Семенову досталась бронзовая медаль. Затем он не без успеха выступал на более длинной, марафонской дистанции.

Из молодых армейских стайеров в эти годы особые надежды подавал Алексей Десятчиков. Коренной москвич, он жил в Покровском-Стрешневе, где рядом с домом начинался сосновый бор. Неподалеку была и Москва-река. Все это располагало к занятиям спортом. Кроме того, сказалось и влияние отца, в прошлом одного из лучших марафонцев страны.

Поступив в Московское подготовительное артиллерийское училище в 1951 году, Десятчиков начал тренироваться под руководством Петра Сергеевича Степанова в ЦДСА и в Киеве на Спартакиаде суворовских и подготовительных училищ стал чемпионом в беге на 1500 и 3000 метров. В 1953 году Алексей Десятчиков стал чемпионом Московского военного округа в беге на 5000 метров. А в последующие годы был одним из сильнейших стайеров не только армии, но и страны.

Особенно близкие отношения сложились у Владимира Куца с ветеранами армейского спорта Никифором Поповым, Петром Степановым и Феодосией Ваниным. Впоследствии их объединили общие интересы — все четверо стали тренерами ЦСКА. О военном моряке Никифоре Попове уже было рассказано. Это он в 1952 году стремительным финишем победил лучших бегунов Европы на кроссе «Юманите» в Париже, а затем не раз улучшал всесоюзные рекорды в беге на длинные дистанции.

Петр Степанов и Феодосий Ванин начали выступать на беговых дорожках еще до войны.

Как многие бегуны на длинные дистанции, Петр Степанов сначала занимался лыжным спортом, а затем в 30-х годах стал чемпионом по бегу на 5000 и 10 000 метров в Туле на городских соревнованиях. После призыва в армию в 1934 году успешно пробежал в Сокольниках на кроссе имени К. Е. Ворошилова, заняв третье место. Стал тренироваться в ЦДСА, где усвоить основы легкой атлетики ему помогали Лев Бранд, Владимир Дьячков, Александр Демин. А затем основной дистанцией Степанова становится бег на 3000 метров с препятствиями, с 1937 по 1939 год он не раз улучшал всесоюзные рекорды на этой дистанции. Петр обладал природным педагогическим талантом. Еще до того как стать тренером, он всегда готов был помочь товарищам советом. В 50-е годы Петр Степанов начинает заниматься с молодыми бегунами, среди которых были и те, кто впоследствии вырос в выдающихся стайеров, — Петр Болотников, Семен Ржицин, Алексей Десятчиков.

Что касается Феодосия Ванина, то вскоре он стал одним из ближайших друзей Владимира Куца. Небольшого роста, но крепкого сложения, Ванин прошел в Советской Армии путь от начинающего лыжника до чемпиона страны и рекордсмена мира в беге на сверхдлинные дистанции.

До службы в армии Ванин не занимался спортом, считал себя неспособным к физическим упражнениям. Однако в полковой школе оказалось, что он может легко переносить утомительные походы, много раз преодолевать полосу препятствий без устали ходить на лыжах по Уктусским горам.

Каждое утро, едва над лагерем забрезжит рассвет, он выходил на зарядку, а потом бегал — в сапогах, гимнастерке, только снимал и вешал через плечо поясной ремень. В мае 1938 года ему удалось выиграть кросс на 1000 метров.

— А ведь у вас талант, товарищ Ванин, — сказал командир части и приказал не назначать его в наряды в дни тренировок. Снежной выдалась зима 1940 года. Буран заносил дороги, наметал высокие сугробы. Этой зимой Ванин участвовал в скоростном лыжном переходе Свердловск-Нижний Тагил-Свердловск.

Одно время существовала в легкой атлетике теория, что якобы лыжи противопоказаны бегунам, что они развивают не те качества и укрепляют не те мышцы. Между тем большинство армейских стайеров начинали свой спортивный путь с лыжной подготовки, с помощью которой приобреталась основательная база выносливости. Школу лыж прошли и Куц, и Попов и

Степанов, и многие другие. После одной из таких лыжных зим и весеннего бега по железнодорожной насыпи, вменявшей ему дорожку стадиона, Ванин на легкоатлетических соревнованиях в Свердловске показал выдающийся по тем временам результат на 5000 метров — 14:56,0.

Естественно, что достижение уральского военнослужащего не могло остаться незамеченным. Правда, этому сообщению многие не поверили. Ведь еще не так давно границу 15 минут впервые в стране преодолел лишь Серафим Знаменский. Во всяком случае, Ванина вызвали в Москву.

По-разному приходят легкоатлеты в большой спорт и приобретают в нем известность. Для большинства это длительный процесс завоевания секунд или сантиметров, постепенный переход от одного спортивного разряда к другому. Но есть и такие спортсмены, первый большой успех которых бывает для зрителей и специалистов легкой атлетики неожиданным. Сенсацией в 1927 году стала победа в Ворошиловском кроссе Григория Потемина, который, выступая босиком, опередил известных стайеров. Внезапно засверкали на спортивном небосклоне яркие звезды братьев Знаменских. Нечто подобное произошло и в августе 1940 года на московском стадионе «Динамо». Двадцать два стайера выстроились на старте забега на 5000 метров.

— Кто тут Серафим Знаменский? — обратился к соседу Ванин, которого как гостя и «личника» поставили во второй ряд, подальше от бровки.

— Вот он, в красной майке с белой полосой, — и сосед уважительно указал на широкогрудого мускулистого бегуна в первом ряду.

До этого Ванин никогда не встречался со Знаменским. «Буду держаться за ним», — решил он. Однако, когда раздался выстрел, все бросились вперед с такой скоростью, что он оказался одним из последних. Только ценой больших усилий, пробираясь вперед по внешней стороне дорожки, ему удалось занять место за широкой спиной Серафима.

Так они пробежали несколько кругов — всемирно известный бегун, победитель кросса «Юманите», любимец москвичей и парижан, и невысокий, ничем не примечательный спортсмен в красной армейской майке.

Московские любители спорта из старожилов до сих пор хорошо помнят этот бег. Естественно, что вначале зрители не приняли Ванина всерьез. Слишком разительно было несоответствие между широким мощным шагом чемпиона и торопливой трусцой новичка. Казалось, он почти не отрывает ног

от земли. Его руки недостаточно согнуты, нога ставится на дорожку подчеркнуто с пятки.

Между тем никто из зрителей не обратил внимания на то, что внешняя невыразительность бега новичка с лихвой окупается умением затрачивать минимум усилий, двигаться легко и непринужденно.

На соревнованиях было немало случаев, когда неподготовленные спортсмены пытались держаться за Знаменскими. Обычно это кончалось тем, что они безнадежно отставали или сходили с дистанции. Все ждали такого исхода и на этот раз. Но Ванин неотступно следовал за лидером. Пять, шесть, восемь кругов! Все остальные участники забега остались где-то позади.

«Ну же! Ну, Серафим! Тебе пора уйти от новичка!» — эта мысль, казалось, владела всеми присутствовавшими на стадионе. И развязка наступила, только она была совсем не той, которую ожидали зрители.

На прямой перед Северной трибуной Ванин чаще заработал руками, энергичнее засеменил и вдруг оказался впереди Знаменского. Это было настолько неожиданно, что зрители и судьи решили: новичок ошибся, он финиширует и не знает, что бежать осталось еще целый круг. Судьи встали со своих мест и, сложив рупором ладони, стали кричать: «Еще круг! Еще круг!» Однако новичок и не собирался кончать бег. Он миновал судей и устремился дальше по повороту.

Первым закончил бег Феодосий Ванин. Секундомеры остановились на 14:47,6! Такого результата, кроме Знаменских, в стране не показывал никто. После выступления на «Динамо» Ванин стал одним из наиболее популярных спортсменов, тем более что через несколько дней в беге на 10 000 метров ему удалось опередить Георгия Знаменского и впервые завоевать звание чемпиона страны.

25 сентября 1942 года, когда немцы, несмотря на разгром в декабре 1941 года под Москвой, продолжали угрожать столице, закрепившись в районе Смоленска и Ржева, на том же стадионе «Динамо» восемь бегунов ЦДКА, среди которых был Феодосий Ванин, стартовали в беге на 20 километров. Благородна была цель забега — показать, что советские люди не сломлены, что у них сохранился неисчерпаемый запас сил не только для того, чтобы дать отпор врагу, но и чтобы жить, трудиться, заниматься спортом.

Погода не благоприятствовала бегу. Сильный порывистый ветер бил в лицо. Однако Ванин впереди всей группы отмерял километр за километром. 15 километров он пробежал за 48:00,8,

что на 44 секунды превышало прежнее достижение представителя московского «Локомотива» Моисея Иваньковича.

По ходу забега Ванин улучшил всесоюзный рекорд в часовом беге, пробежав за 60 минут 18 километров 779 метров. Двадцатикилометровую дистанцию он закончил за 1 час 3 минуты 51 секунду, на 9,2 секунды превысив мировой рекорд аргентинца Хуана Цабала.

Вот в этом сильном спортивном коллективе, в котором опытные легкоатлеты помогали окрепнуть новичкам, и предстояло освоиться и оправдать оказанное ему доверие Владимиру Куцу.

Глава 10. Первый мировой

Владимир Куц сидел у окна и смотрел на мелькавшие мимо него аккуратные, с красными черепичными кровлями, казавшиеся отсюда, из поезда, игрушечными домики, как бы отмеренные по линейке квадраты и прямоугольники полей, садов и огородов. Это было так непохоже па Россию с ее бескрайними просторами.

Авиационное сообщение со Швейцарией еще не было налажено, и команда советских легкоатлетов ехала на чемпионат Европы по легкой атлетике в Берн поездом.

Для легкоатлетов европейских стран первенство континента, проводимое раз в четыре года, — второе по значимости соревнование после олимпийских игр. Впервые оно состоялось в 1934 году в итальянском городе Турине, затем в 1938-м — в Париже, в 1946-м — в Осло, в 1950-м — в Бельгии, в Брюсселе.

Получить право на проведение чемпионата Европы 1954 года претендовали Венгрия, Швейцария, Швеция, Югославия и Греция. В конце концов, это почетное право было предоставлено Швейцарии, а местом соревнований был назван Берн.

Такой выбор был встречен большинством участников и представителей команд без энтузиазма. Стадион «Нойфельд» в Берне вмещал всего 12–15 тысяч зрителей, хотя и располагал тремя небольшими разминочными площадками. Помимо этого, многих смущал климат швейцарского города, расположенного у отрогов Альп на высоте 560 метров над уровнем моря: влажный воздух, частые и резкие перепады атмосферного давления.

Как это бывает обычно, задолго до открытия чемпионата спортивные журналисты всех стран мира начали обсуждать шансы участников и называть возможных победителей. Почти никто не упоминал в их числе Владимира Куца. Швейцарская газета «Базлер нахрихтен» в качестве претендентов на золотую медаль в беге на 5000 метров называла Эмиля Затопека, венгерских спортсменов Гараи и Сабо, поляка Ежи Хромика. Обозреватель газеты допускал, что советские спортсмены могут неплохо выступить в беге на 10 000 метров, правда, на этой дистанции сильнейшими считались лишь Григорий Басалаев и Леонид Иванов.

Даже обозреватель газеты «Советский спорт» Борис Львов писал прежде всего о зарубежных стайерах: «Хотя Эмиль Затопек сумел, наконец, побить рекорд Г. Хегга на 5000 метров, ему нелегко будет завоевать победу. Сильными соперниками будут Ф. Грин и К. Чатауэй, которые могут рассчитывать на время около 13:58,0. Венгр Ковач не достиг еще прошлогоднего результата.

Зато сильно улучшили достижения Х. Гуде, Л. Хансвик, Ш. Гараи, Е. Хромик.»

Львов подчеркивал: «Особенно большие успехи достигнуты европейскими бегунами за последние годы на длинных дистанциях. Здесь первенство Европы будет равноценно олимпийским играм». О Владимире Куце наш обозреватель писал сдержанно: «Чемпион СССР Владимир Куц мало выступал в этом сезоне на 5000 метров». Надо сказать, что и Львов, и зарубежные журналисты имели основания не относить Куца к числу фаворитов в стайерском беге. Список десяти лучших спортсменов года, составленный 15 августа 1954 года, возглавляли Э. Затопек, Й Ковач, Х. Гуде из ФРГ и Л. Хансвик из Бельгии. Куц занимал в этом списке лишь пятое место со скромным результатом 14:11,6.

Впрочем, самому Куцу такое отношение прессы к его шансам давало своего рода преимущество. Раз его не принимают во внимание, он может чувствовать себя более раскованно, свободно. На него не давит груз имени, авторитета. Правда, некоторые бегуны и любители легкой атлетики помнили его выступления в 1953 году, когда на Международном молодежном фестивале в Бухаресте он проиграл Затопеку, а на состязаниях в Будапеште уступил на финише Ковачу. Но если его и помнили; то как неопытного бегуна, безрассудно бросающегося со старта вперед и не умеющего сохранить силы для финиша.

Их путь лежит через Венгрию. Затем Австрию. Здесь во время длительной стоянки в Вене им удается провести небольшую тренировку. Дорога на Цюрих вьется среди живописных гор Тироля, столь любимого туристами и горнолыжниками многих стран. Глядя в окно вагона, Куц любуется горами и думает об этом первом для него чемпионате Европы. Впрочем, для советской команды это третий чемпионат, и каждый из них был шагом вперед. Уже в 1946 году в Осло, где состоялось первое выступление советских спортсменов, всеобщее признание завоевали наши девушки, которые были награждены пятью золотыми медалями из шести, полученных командой. Особенно поразили зрителей успехи советских спортсменок в метаниях. Татьяна Севрюкова, Нина Думбадзе и Клавдия Маючая стали чемпионками Европы в толкании ядра, метании диска и копья. К сожалению, среди мужчин завоевать золотую награду сумел только Николай Каракулов в беге на 200 метров. А Евгения Сеченова, которую после выступления в Осло называли «быстрейшая лань Европы», стала победительницей на обеих спринтерских дистанциях.

Что касается стайерского бега, то здесь наши спортсмены не смогли конкурировать с опытными бегунами — англичанином

С. Вудерсоном, ставшим чемпионом на 5000 метров, и финном В. Хейно, победившим на 10-километровой дистанции.

Через четыре года в Бельгии на брюссельском стадионе «Хейзель» наша команда впервые победила в командном зачете. Снова успешно выступили женщины. Кроме метаний, они впервые стали сильнейшими и в прыжках в длину. Шаг вперед сделали и мужчины. Леонид Щербаков стал чемпионом в тройном прыжке, а спринтеры победили в эстафете 4 по 100 метров. Но снова неудача постигла наших стайеров. В беге на 5000 и 10 000 метров обе золотые медали получил Затопек. Таким образом, если к очередному первенству Европы 1954 года советские спортсменки прочно утвердились среди сильнейших на континенте, то этого нельзя было сказать о мужчинах, которые продолжали отставать прежде всего в беге на средние и длинные дистанции.

И вот теперь Купу и его товарищам предстояло защитить честь советского стайерского бега. Но можно ли выиграть у героя XV Олимпийских игр Эмиля Затопека, у сильнейшего венгерского бегуна Йожефа Ковача? Свои проигрыши им в 1953 году на финише он не мог забыть, как несправедливо нанесенную обиду. Действительно, вести всю дистанцию и у самого финиша неожиданно увидеть, как из-за твоего плеча вырастает фигура соперника и начинает уходить вперед…

Всю зиму и лето он готовился к выступлению в Берне. Сотни оставшихся позади километров, переменный бег в высоком темпе с короткими интервалами отдыха, изнурительный бег по снегу. И так каждый день, независимо от погоды. А затем с наступлением лета совершенствование тактического мастерства на соревнованиях.

Никифоров едет вместе с командой, и Куц может рассчитывать на его советы, поддержку. Но конечно же все подготовлено заранее, продумано до мелочей. График бега он помнит наизусть. Режим, сон, питание, разминка перед стартом. Может быть, это старая флотская привычка, но он любит ясность, четкость и определенность, привык обдумывать все досконально. Спрашивать, но и проверять самому.

Зимой на снеговых дорожках Сокольников, в пропахшем конским потом манеже в Хамовниках, где поочередно тренировались армейские конники и армейские бегуны, на крутых подъемах Ленинских гор он как будто нащупал свой путь к рекордам.

Проще всего было бы идти по пути, проторенному Затопеком, беспредельно увеличивая объем тренировочного бега. Неутомимый чех перед Олимпийскими играми 1952 года умудрялся пробегать ежедневно 40–50 километров. Все бегуны,

пытавшиеся конкурировать с Затопеком, знали произнесенную им фразу: «Меня побьет тот, кто превысит объем моего тренировочного бега».

Но так ли это? Владимир попробовал применить систему тренировки Затопека. Уйму времени занимал этот сравнительно медленный бег на 400-метровых отрезках со значительными интервалами отдыха. После таких монотонных тренировок он чувствовал себя усталым и неудовлетворенным.

«То, что хорошо для Затопека, может не подойти для меня», — думал Куц и на одной из тренировок, прибавив в скорости, уменьшил объем бега. Дело пошло на лад. При такой системе достаточно было пробегать 20–25 километров в день, то есть в два раза меньше Затопека. Внезапные ускорения он начал включать в занятия не только на стадионе, но и бегая кроссы в лесу и парке. Вскоре он узнал, что не был в этом новатором. «Фартлек» — так назывался этот кроссовый бег на местности с внезапными ускорениями.

Он тренировался в одиночестве по индивидуальному плану с секундомером в руках, но иногда примыкал к группе бегунов. Нередко они бегали вдвоем — Куц и его закадычный друг Сергей Лобастов. Когда же он предлагал кому-нибудь из бегунов на средние или длинные дистанции пройти совместную тренировку, то неизменно убеждался, что темп его тренировочного бега выдерживают лишь немногие.

Так шла подготовка к первенству Европы в Берне. Куц рассчитывал не только победить, но и установить мировой рекорд. Однако в мае он узнал, что его опередил все тот же Затопек. 30 мая в Париже Эмиль пробежал 5000 метров за 13:57,2. Это было на секунду лучше результата Гундера Хегга. В день установления нового мирового рекорда Куц выступал на той же дистанции на международных соревнованиях в Хельсинки и показал лишь 14:11,6. А через два дня, переехав в Брюссель, Затопек установил еще один рекорд. На этот раз на 10 000 метров — 28:54,2.

Но и эти известия не смутили Владимира Куца. Лучше старого рекорда на одну секунду? Значит, придется внести изменения в график и бежать чуть-чуть быстрее.

Ночью они миновали границу Австрии. Не более двадцати минут потребовалось для того, чтобы пересечь карликовое княжество Лихтенштейн. Мост через Рейн, и поезд прибывает в Швейцарию, где на вокзале в Цюрихе они пересаживаются на местную электричку, которая через два часа останавливается у перрона Бернского вокзала.

Участников первенства размещают в гостиницах, частных

пансионах. Они с Лобастовым устраиваются в одном номере. Здесь все по-домашнему. Хозяйка, мадам Барбах, даже сама за обедом разливает суп. Утром они отправляются на зарядку. Возвращаются через рынок, где покупают фрукты.

У них достаточно времени для акклиматизации, тренировок и знакомства с городом, раскинувшимся по обоим берегам реки Ааре. Что касается достопримечательностей, то их оказалось не так уж много: альпийский музей, готическое здание ратуши, университет, собор Святого Винцента XV века.

Гостеприимные хозяева первенства предоставили участникам соревнований возможность тренироваться на стадионе «Ванкдорф», где за ними с интересом наблюдали местные любители легкой атлетики, вынужденные приобретать для этого билеты. Впрочем, советских спортсменов фаворитами не считали, присматривались лишь к русским метательницам, олимпийским чемпионкам Нине Пономаревой и Галине Зыбиной. Высоко котировались шансы команды ФРГ, которая приехала в Берн во главе с одним из сильнейших спринтеров Европы Гансом Фюттерером.

Пятый чемпионат Европы стал чемпионатом сюрпризов. Неожиданности начались с погоды. Ясное небо и тепло, встретившие участников в день приезда, к открытию чемпионата — 25 августа — сменились мелким, надоедливым дождиком, который, впрочем, не испугал зрителей, появившихся на стадионе под зонтиками.

В 16 часов 40 минут, после торжественной церемонии открытия чемпионата, прозвучал выстрел стартера, возвестивший о начале соревнований в марафонском беге. В этом виде легкой атлетики сильнейшими обычно были представители Франции, Финляндии, Великобритании. Правда, на двух предыдущих чемпионатах Европы бронзовые награды вручались советским спортсменам. В 1946 году третьим на финише был Яков Пунько, а в 1950 году — Феодосий Ванин, но победы на этой дистанции от представителей СССР зрители не ждали.

Сделав круг по дорожке стадиона, 22 бегуна по тяжелой трассе, изобилующей подъемами и спусками, отправились в 42-километровый путь. Неожиданности начались уже на вторых пяти километрах, где Иван Филин и Владимир Гришаев возглавили бег. 10, 15, 20 километров — советские марафонцы все еще впереди. Филин продолжает поддерживать равномерный высокий темп бега. Так пройдены 40 километров. За нашими бегунами вплотную держится лишь финн В. Карвонен.

Длинный подъем к стадиону быстрее всех преодолел Филин Он вбежал на стадион… и здесь произошло недоразумение,

давшее основание корреспондентам, газет на следующий день озаглавить материалы «Трагический марафон» или «Трагедия на беговой дорожке».

По вине судей, не ждавших такого раннего прибытия марафонцев, Филин, вбежав на стадион, повернул не к финишу, а в другую сторону. Когда его вернули назад, было уже поздно. Карвонен, а за ним Гришаев заканчивали бег.

В этот день победитель марафонского бега не был назван. А на следующий день золотые медали вручили двум спортсменам — Карвонену и Филину. Победителем все же был признан финн.

Решая вопрос о том, кто побежит 10 000 метров, тренерский совет не стал заявлять на эту дистанцию Куца. Молодой, малоопытный бегун. Никто не знает, сможет ли он успешно выступить на двух дистанциях. Тем более что 10 километров бегут опытные стайеры Александр Ануфриев и Григорий Басалаев, — примерно так рассуждали тренеры.

Затопек был в отличной спортивной форме и после первого же круга ушел вперед. Половину дистанции он прошел за 14:28,0, что по тем временам было великолепным показателем. Эмиль бежал в своей обычной манере — склонив голову на бок и с таким выражением лица, как будто ему смертельно надоел этот бег и он хочет как можно скорей покинуть стадион.

Ануфриев и Басалаев не оправдали надежд. К финишу Затопек обошел на целый круг более 10 человек, в числе которых были и советские стайеры, занявшие в итоге лишь восьмое и двенадцатое место. Вторым же, как и ожидалось, был Ковач.

Владимир Куц наблюдал за этим бегом с трибуны. Опять эти злосчастные Затопек с Ковачем. И оба в хорошей спортивной форме. Именно им он проиграл в прошлом, 1953 году. Правда, сейчас он имеет некоторое преимущество перед ними, так как не выступал на 10 000 метров. Но что значит для таких опытных бегунов, и особенно Затопека, выступление на двух дистанциях. Тем более что отдыхать перед бегом на 5000 метров можно целых четыре дня.

Незадолго до забега на 5 километров тренерский совет должен был утвердить график бега Куца. Григорий Исаевич Никифоров неожиданно столкнулся с существенными возражениями против намеченной ими тактики. Рассчитывая побить мировой рекорд, они избрали оружием Куца предельную скорость на протяжении всей дистанции. Но все еще помнили высокий темп бега Куца на первой половине дистанции в прошлом, 1953 году на соревнованиях в Бухаресте и Будапеште, когда Володя проигрывал на финише. Неужели он надеется таким способом побить мировой рекорд и выиграть, да у кого? Самого

Затопека, продемонстрировавшего в первый день чемпионата способность побеждать и на более длинной дистанции. Лучше не повторять прежних ошибок, не бросаться в начале бега обязательно вперед, не рисковать одной из медалей, на которую может рассчитывать команда.

Никифорову пришлось прибегнуть к самым разнообразным доводам, чтобы доказать свою правоту. Он говорил и о том, что Владимир за этот год очень вырос, что на многих тренировках они убедились в его способности выдерживать намеченную скорость бега, и о том, что главное оружие Куца — именно высокий темп на протяжении всей дистанции. В качестве последнего аргумента пришлось дать слово, что он, Никифоров, ручается за успех намеченного ими плана. В конце концов график был утвержден.

То, что происходило в течение следующих дней чемпионата, было и неожиданным и радостным для советской команды. И Куц и Окороков в предварительных забегах завоевали право выступать в финале бега на 5000 метров 29 августа, в последний день соревнований.

А тем временем с каждым днем увеличивалось число золотых медалей па счету советских спортсменов. На этот раз успешно выступали не только женщины, но и мужчины. Газеты называли третий день чемпионата «русской золотой пятницей». Такого еще не бывало на первенствах Европы. В семи из восьми видов программы, в которых в этот день разыгрывались золотые медали, победу одержали представители Советской страны. Первым закончил бег на 400 метров ленинградский спортсмен Ардальон Игнатьев, продемонстрировав свое убедительное преимущество над участвовавшими с ним в финале представителями Финляндии Хеллстеном, ФРГ — Хаасом, Венгрии — Адамиком, Швейцарии — Хеггом и Франции — Дега.

Чемпионкой Европы в беге на 800 метров, закончив бег великолепным финишным ускорением, стала Нина Откаленко. Успех Сеченовой в беге на 100 метров на чемпионате 1946 года, не забытый еще любителями легкой атлетики, повторила московская десятиклассница Ирина Турова. Соревнования в пятиборье у женщин и десятиборье у мужчин принесли победу Александре Чудиной и Василию Кузнецову. В этот же день первым закончил дистанцию 50 километров советский скороход Владимир Ухов…

Удастся ли Владимиру Куцу в последний день соревнований поставить победную точку на выступлении советской команды? Немногие из присутствовавших в этот день на стадионе в Берне верили в то, что советский бегун может стать чемпионом Европы.

Слишком сильны были на этот раз его противники. Среди 14 бегунов, принявших старт в финале бега на 5000 метров, были спортсмены, имевшие значительно большие основания для успеха. Симпатии большинства были на стороне Затопека не только потому, что два года назад «железный чех» был олимпийским чемпионом. Зрители знали, что именно в этом, 1954 году Затопеку удалось сделать то, к чему в течение многих лет стремились бегуны на длинные дистанции, — улучшить два мировых рекорда. Кроме того, большое впечатление произвела его победа в первый день соревнований.

Высоко котировались и шансы англичанина Чатауэйя, пытавшегося, правда пока неудачно, улучшить рекорд на 2 мили, венгра Ковача, финна Юлина, немцев Шаде и Лауфера.

После выстрела стартера обычно бегуны на средние или длинные дистанции некоторое время бегут единой плотной группой. Только постепенно каждый начинает бороться за наиболее удобное для него место, стараясь оказаться поближе к бровке и не очень далеко от лидеров бега.

Такая тактика не для Куца. Он не привык «толкаться» в общей группе. С третьей дорожки, с которой Владимир начинал бег, он немедленно перешел на вторую.

Рядом с ним по второй дорожке бежит Шаде. Здесь же Затопек с Юлином. Пройден круг. Он ускоряет бег и после первого километра оказывается метрах в двадцати впереди от преследующей его группы. Каждый раз при выходе на прямую у финиша он видит огромный секундомер, неумолимо отсчитывающий секунду за секундой. Очень удобно! Никифорову не нужно, как он делал это обычно, после каждого круга кричать, как идет бег, сообщать укладывается ли он в намеченный график. Достаточно одного взгляда на секундомер, и все становится ясно.

После первой тысячи метров секундомер показывает 2 минуты 44 секунды. После полутора километров разрыв между Куцем и преследователями несколько увеличивается. Два километра пройдены за 5:36,7. Он отстает от графика на 2 секунды. После третьего километра это отставание увеличивается до 3 секунд.

В начале бега трибуны встречают лидерство Куца молчанием. Подбадривают криками только известных зрителям Затопека, Шаде, Чатауэйя. Молчание публики понятно. Не раз любителям спорта приходилось наблюдать, как вот такие неразумные новички бросаются после старта вперед, а потом, не рассчитав силы, сходят с дистанции.

Пожалуй, самым критическим оказался третий километр. Здесь особенно трудно поддерживать высокий темп бега,

заставлять себя бежать таким же широким и вместе с тем легким шагом, как и первые километры. Капли пота стекают по лбу, начинает пощипывать глаза. За какое время нужно было по графику пробежать 3 километра? Он помнит это превосходно. За 8 минут 21 секунду. Секундомер на стадионе показывает 8:23,9. Итак, он отстает почти на 3 секунды.

Думает ли о чем-нибудь спортсмен во время бега? Конечно! Бег — это не только движение ног, нужно точно следовать графику быть бдительным и не позволить соперникам обойти тебя на дистанции, а, значит, предугадывать их приближение, их намерения.

На повороте он видит, что Чатауэй пытается оторваться от общей группы, чтобы ликвидировать разрыв. Однако это не удается. Просвет между Владимиром и бегущими сзади не уменьшается, а увеличивается. Жесткие тренировки учили Куца поддерживать высокую скорость длительное время и сравнительно быстро справляться с временной слабостью, если она появляется. Не так давно в Москве он устроил для себя «проверку» — пробежал до Внукова и обратно. Трасса длиной, пожалуй, километров 60! Здесь же какие-то 5 километров…

Он видит, что Затопек пытается ускорить бег. То же самое делает и он. Разрыв достигает 70–80 метров. После четырех километров секундомер показывает 11:02,3. Этого достаточно для рекордного результата, нужно только не снизить скорость на последних кругах. Уже не приходится думать об экономии сил. Вперед! Быстрее вперед!

А что происходит сейчас там, позади? Теперь он достаточно опытен, чтобы не забывать о соперниках. Как-то незаметно из борьбы выбыли Ковач, Шаде и Лауэр, англичанин Грин. Чатауэй опережает Затопека. К отставшим от него почти на целую прямую линию присоединяется Окороков.

А на трибунах все изменилось. Куда девалось то холодное недоуменное молчание, которым трибуны встретили его дерзкий бег? Вслед за отдельными выкриками русских все больше и больше голосов подхватывают короткое, легко запоминающееся слово: «Куц!» Чем ближе он к концу финишной прямой, тем больше шума на стадионе. Тем больше людей не могут усидеть на своих местах и поднимаются во весь рост, чтобы лучше видеть происходящее на дорожке.

В спорте есть свои психологические закономерности. Одна из них — это острый интерес зрителей к неизвестным, не увенчанным славой и наградами новичкам. Зрители с уважением относятся к опытным, заслуженным спортсменам, всегда готовы поддержать их, когда они побеждают. Но вот впереди оказывается

новичок, и это становится сенсацией, сюрпризом! Он завоевывает всеобщие симпатии. О нем много говорят и пишут.

Так произошло на чемпионате Европы в Берне с Владимиром Куцем! Правда, это был общий триумф советской команды, когда мужчины завоевали 8 золотых медалей из 24 возможных, а женщины 8 из 11, намного опередив в командном зачете занявшую второе место команду Великобритании. Но все же наиболее яркой и впечатляющей здесь была победа Владимира Куца с новым мировым рекордом — 13:56,6.

Ну а что же победитель? Это был один из самых счастливых дней в его жизни. Первая значительная победа на международных соревнованиях. Первый мировой рекорд! Он стоит на верхней ступеньке пьедестала почета. Ступенью ниже — Чатауэй, двумя — Затопек!

«Словами не скажешь, как я был тогда счастлив, — напишет впоследствии Владимир Куц. — Даже сейчас, много-много лет спустя, этот день во всех подробностях стоит перед моими глазами».

Зарубежная печать не поскупилась на отзывы о выступлении в Берне Владимира Куца.

Чехословацкое телеграфное агентство передало отзыв Затопека о победе Куца: «Я не удержал этот рекорд. Я хорошо знал о способе бега Куца, когда он с первого же круга берет очень быстрый темп и отрывается от соперников. Я лично не нахожу этот способ тактически наиболее подходящим, так как, если все силы будут исчерпаны, бегун никогда не выиграет соревнование.

На этот раз Куц сам доказал правильность своей тактики, он все больше удалялся от нас и, наконец, был у финиша, когда мы только боролись за последующие места. Должен признаться, что особенно меня радует то обстоятельство, что победителем стал именно Куц, спортсмен, который своей самоотверженностью заслужил эту победу. Куц возвышается над другими спортсменами прежде всего тем, что борьбу за первенство он не сопровождает всякими тактическими маневрами и уловками, не прячется за других бегунов, а смело, решительно и мужественно идет вперед. И хотя два года он должен был бороться за то, чтобы завоевать победу таким способом, он, благодаря своему упорству, добился успеха. Думаю, что именно поэтому его победа становится еще более ценной».

Английская газета «Дейли телеграф энд морнинг пост» писала: «Лучшие места в Берне завоевали русские, и никакие идеологические расхождения не могут ослабить восхищения, которое вызывают в Англии их великолепные достижения в беге и других видах спорта». Норвежская газета «Арбейдербладет»,

отдавая дань смелости тактического замысла Куца, написала: «Его бег был, пожалуй, еще более фантастическим, чем какие-либо забеги Затопека…»

Французский журнал «Мируар спринт» так отозвался о беге Владимира Куца: «Этот бег на 5000 метров стал изюминкой чемпионата. Это был поразительный бег, развернувшийся перед глазами многих тысяч зрителей. Многие предполагали, что победит Затопек. Некоторые предсказывали победу англичанину. Но в это воскресенье 29 августа родился новый стиль бега на 5000 метров, и его создателем были не Затопек, не Чатауэй, а советский спортсмен Владимир Куц, который побил рекорд мира на эту дистанцию. Бег Куца был впечатляющим. Откуда же взялся этот русский с его стилем бега одновременно раскованным и мощным? Позади Куца разыгралась жестокая борьба за второе место между Затопеком и Чатауэйем, из которой победителем вышел англичанин. Но эта победа была одержана в 120 метрах от Куца…»

Глава 11. Владимир Куц — москвич

Трудно представить себе человека, который не имел бы своего дома. Это может быть комната, квартира, изба. Важно, не где живет человек, а кто ждет его дома.

Есть ли дом у солдата или матроса? Конечно! Таким домом становится кубрик на военном корабле. В военные годы солдаты быстро обживали выкопанные на передовой своими руками землянки. Если воинская часть продолжительное время стояла на месте, солдаты старались хоть как-то придать своей землянке жилой вид — мастерили столик, обивали стены досками или жердями, складывали печурку, вешали на стенку фотографии дорогих людей.

Но как для солдата, так и для моряка, каким был Куц, кроме своей землянки или корабля близким и желанным всегда оставался дом, в котором он вырос и где жили его родные. Владимир никогда не забывал деревню, где прошло его детство. При каждом удобном случае, а уж в отпуск обязательно, он приезжал в Алексино, еще в дороге представляя себе, как обрадуется мать, как, смахивая с глаз слезу, обнимет его отец, бросится на шею сестренка.

В Москве через некоторое время после переезда у него появился и собственный дом — квартира на Щербаковской улице. Теперь он уже не одинок. Появились люди, с нетерпением ожидающие его возвращения, следящие по газетам за его зарубежными выступлениями. Во-первых, брат Николай.

Когда Николай перешел в десятый класс, Куц, собираясь после очередного отпуска в Москву, сказал:

— Вот что, Коля, парень ты способный. Кончишь школу — поступай в вуз. Приедешь ко мне, я помогу. Жить сможешь первое время у меня. Но только одно условие — чтобы в аттестате не было троек.

В 1954 году Николай получил аттестат без троек, лишь с двумя четверками. А вскоре от Володи пришла телеграмма: «Выезжай, экзамены».

В то время Куц еще не имел квартиры и жил на базе ЦСК МО на Ленинских горах. В комнату втащили еще одну кровать и стул. Решили, что Николай будет поступать в торфяной институт. Туда добираться поближе, меньше конкурс и есть общежитие.

В первое время Николай путался в переходах метро. В деревне кто-то из знакомых, побывавших в Москве, предупредил, что на эскалаторе надо быть осторожным — при выходе прыгать, иначе срежет каблуки. Вот и смешил он москвичей, совершая

прыжки с эскалатора.

А с экзаменами повезло. Трудными для Николая были математика и сочинение. В десятом классе их математик много болел, его уроки часто заменялись другими. А грамотность всегда трудно дается тем, кто с детства говорит на украинском, а потом переходит на русский. Однако проходной балл Николаю удалось набрать, и с осени 1954 года он стал студентом. С гордостью носил Николай подаренные братом по этому случаю швейцарские часы, привезенные с чемпионата Европы.

Что касается общежития, то от него пришлось отказаться, так как оно находилось под Москвой, в Быково. Зимой там было холодно, дорога занимала много времени, и Николай остался у Володи, сперва на Ленинских горах, а затем в его квартире на Щербаковской. Старший брат взял на себя все материальные хлопоты и заботы по воспитанию. В первое время Николай никак не мог привыкнуть к Москве, и учиться ему сначала было трудновато. Под равными предлогами он пытался отпроситься у брата в деревню — то сажать, то копать картошку. Но неизменно получал ответ:

— Без тебя обойдутся. Твое дело учиться и не иметь хвостов.

Отказывал он брату и еще в одном — это было позднее, когда имя Владимира Куца стало известно всей стране, — в просьбах похлопотать, посодействовать.

— Ты пойми, что совесть мне не позволяет просить за родного брата. Отец и мать дали нам с тобой крепкое здоровье. А пробиваться в жизни мы должны сами.

Забегая вперед, скажем, что Николай закончил институт с отличием. В течение десяти лет проработал инженером на московском кабельном заводе «Электропровод», пройдя путь от помощника мастера до секретаря парткома. Учился во Всесоюзной академии внешней торговли, а затем вел ответственную работу за рубежом, причем три года в Швейцарии в качестве представителя Всесоюзной торгово-промышленной палаты, много сделал для установления торговых связей с зарубежными странами.

С некоторых пор, возвращаясь из поездок по стране или из-за рубежа, Володя ожидал встречи не только с братом, но и со своей новой знакомой, Раей. Окончив факультет журналистики Московского государственного университета, Раиса Полякова стала литературным сотрудником газеты «Советский флот». Поручение редакции — взять интервью у морского офицера, чемпиона Европы по легкой атлетике Владимира Куца — затянулось на многие годы. Его результатом была новая молодая семья, книга — литературная запись воспоминаний Куца,

многочисленные статьи в газетах и журналах. Одна из них, опубликованная во французском журнале, так и называлась — «Мой муж».

Этот брак принесет Куцу много радости, поможет приобщиться к литературе, искусству, расширит его кругозор, заставит по-иному взглянуть на окружающий мир. И если, в конце концов, он принесет ему и много горя, не будем искать здесь виновного.

Теперь Владимир Куц обрел не только свой дом, но и свой город, который стал для него родным, — Москву. Он всегда гордился тем, что стал жителем столицы. С Москвой его связывали и товарищи по спорту. Дружная команда легкоатлетов Центрального спортивного клуба Министерства обороны (в дальнейшем ЦСКА) выступала на многих соревнованиях, в том числе и на традиционных московских. Естественно, что Куц стал их непременным участником.

Одним из таких соревнований была традиционная эстафета на призы газеты «Вечерняя Москва» — «Вечерка», как ласково называют ее москвичи. Ежегодно в начале мая в первой половине дня перекрывается автомобильное движение по Садовому кольцу. Расстояние около 15 километров разбивается на 30 этапов, места передачи эстафеты украшаются флагами, здесь за порядком строго следят спортивные судьи. К началу эстафеты на тротуарах, площадях Садового кольца собираются москвичи. У «Вечерки» есть свои болельщики. Кто болеет за «Спартак», кто за «Динамо», а кто за ЦСКА.

Старт и финиш — на площади Маяковского. Здесь особенно людно, собираются судьи, разминаются участники.

Наконец все готово. На старте выстраивается пестрая цепочка бегунов. Выстрел стартера.

Эстафета начинает свой путь по праздничной Москве. Мало кто даже из старожилов знает, что московская эстафета имеет свою забавную предысторию. В 1884 году московский журнал «Развлечение» сообщил читателям: «12 сентября у мирового судьи Яузского участка разбиралось дело по обвинению некоего Василия Симакова, вздумавшего устроить состязание скороходов на Чистопрудном бульваре, куда около 9 часов вечера он отправился в сопровождении товарищей. Дистанция была назначена в 15 верст, отмеренных приблизительно вокруг бульвара. Скороходы должны были ее сделать за час. В 9 часов судьи в присутствии многочисленной публики уселись на скамейке посреди бульвара, зажгли огарок свечи и начали считать круги, сделанные бегунами. Но явилась полиция, прекратила эту забаву, а виновников устроения пригласила в

участок, где и был составлен протокол. Мировой судья за самовольное устройство бега оштрафовал Симакова на 20 рублей серебром.»

А история эстафеты отсчитывается с 1927 года, когда по инициативе газеты «Вечерняя Москва» у памятника Пушкину собрались ее первые участники. Как мало она напоминала современную праздничную эстафету! Вместо автомашин с милицией и судьями, возглавляющими в наше время эстафету, впереди ехал велосипедист с флажком. А бегунам, взявшим старт и направившимся к Арбатской площади, приходилось лавировать между извозчиками и автомашинами.

После той первой эстафеты газета писала: «Раньше всех доставил эстафету к финишу на Страстном бульваре корреспондент «Известий», впоследствии участник Челюскинской эпопеи Борис Громов.»

В последующие годы эстафета проходила по разным маршрутам. Старт и финиш были и на площади Коммуны, и у сада Эрмитаж, и на Чистых прудах, и в парке имени Горького. С 1938 года местом ее проведения стало Садовое кольцо, но старт нередко давался у стадиона «Динамо».

Эстафета была настолько популярна, что ей посвящали свои стихи известные советские поэты. Вот строки Александра Жарова:

Я, как москвич и как поэт,
Все эти двадцать с лишним лет —
Свидетель майских эстафет.
Бежал бы сам навстречу лету,
Включился б в эстафету эту,
Но мне, увы, не двадцать лет…

Даже в мае 1942 года, когда фашистские войска были еще недалеко от Москвы, «Вечерка» прошла свой традиционный путь по Садовому кольцу, свидетельствуя о стойкости и вере москвичей в победу.

В военном 1944 году в газете «Красный спорт» были опубликованы стихи другого поэта — С. Маршака:

Начало северного лета
Встречаете сегодня вы
Веселым бегом с эстафетой
По людным улицам Москве.
Участник бега прошлогодний
На фронте нынче бьет врагов,
А завтра в бой идти готов —

В 1954 году в команду ЦСК МО для участия в «Вечерке» был включен Владимир Куц. Он бежал на этапе от Красных ворот. Здесь, может быть, впервые он испытал то острое чувство ожидания и нетерпения, когда знаешь, что там, на площади Маяковского, уже стартовали бегуны первого этапа, что борьба уже идет, вот-вот она захватит и тебя. Но кто же покажется у Красных ворот первым? Какая досада! Уже видна вдали фигура в белой майке с полосой на груди. Это динамовец. Но совсем недалеко красная майка армейца. Динамовец все же первым передает палочку.

Куц в нетерпении переминается с ноги на ногу. Наконец в его руках эстафета. Вперед! Во что бы ни стало догнать противника. Расстояние между ними сокращается. Но его соперник — опытный бегун Сергей Архаров. Куц передает эстафету вторым. Оказывается, и здесь нужна тактика. Он опять слишком резво начал свой этап.

Владимир Куц не раз принимал участие в «Вечерке». Выступал на разных ее этапах. Уно Кялле вспоминает, что, когда старт давался на стадионе «Динамо», они с Куцем бежали на первом этапе. Участники делали круг по стадиону, выбегали в парк и направлялись на Ленинградское шоссе. Вперед вырвались тогда динамовец В. Окороков и армеец В. Куц…

В 1954 году, когда Куц вошел в дружную семью ЦСК МО, клубные московские команды состязались в самых различных эстафетах: в весенних, посвященных открытию летнего сезона, и осенних- «Золотая осень».

Пожалуй, наиболее популярной была эстафета 10 по 1000 метров. Впервые ее провели еще в 1911 году на одной из просек Сокольнического парка. Куц участвовал в ней 6 мая 1954 года на стадионе «Динамо», где выступало 16 команд. Он вел борьбу с динамовцем Кучуриным. На разных этапах побеждала то одна, то другая команда. В конце концов первым эстафету принес к финишу армеец Г. Ивакин. ЦСК МО опередил своих ближайших конкурентов-динамовцев по итогам весенних эстафет на 15 очков.

А во втором, осеннем туре эстафетного бега, когда выявлялась сильнейшая команда, все решил результат в эстафете 4 по 1500 метров. Здесь опять противоборствуют армейцы и динамовцы. На первом этапе С. Слугин передает эстафетную палочку почти одновременно со спортсменом из «Динамо» В. Стрелецким. На втором этапе В. Бахромов уступает В. Окорокову. Когда Куц принимает старт на третьем этапе,

армейцы проигрывают не менее 60 метров.

Особой надежды на Владимира товарищи по команде не возлагают. Ведь как-никак он стайер. Но Куц яростно бросается вдогонку за динамовцем В. Потаповым и настигает его. На последнем этапе эстафету победно завершает армеец Н. Маричев. В общем зачете по весеннему и осеннему турам ЦСК МО выходит на первое место. На сей раз главный виновник торжества — Владимир Куц.

И в дальнейшем Владимир Куц охотно выступает на московских соревнованиях. Он уже чувствует себя москвичом.

Глава 12. «Рыжая лиса» и соревнования в Лондоне

Бег на длинные дистанции всегда приковывал к себе особое внимание любителей легкой атлетики. И это естественно. Перед зрителями разыгрывается представление, в течение которого можно хорошо познакомиться с действующими лицами, вдоволь насладиться перипетиями спортивной борьбы. В этом одно из преимуществ бега на длинные дистанции перед молниеносным, продолжающимся несколько секунд спринтерским бегом, а тем более перед метаниями или прыжками.

Бег Владимира Куца на 5000 метров в 1954 году на первенстве Европы привлек к себе большое внимание знатоков спорта, вызвал многочисленные отзывы в зарубежной прессе. Писали о том, что тактика бега чемпиона необычна, что давно уже зрители не видели такой отчаянной смелости на беговой дорожке, когда спортсмен, не обращая внимания на своих соперников, в том числе и на рекордсмена мира, олимпийского чемпиона, убегает вперед, круг за кругом увеличивая разрыв между собой и другими бегунами.

Куц превосходно знал историю своего вида спорта. Знал, какая острая борьба за высшее достижение и звание олимпийского чемпиона разворачивалась на этой дистанции. В Англии и некоторых других странах бегуны с давних пор состязались в беге на 3 мили (4828 м). В начале XX века лучшим бегуном на 3 мили считался зажиточный английский рантье Альфред Шруб. Он имел достаточно средств, чтобы оборудовать беговую дорожку для тренировок в собственном саду. В 1903 году Шруб показал на 3 милях результат 14:07,6, что в пересчете на 5000 метров равняется примерно 14:48,0. Пожалуй, этот результат можно считать точкой отсчета в мировых рекордах на 5000 метров.

Впервые бег на 5000 и 10 000 метров был включен в программу Олимпийских игр в 1912 году в Стокгольме. Здесь за первенство в беге на 5 километров боролись атлетически сложенный француз из Марселя Жан Буэн и невысокий худощавый финн Ханнес Колехмайнен. Лидерство сразу же захватил француз. За ним легко и непринужденно бежал Колехмайнен. Удар колокола, возвестивший о том, что начинается последний круг, не внес каких-либо изменений в расстановку бегунов, и борьба развернулась только на последней прямой, где финну удалось незначительно опередить отчаянно

боровшегося за победу Буэна. Рекорд мира был улучшен почти на 30 секунд.

Франко-финская дуэль продолжалась и спустя 8 лет, в 1920 году (очередным играм помешала первая мировая воина). В беге на 5000 метров на Олимпиаде в Антверпене соперниками стали восходящая звезда финской легкой атлетики Пааво Нурми и маленький подвижный француз Жозеф Гийемо. Нурми, следуя своей привычке, бежал с секундомером в руках. Он был невозмутим и уверен в победе. Но когда до финиша осталось менее 100 метров, француз сделал неожиданный рывок, пулей промчался мимо финна и устремился к финишу. Нурми бросился в погоню, но было уже поздно.

Несмотря на эту победу, имя француза лишь промелькнуло в истории легкой атлетики, тогда как Нурми занял в ней одно из самых почетных мест. «Величайший бегун всех времен» был героем трех Олимпиад. С тех пор финны становились победителями олимпийских соревнований на 5000 метров еще трижды. Им же, начиная с 1912 года, в течение 30 лет принадлежали и мировые рекорды на этой дистанции.

Казалось, гегемония финнов на длинных дистанциях незыблема. Но в период с 1936 по 1948 год, когда олимпийские игры не проводились, на смену финским стайерам пришли шведские бегуны. Их успех объясним. В начале 40-х годов, когда большая часть Европейского континента была объята пламенем второй мировой войны и странам Европы было не до спорта, нейтральная Швеция сумела подготовить плеяду великолепных бегунов. Сильнейшим среди них был бесспорно Гундер Хегг, который в 1942 году в течение 82 дней установил 10 мировых рекордов на 7 различных дистанциях. Выдающиеся результаты показывали и многие другие шведские бегуны.

Впрочем, необычный успех в беге в такой сравнительно небольшой стране, как Швеция, нельзя объяснить только ее нейтралитетом. В силу ряда благоприятных обстоятельств в те годы в этой стране была создана прогрессивная система тренировки. Г. Холмер и Г. Оландер положили в ее основу бег на местности с мягким, эластичным грунтом, позволяющим избежать утомления, повреждения суставов и связок, а следовательно, допускающим увеличение беговых нагрузок.

Наряду с другими рекордами в 1942 году Гундер Хегг установил и рекорд на 5000 метров — 13:58,2. Именно этот рекорд хотел побить Владимир Куц, когда готовился к первенству Европы 1954 года. Но, как известно, Эмиль Затопек опередил Куца, установив рекорды на обеих стайерских дистанциях.

Когда же чемпионом континента в Берне стал мало кому

известный советский стайер Владимир Куц, улучшивший рекорд Затопека до 13:56,6, это произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Большинство считало, что победа русского — досадная случайность, что большее право на мировые рекорды имеют стайеры с давними традициями в легкой атлетике, имеющие свои национальные школы бега, и прежде всего бегуны из Англии.

Самое простое толкование победе Куца дал его соперник Кристофер Чатауэй. Он объяснил этот «феномен» тем, что все ориентировались на Затопека, стерегли его и совершенно не придали значения непонятной тактике «зарвавшегося новичка». Англичанин обещал доказать справедливость своего мнения при первой же встрече с удачливым русским. Эта встреча была намечена на октябрь того же 1954 года в Лондоне, где должен был состояться первый товарищеский матч сборных легкоатлетических команд Москва — Лондон.

Советские тренеры, в том числе и наставник Владимира Куца Григорий Исаевич Никифоров, хорошо представляли себе всю ответственность и трудность предстоящей встречи. Английские средневики и стайеры долгое время были сильнейшими в мире. Применяемая ими в первое время тренировка в виде длительного равномерного бега преимущественно в парках и на дорогах в сочетании с ходьбой уступила место более совершенным методам. Увеличились тренировочные нагрузки, вырос объем кроссовой подготовки.

Что касается волевой и тактической подготовки, то в Великобритании они считались важнейшими элементами тренировки. Один из известных английских бегунов Д. Лоу говорил: «Бегуны с плохим стилем еще могут добиться успеха, но с плохой тактикой — никогда».

Заметный след в истории бега в начале 50-х годов оставил студент-медик Роджер Баннистер, пробежавший первым одну милю быстрее 4 минут. Впоследствии бегуны всех стран, добившиеся такого же успеха, зачислялись в символический клуб Баннистера.

К следующему поколению английских бегунов относятся и главные противники Куца, борьбе с которыми он посвятил несколько лет своей жизни, — Кристофер Чатауэй и Гордон Пири.

Хорошо сложенный бегун с копной вьющихся рыжих волос Чатауэй за свою хитроумную тактику получил прозвище «рыжая лисица». Родом из аристократической английской семьи, Крис, как его называли приятели, учился в Оксфордском университете и готовился к карьере государственного деятеля. В 1947 году в возрасте 17 лет Чатауэй впервые выступил в школьных соревнованиях на милю. Затем его достижения улучшались с

каждым годом. Уже в 1950 году он повторил рекорд на милю Д. Ловлока -4:12,0, а через два года улучшил рекорд Баннистера на две мили, первым из англичан пробежав эту дистанцию быстрее 9 минут. На Олимпийских играх в Хельсинки он лидировал почти всю дистанцию 5000 метров и, если бы не падение на последней прямой, неизвестно, как бы закончился этот бег.

Упустив Куца на первенстве Европы в Берне, Крис в конце дистанции сравнительно легко обошел Затопека и был на финише вторым. Теперь исход встречи в Лондоне Куца с Чатауэйем волновал англичан. Конечно, Крис хотел во что бы то ни стало взять реванш за проигрыш в Берне. Он тщательно готовился к этому соревнованию, продумал тактику бега. На этот раз его ничто не должно отвлекать от поединка с Куцем. Не отпускать русского от себя ни на шаг и постараться выиграть у него на финише за счет преимущества в скорости — таким был его план.

А в это время в Москве Владимир не раз обсуждал с Никифоровым возможные варианты встречи с Чатауэйем. Они отлично знали, что англичанин может рассчитывать на свой мощный финиш. Следовательно, на дистанции нужно предложить высокий темп бега, как это было в Берне. Но каков сейчас Чатауэй? Какая скорость может лишить его сил, опустошить к финишу? Этого не знали ни Никифоров, ни Куц. В период между первенством Европы и матчем в Лондоне Куц успешно выступал на нескольких соревнованиях. Пожалуй, наиболее примечательным было его участие в первенстве СССР, которое состоялось в начале сентября в Киеве. Здесь на старт вышли почти все сильнейшие бегуны страны. Ануфриев, еще не смирившийся с прошлогодним поражением на чемпионате страны, Иван Пожидаев, Григорий Басалаев, Иван Семенов, Владимир Кривошеин, Иван Чернявский.

Несмотря на такую могучую рать, Куц остался верен своей тактике. В беге на 10 000 метров после 4 километров он уже по крайней мере на 100 метров опережал своих соперников и закончил бег под аплодисменты зрителей. Так же успешно он бежал и на второй стайерской дистанции. Конечно, это победное выступление на первенстве СССР было неплохой подготовкой к встрече с Чатауэйем.

…Когда 9 октября 1954 года команда советских спортсменов в огромном самолете «Викинг» в течение четырех часов летела над Европой в Лондон, Куц не выглядел замкнутым. Он не принадлежал к тому типу спортсменов, которые по мере приближения выступления становятся все молчаливее и задумчивее, бесчисленное количество раз проигрывая в уме все

варианты, которые могут возникнуть на беговой дорожке. Нелюдимым и сосредоточенным он становился только на тренировках, которые еще с флотских времен привык проводить в одиночестве.

В Лондоне устроились в гостинице неподалеку от стадиона «Уайт-сити». Английские рабочие бастовали. Вели борьбу за свои права шоферы автобусов. Чтобы добраться из одного конца огромного города в другой, нужно было или иметь собственную машину, или идти пешком.

Три дня понадобилось на тренировки и знакомство со стадионом. Побывали и в знаменитом Гайд-парке. Здесь на чудесном травяном газоне они ежедневно проводили утреннюю зарядку. К сожалению, не удалось полюбоваться «фри спич корнер» (уголком свободных речей), где каждый желающий может взобраться на возвышение и говорить о чем угодно, только не нарушая законов и приличий.

Соревнования начались в 5 часов вечера по местному времени, в Лондоне уже стемнело. Но многие зрители пришли на стадион позднее. В 20 часов 40 минут начинался бег на 5000 метров. К этому времени 60 тысяч зрителей заполнили трибуны стадиона и, по подсчетам специалистов, еще по крайней мере миллион англичан наблюдали за бегом Куца и Чатауэйя по телевидению.

Пожалуй, для нас наиболее интересны высказывания самих участников бега.

«Итак, я принял старт с намерением сбросить несколько секунд с мирового рекорда, установленного в Берне — вспоминал Куц. — После первого километра я убедился, что Чатауэй оправдывает свою репутацию, не зря его прозвали «рыжей лисой». Он словно приклеился ко мне и, конечно, намерен «сидеть на моих пятках» до последнего моего вздоха. Впервые за все время выступлений на 5 километров я развил такую сногсшибательную скорость на первом километре… А Чатауэй все тут как тут. Я слышу его шаги, когда на миг стадион замолкает, чтобы, передохнув, вновь во всю мощь тысяч легких завопить «Крис!»

Вот на исходе и третий километр. По рекордному графику я должен дать себе сейчас некоторую передышку, но до отдыха ли, когда пахнет потерей рекорда. Надо идти на риск. Вместо того чтобы снизить темп, я готовлю новый рывок. Делаю глубокий вдох, и как с вышки в воду, бросаюсь вперед. Скорость такая, что, кажется, легкие не выдержат… Метров, наверное, двухсот хватит, чтобы измотать противника. Нет, не хватило. Его шаги по-прежнему слышны за спиной. Через круг я снова повторил свой бешеный спурт. Мне он стоил огромных усилий. Железными

тисками сжимало грудь, не хватало воздуха. Казалось еще чуть-чуть и я упаду.

На вираже я посмотрел влево: что же дал мне этот рывок? Ага, как будто бы отстает моя тень. Но что творится на трибунах! Рев, вой, визг. Молят, требуют, чтобы Чатауэй вновь догнал меня… И вот он опять за моей спиной. Близится развязка. Осталось 100 метров — «рыжая лиса» сзади; 50 — сзади; финиш рукой подать, всего метра 3–4 — огненно-рыжая голова уже рядом, справа. Последние шаги. Выпятив грудь, кидается Чатауэй на финишную ленточку. Он срывает ее и падает без сознания на руки подбежавшего к нему Роджера Баннистера.»

К этому рассказу Куца нужно добавить, что бег проходил при свете бивших в лицо прожекторов, что, когда Володя боролся со встречным ветром, Чатауэй укрывался за его спиной. Скорость бега была так велика, что Куц превысил мировой рекорд на три мили (13:27,0).

Секундомеры показали одинаковое время, но по международным правилам Куцу приписали две десятые секунды. Чатауэй стал победителем матча, установив новый мировой рекорд — 13:51,6. Когда англичанин пришел в себя, первыми его словами были: «Спасибо, Куц! Один я бы не смог».

На следующий день на первой полосе «Дейли экспресс» был помещен снимок финиша на 5000 метров и текст: «Известия о забастовках мрачны… Но есть чем и порадовать лондонцев, идущих пешком на работу. Чатауэй сделал это. Он побил русского на последнем шаге и установил мировой рекорд!» Газеты словно позабыли о том, что москвичи победили в 21 виде программы матча, а спортсмены Лондона — только в 8 и что счет матча — 159:89 в нашу пользу!

Что касается Чатауэйя, то в своем интервью газете «Сандей график» он сказал: «Не думайте, что в среду во время бега мне было легко. Преследовать Куца, по правде сказать, неприятное занятие. Был такой момент, когда я почувствовал, что мне придется прекратить бег. По-моему, это было на десятом круге. Три раза Куц делал ускорения. Я их ожидал, но все равно принимать их было очень трудно. А Куц все держал и держал высокий темп, и я чувствовал, что силы оставляют меня. Крик Роджера: «Ты держишь его, Крис!», — как бы подстегнул меня в самый критический момент. Я сразу понял, что Куцу не легче, чем мне. Роджер Баннистер помог мне победить…

Надо сказать, что при подготовке я много раз «бежал» с Куцем. Даже сидя дома с матерью, слушая музыку по радио, лежа в ванне, идя в контору утром, я много раз в уме выигрывал этот бег. Мои умственные и психологические приготовления важны

для меня не менее чем физическая тренировка. Мне надо было победить и своего старого врага — страх перед последним кругом. Мне всегда представляется тонущий человек и его ощущения, когда он захлебывается, момент, когда он вынужден сдаться и беспомощно пойти ко дну. Перед последним кругом именно так я себя чувствовал и почти согласился с тем, что буду вторым. Но все же я боролся как никогда и после финиша не смог пройти и нескольких шагов…»

Прочитав это интервью, легко понять, насколько тщательно готовился Кристофер Чатауэй к поединку с Владимиром Куцем на лондонском стадионе «Уайт-сити».

Глава 13. В погоне за рекордом

Поражения на соревнованиях по-разному влияют на спортсменов. Слабых они порой лишают веры в себя, становятся своего рода психической травмой, для преодоления которой нужно длительное время. Для сильных проигрыш — обычно стимул дальнейшего совершенствования.

Куц был сильным, волевым спортсменом. Отвечая после соревнования на вопросы корреспондентов, он заявил, что собирается побить новый рекорд Чатауэйя в самом ближайшем будущем. А так как через 10 дней ему предстояло встретиться в Праге с Эмилем Затопеком, то очередные выпуски английских газет сообщили, что русский бегун чуть ли не на днях намеревается «бежать на рекорд».

Десять дней срок небольшой. Он едва достаточен для того, чтобы оправиться после соревнования, особенно такого, каким был лондонский матч. Володя начал готовиться к новому старту прямо в Лондоне. Старший тренер сборной команды Коробков вспоминал: «Каждый старался помочь Куцу в этом трудном, но благородном деле. В течение десяти дней, которые отделяли матч в Лондоне от матча в Праге, он был окружен заботой и вниманием. Он чувствовал поддержку коллектива. Она придавала ему уверенность и силу. Он видел, что мировой рекорд не только его личное дело — это дело всей команды, всей советской легкой атлетики, всей страны».

Вот почему, когда команда советских легкоатлетов по просьбе английских рабочих выехала на соревнования в один из крупнейших промышленных центров Англии Манчестер, Куц остался в лондонской гостинице, рассчитывая отдохнуть и начать тренировки. К сожалению, этому плану не суждено было осуществиться. Ранним утром в номер, где еще крепко спал Куц, коридорный вкатил столик с завтраком. Следом вошел еще один англичанин, как оказалось, шофер поданной к подъезду машины. Без переводчика Володе было нелегко объясниться с неожиданными посетителями.

— Рано, понимаете, слишком рано, — говорил Куц, показывая на часы. — Мой тренинг через два часа. Вы ошиблись. Сэнк ю вэри мач. Хау ар ю? (Спасибо. Как вы поживаете?)

В конце концов выяснилось, что в Манчестере любители спорта, разочарованные отсутствием Куца, чуть было не обыгравшего их Криса, требуют присутствия русского стайера на церемонии открытия соревнований. На аэродроме его ждет специальный самолет.

Что оставалось делать? Только срочно собраться и отправиться в дорогу. Переезд не занял много времени, и самолет, несмотря на туман, благополучно приземлился.

В Прагу наши легкоатлеты вылетели утром 20 октября. На аэродроме провожать гостей собралась большая группа английских спортсменов, корреспондентов газет.

Остановка во Франкфурте-на-Майне, и вот наконец Прага. Что ни говори, но здесь дышится легче. Может быть, потому, что теперь они ближе к Родине и их встречают настоящие друзья — чехословацкие спортсмены.

Чехи проявляют огромный интерес к матчу. Администрация стадиона может удовлетворить лишь незначительную часть заявок на билеты. Очевидно, и здесь любители спорта с нетерпением ожидают, чем закончится эта борьба за мировой рекорд между Куцем, Затопеком и Чатауэйем. Впрочем, Затопек, радушно встретивший Куца, твердо заявил, что страговский стадион не годится для установления рекордов, что «роза ветров» здесь неблагоприятна для спортсменов — сильный ветер дует когда и куда ему вздумается, но преимущественно навстречу бегунам. Несмотря на это, он готов помочь Куцу — постарается некоторое время вести бег. Конечно, это не значит, что чех и сам не собирается показать рекордные секунды.

Волнуются ли спортсмены перед ответственными соревнованиями? Бесспорно. Специалисты не раз проводили исследования так называемого предстартового состояния. У разных людей оно протекает по-разному. Чрезмерное волнение, навязчивые мысли о будущем беге могут привести к тому, что спортсмен «перегорит», уже до старта растратит свою нервную энергию. Но бывает и по-другому: предстартовое состояние мобилизует, придает силы. Так обычно происходило и с Куцем. Вспоминая соревнования в Праге, он говорил: «Приняли старт. Тревожного напряжения последних дней и след простыл. Удивительное спокойствие, уверенность, жажда победы полностью овладели мной.»

Затопек ничем не смог помочь Владимиру. Вел бег только первые 40 метров, а потом, несмотря на подбадривающие крики болельщиков, безнадежно отстал. Уж, видно, такова судьба Куца — и тренироваться и бороться на дистанции в одиночестве. Впрочем, сейчас перед ним незримый противник — мировой рекорд в беге на 5000 метров, который десять дней назад отобрал у него Чатауэй.

Превосходное быстрое начало бега (1000 м за 2:38,5). Но после третьего километра он проигрывает Чатауэйю две секунды. Все-таки прав был Затопек. Ветер старается остановить его, сбить

с темпа. Не случайно ни один из своих многочисленных рекордов Эмиль не установил на этом стадионе.

Однако уступать ветру он не имеет права. Четвертый километр пройден на две с половиной секунды лучше графика. Особенно трудным оказался последний километр. Здесь к борьбе с ветром прибавилась и борьба с усталостью.

Судя по всему, зрители примирились с неудачей своего любимца Затопека. Они встают. Криками и аплодисментами поддерживают Куца. Аплодисменты усиливаются, когда по радио объявляют, что, пробежав 5000 метров за 13:51,2, советский спортсмен установил новый мировой рекорд. А на следующий день пришла телеграмма: «Поздравляю великого бегуна с осуществлением великого замысла. Чатауэй.».

Есть рекорды, которые подвергаются постоянной осаде и улучшаются несколько раз в течение года. Так происходит, когда в этом виде легкой атлетики появляется большая группа спортсменов примерно равных по силам. Именно так обстояло дело в беге на 5000 метров в середине пятидесятых годов. Только в течение 1954 года рекордом владели Эмиль Затопек, Владимир Куц, Кристофер Чатауэй, затем снова Куц. В 1955 году число претендентов на обладание мировым рекордом увеличилось. Теперь на него могли претендовать еще и польские и венгерские бегуны. Среди поляков к этому временя широкую известность приобрел Ежи Хромик. С успехом он выступал в беге как на средние, так и на длинные дистанции. Вместе с Затопеком в 1954 году он опередил Куца в кроссе «Юманите», а в 1955 году установил мировой рекорд в беге на 3000 метров с препятствиями.

Но наиболее вероятным претендентом на победу в беге на 5000 метров был венгерский спортсмен Шандор Ихарош. Наделенный великолепными скоростными качествами, обладатель мирового рекорда на 1500 метров (3:40,8), он выделялся среди бегунов своей страны и высоким уровнем выносливости. К 1955 году в Венгрии составилась большая группа отличных бегунов: Ласло Табори, Иштван Рожавельди, Йожеф Ковач, которые вместе с Ихарошем сумели установить мировой рекорд в эстафетном беге 4 по 1500 метров.

Куц не сомневался в той, что в новом, 1955 году ему придется немало потрудиться, чтобы отстоять свое право на обладание рекордом. Зима прошла в непрерывных тренировках. Теперь он жил в двухкомнатной квартире в районе Измайловского парка, и до парка, где можно проводить тренировки, было рукой подать. Он остался верен привычке выбирать и размечать для кроссового бега свою трассу.

Здесь, в Измайлове, она начиналась на стадионе медиков и, петляя между столетними липами, которыми так богат парк, огибая пруд, где летом посетители катались на лодках, через 2,5 километра возвращалась на стадион. Московские легкоатлеты, тренировавшиеся здесь, так и называли ее — «трасса Куца».

На некоторое время тренировки пришлось прервать из-за не столь уж серьезной операции, которая прошла успешно, но потребовала много времени для того, чтобы поправиться и вернуть спортивную форму. Несмотря на протесты врачей, Владимир начал бегать вскоре после операции. Сперва в палате, затем во дворе, где гуляли выздоравливающие, а потом по дорожкам ботанического сада. Можно представить себе, с каким удивлением провожали глазами выздоравливающие из хирургического отделения, не расставшиеся еще с палками и костылями, этого сумасшедшего парня в полосатой больничной пижаме.

Первым серьезным испытанием после выздоровления для Куца стала Спартакиада Вооруженных Сил, состоявшаяся в конце августа во Львове. Петр Болотников, тогда еще начинающий бегун, не подозревающий о том, что через несколько лет он станет достойным преемником Куца, вспоминает: «А в 55-м я неплохо выступил на Спартакиаде Вооруженных сил во Львове Я тогда впервые бежал с Куцем. Володя был блестяще подготовлен. Все мы это знали и думали лишь о втором месте. Никто даже не пытался тянуться за чемпионом Европы. И я в том числе. При всем моем честолюбии о соперничестве с Куцем я тогда и не помышлял. Володя бежал в своем сумасшедшем темпе и установил рекорд СССР -29:06,2. Вторым был Иван Семенов, а я занял почетное для себя третье место».

11 сентября на московском стадионе «Динамо» состоялась матчевая встреча СССР — Великобритания, Северная Ирландия. Московские любители спорта на этот раз проявили особый интерес к матчу: стадион был полон.

После операции Куц предпочел принять участие в беге не на 5000, а на 10 000 метров, где скорость не так велика и можно обойтись без изнурительных спуртов. Чатауэй, выступавший в беге на 5 километров, был разочарован. Он рассчитывал вернуть себе мировой рекорд, но повторить на «Динамо, лондонский результат без Куца оказался не в состоянии. Владимир бежал с не менее именитыми английскими стайерами — Г. Пири и К. Норрисом. Однако финишировал в одиночестве, обогнав занявшего второе место Норриса чуть ли не на 40 секунд. Но именно здесь, на стадионе, ему сообщили, что вчера, 10 сентября, в Будапеште Шандор Ихарош улучшил мировой рекорд на 5000

метров -13:50,8!

Ну что же? Снова в погоню за рекордом. Ждать остается совсем немного. Уже в сентябре группа советских легкоатлетов отправляется на соревнования. 18 сентября выступление в Белграде, 22-го — в Целье, 25-го — в Загребе, 2 октября — в Румынии, в Бухаресте.

Конечно, наступление на новый мировой рекорд Куц поведет на первом же соревновании в столице Югославии. Все продумано заранее еще в Москве. График бега рассчитан на 13 минут 48 секунд. Остается только воплотить эти цифры в показания секундомеров на стадионе.

При пересадке в Будапеште произошла непредвиденная задержка. Советская команда, воспользовавшись этим, отправилась на великолепный стадион «Вашаш». Здесь и произошла встреча с венгерскими бегунами. Конечно, они жадно присматривались друг к другу — такие разные: худощавый, подвижный венгр Шандор Ихарош и на первый взгляд несколько медлительный, коренастый Владимир Куц.

Они бегут рядом по дорожке стадиона. Для спортсменов в большинстве случаев языкового барьера не существует, они понимают друг друга. Куц привык действовать честно и открыто, а для Ихароша ясно, что русский спортсмен поздравляет его с рекордом, но собирается через четыре дня улучшить это достижение. Для наглядности Куц берет палочку и пишет дорожке: «13:48,0!» Ихарош пожимает ему руку, но лицо его невозмутимо. Трудно понять, приветствует ли он смелую попытку Куца или не верит в ее успех…

В Белграде непрерывно накрапывал мелкий осенний дождик. Но столица Югославии все равно выглядела празднично. Выйдя из отеля «Москва», где разместилась команда, советские бегуны смешались с нескончаемым потоком шумных, веселых горожан. Приветливо мигают рекламные огни многочисленных биоскопов — так здесь называют кинотеатры. Интерес к советской команде велик. Немалую роль в этом сыграло неосторожное заявление старшего тренера Коробкова, напечатанное в газетах, что при благоприятных условиях Владимир Куц постарается улучшить рекорд Ихароша.

Приехав на стадион, советские спортсмены узнают, что они встречаются не только с представителями Югославии, но и США, Румынии, Венгрии, Болгарии, Польши, Турции. Ихароша нет. Очевидно, он предпочел подождать, чем кончится попытка Куца.

Бег на 5000 метров проходит в конце первого дня соревнований. Трибуны, как и во время встречи с Чатауэйем в Лондоне погружены в темноту, яркие лучи прожекторов

выхватывают из мрака то красноватую беговую дорожку, то зеленый покров футбольного поля.

Старший тренер Гавриил Коробков, человек, пользующийся большим уважением во многих странах мира за глубокое знание спорта, умение найти общий язык с тренерами и спортсменами любой страны (кстати, и за превосходное знание английского), стоит вплотную к беговой дорожке, держа в руках секундомер и график бега Куца.

Выстрел стартера. Особенно сильных соперников Куца нет, если не считать югослава Штритофа и венгра Берту. Куц впереди и Коробков кричит, что первый круг пройден за 63 секунды, на секунду быстрее графика. По сути дела, и в дальнейшем существенных отступлений от графика не было. Владимир бежал расчетливо и спокойно. Трудно было заметить, что в конце дистанции бороться со временем ему становилось все труднее, что, по словам Куца, «усталость пробралась в каждую мышцу».

Мы располагаем воспоминаниями об этом беге Гавриила Коробкова:

«Мне довелось видеть много соревнований и быть свидетелем многих рекордов в беге, но то, что произошло в тот вечер на стадионе «Партизан» в Белграде, никогда не забудет ни один из членов нашей делегации. Последние круги проходили под непрерывный рев трибун, и для того, чтобы Куц меня слышал, я, срывая голос, кричал ему время, подходя вплотную к дорожке: 4 тысячи метров — 11 минут 5 секунд, 4400 метров – 12 минут 11 секунд. Точно по плану. И лишь на последнем круге Куц отошел от графика. Он пробежал этот круг на 1,2 секунды быстрее. Откуда только взялись новые силы! Казалось, вышел другой бегун и ринулся вместо Куца заканчивать этот невероятный бег.»

Результат Куца — 13:46,8, на 4 секунды лучше рекордного времени Ихароша. Неожиданно на стадионе погас свет и тут же на трибунах зажглись тысячи факелов. Это зрители подожгли свернутые в трубочки газеты. При этом неверном мерцающем свете Куц получил награду, а потом, подойдя к микрофону, поблагодарил собравшихся за внимание и поддержку.

Двухметровый забор, отделяющий трибуны от стадиона не помешал толпе болельщиков прорваться на поле. Куца подняли на руки и понесли к выходу со стадиона, а потом по улицам Белграда к гостинице. Остальная часть зрителей окружила автобус с советскими спортсменами. Им пожимали руки, протягивали записные книжки и листки бумаги, чтобы получить автограф. Ведь победителями соревнований стали и другие члены команды: Ардальон Игнатьев в спринтерском беге, Леонид Щербаков в тройном прыжке, в прыжках с шестом — Виталий

Чернобай. Мировые рекорды установили в метании молота Михаил Кривоносов и в беге на 800 метров Нина Откаленко.

Церемония доставки Куца на руках к гостинице и получение автографов непомерно затянулись. В полном составе команда собралась уже в двенадцатом часу ночи.

Конец сентября был посвящен поездке по Югославии. В небольшом уютном городе Целье Владимир легко, будто тренируясь, пробежал на соревнованиях 1500 метров. В Загребе установил всесоюзный рекорд в беге на 3000 метров. 2 октября, переехав в Румынию, в Бухаресте попытался отобрать у Затопека его мировой рекорд на 10 000 метров. До рекорда ему не хватило всего пяти секунд.

Уже в Москве в конце октября Куц узнал, что новый рекорд на 5000 метров снова установил Ихарош — 13:40,6. Как обычно венгр бежал в Будапеште. Если рекорды Куца были показаны на зарубежных стадионах, то его противники в основном предпочитали делать это у себя дома, в привычных условиях, при благоприятной погоде и с помощью товарищей по команде.

Так к концу 1955, предолимпийского года Владимир Куц лишился мировых рекордов на 3 мили и 5000 метров. Однако это вовсе не значило, что он смирился с поражением.

Глава 14. Разведка боем

Нет большей чести для спортсмена, чем участие в олимпийских играх. По сути дела, все эти годы тренировок и соревнований, побед и поражений были для Владимира Куца подготовкой к выступлению на этом грандиозном спортивном празднике.

С чем он пришел к 1956, олимпийскому году? В его активе были звания экс-рекордсмена мира, чемпиона Европы и страны, победы на некоторых международных и всесоюзных соревнованиях, высокий уровень тренированности, приобретенный с помощью очень опытного наставника Никифорова. Наконец, выдающиеся волевые качества, смелость и упорство на беговой дорожке, отсутствие страха перед любыми, даже самыми именитыми противниками.

К пассиву можно было отнести потерю мировых рекордов и, по мнению многих, примитивную тактику лидирования, принесшую ему ряд поражений. Кроме того, его возраст — приближающееся тридцатилетие и состояние здоровья. Могучее сердце, превосходные легкие, но при этом низкая кислотность, заставлявшая временами переходить на диету, и неполадки с обменом веществ, которые приводили к необходимости постоянно бороться с лишним весом. Наконец, последствия «ледяной ванны» в Балтийском море.

Регулярные тренировки, жесткий режим… Каждый день расписан буквально по минутам. К этому времени система тренировки Куца была уже разработана до конца. Это был результат совместного труда тренера и спортсмена, никогда не принимавшего ничего на веру, проверявшего все на практике. Из существовавших систем тренировки было оставлено все наиболее важное, рациональное. Интервальный бег приобрел новый, более современный характер. Почему только 200 и 400 метров, как у Затопека? Куц стал включать в тренировки длинные отрезки, вплоть до 1000 и 1200 метров, пробегая их в более быстром темпе, чем это делалось обычно. Большое место занял длительный кроссовый бег, который впоследствии был назван марафонской тренировкой. Утренняя зарядка включала большое число физических упражнений и была трансформирована в своеобразную утреннюю тренировку со сравнительно длительным бегом.

На каждом занятии решался точно очерченный круг задач. Обычными для Куца стали ежедневные двухразовые тренировки. Строго выдерживался принцип постепенного увеличения объема и

интенсивности тренировочных нагрузок. Большую роль приобрели так называемые прикидки, позволяющие судить о готовности спортсмена. Товарищи, тренировавшиеся с Куцем, рассказывают, что по результатам прикидки на 3000 метров он мог безошибочно, с точностью чуть ли не до десятой доли секунды определить, какой результат может показать на 5000 метров.

Никифоров умело находил в подготовке своего ученика тот крайний предел, за которым могли появиться равнодушие и безразличие к бегу, то есть признаки перетренированности. Куц всегда бегал много и увлеченно. Этому помогали и специальные меры по восстановлению сил, названные в наше время мудреным словом «реабилитация». Причем не только массаж и парная баня, но и вовремя запланированный отдых, развлечения. Особое значение Никифоров придавал системе питания. Широко известный, имевший в свое время хождение среди тренеров рассказ о том, как Коробков, придя однажды к Никифорову, застал в квартире бегающих повсюду цыплят, не был анекдотом. Действительно, Никифоров заботился о свежих продуктах для своих учеников и не раз сам занимался приготовлением пищи для них. Всю эту систему подготовки к олимпийским играм дополняли многочисленные соревнования, на которых Куц мог проверить эффективность тех или иных методов тренировки.

Весна началась с участия в кроссе «Юманите». Перед этим дважды кросс проходил для Владимира неудачно. В 1954 году он подвернул ногу, преодолевая препятствие, и пришел к финишу третьим, а в 1955 году был больным и доплелся до финиша тринадцатым. На этот раз в Венсенском лесу в Париже под аплодисменты зрителей Куц одержал победу, оставив позади себя таких выдающихся кроссменов, как Хромик, Затопек, Кшишковяк.

В апреле он успешно выступает в Нальчике на всесоюзных весенних соревнованиях, побеждая на обеих стайерских дистанциях, но допускает крупную оплошность в поездке по европейским странам. Вначале все идет хорошо. В столице Дании Копенгагене он побеждает местного фаворита Г. Нильсена. Переехав в Норвегию, на знаменитом стадионе «Бишлет» в Осло он снова впереди. Можно спокойно возвращаться домой, считая, что «разведка боем» прошла успешно. Но… англичане не хотят смириться с потерей рекордов и многократными успехами Куца на международных соревнованиях. На этот раз в борьбу с русским бегуном должен вступить Пири.

Гордон Пири — своеобразная фигура в легкоатлетическом спорте. Он родился в спортивной семье. Отец был президентом одного из легкоатлетических клубов, брат увлекался бегом,

сестра прыгала в высоту. Необычно началась спортивная карьера Пири. Участие в кроссе на 6 миль в возрасте 10 лет привело в ужас даже сторонников ранней специализации в спорте. Не меньшее недоумение вызывали его ежедневные тренировки в течение трех-четырех часов. Или он быстро сгорит, или будет показывать феноменальные результаты, предсказывали специалисты. Однако Пири не сгорел и уже в 1953 году установил мировой рекорд на 5 миль, избрав своим тренером одного из создателей системы интервального бега Вальдемара Гершлера. Англичане любят давать прозвища, и Пири стали называть «мистер пуф-пуф» за его манеру шумно отдуваться во время бега. Не меньшую известность Пири приобрел благодаря привычке давать хвастливые интервью.

На этот раз был придуман хитроумный план: Куц ничего не должен знать о предполагающейся встрече, к которой Пири в течение месяца усиленно станет готовиться в Бергене. И вот, когда команда советских легкоатлетов собиралась вернуться домой, из Бергена пришло приглашение принять участие в соревнованиях. Отказываться было неудобно, но только приехав туда, из афиш Куц узнал, что 19 июня «известный русский стайер Владимир Куц встречается с не менее известным английским бегуном Гордоном Пири».

Руководитель советской делегации Николай Озолин понимал, что Куц не готов к этой встрече. Но отказаться от нее значило дать пищу для нападок зарубежной печати, которая не преминет обвинить советских легкоатлетов в трусости.

— Решать тебе, — сказал Озолин Володе. — Риск, конечно, большой, но смотри сам…

Никогда еще Куц не хитрил, не уклонялся от встреч с сильными соперниками. Решено: 19 июня он побежит и постарается не уступить англичанину.

В этой встрече, казалось, все было против него. Кроме своевременной акклиматизации и специальной подготовки англичанину помог и случай. В день встречи, когда после утренней разминки Пири спокойно отдыхал в своем номере, обдумывая еще раз возможные варианты бега, Куц в течение трех часов сидел в лифте, застрявшем; между этажами отеля «Розенкранц». На беду, на нем был надет тренировочный костюм с надписью на груди «Инглишмэн», который накануне он получил от Пири, согласившись на его просьбу обменяться костюмами. Решив, что в лифте застрял англичанин, рабочие, чинившие лифт, особенно не торопились, и неизвестно, сколько бы еще могло продолжаться это заключение, если бы Куц не начал от нечего делать петь русские песни. Когда он дошел до «Катюши»,

рабочие поняли, что это не англичанин, а русский. Около 6 часов вечера лифт спустили вниз вручную.

Соревнования начинались в 7 часов, и времени оставалось только на чашку кофе. На стадионе Куца встретил взволнованный Пири, боявшийся, как бы не сорвался забег. Ведь давно уже пора было разминаться.

«И внезапно во мне поднялась страшная злость, — вспоминал Куц. — Сразу созрело решение бежать, несмотря на усталость, так, как я еще никогда не бегал. Теперь я с нетерпением ждал старта.»

В противоположность Чатауэйю Пири обычно придерживался тактики лидирования. Здесь же с первых кругов стало ясно, что он решил следовать проверенному тактическому приему, принесшему в свое время Крису мировой рекорд. И к сожалению, этот план оправдал себя. Куц был первым до последней прямой. Но у финиша Пири опередил его на несколько шагов Оба бегуна превысили мировой рекорд Ихароша, но рекордсменом теперь стал не Куц, а Гордон Пири с результатом 13:36,8.

Казалось длительное соперничество Куца с англичанами окончилось в пользу английских бегунов и его тактика ошибочна Так и писали некоторые спортивные обозреватели. Большинство же склонялось к мысли, что все решат XVI Олимпийские игры, которые через несколько месяцев должны были состояться в далекой Австралии.

Глава 15. Олимпийский чемпион

Что знал Куц об Австралии? Что это самая маленькая часть света, скорее даже большой остров, омываемый водами Тихого и Индийского океанов, на котором живет немногим более 8 миллионов человек. Воздушный путь туда составляет около 20 тысяч километров.

Первую половину пути до столицы Бирмы они летели на советском самолете над вершинами Гималаев. Пересели на тихоходный самолет американской авиакомпании. Уже здесь советских спортсменов встретила удушающая жара. Что-то будет в Австралии? От Рангуна до Сингапура 2500 километров они пролетают за 6 часов. Скорость всего 420 километров в час. А на то, чтобы перекрыть 4 тысячи километров с одного до другого конца Австралии, от Дарвина до Мельбурна, приходится затратить еще около 9 часов.

Утомительный путь, но зато у Куца есть время для того, чтобы еще раз подвести итоги последних месяцев подготовки проверить, насколько хорошо он помнит все детали своего тактического замысла. Проигрыш в Бергене был, конечно, неприятным воспоминанием, но он не привык долго горевать и вовсе не считает Пири непобедимым, тем более что вскоре после этой встречи бывший рекордсмен мира Ихарош писал: «Шлю свои самые горячие поздравления и Пири и Куцу, которые объединенными усилиями улучшили мой мировой рекорд. Я не хочу умалять рекорда Пири, но должен заметить, что в его рождении большая роль принадлежит советскому бегуну. Он один из самых сильных спортсменов в истории легкой атлетики…»

Накануне отъезда на Олимпиаду они долго обсуждали с Григорием Исаевичем тактику бега. Отказываться от лидирования? Нет и нет! Но нельзя давать возможность англичанам «сидеть на пятках» до последней прямой. Выход один — высокий темп бега на дистанции и перемена темпа, рывки, требующие специальной подготовки.

Он учится варьировать скорость бега. И добивается в этом превосходных результатов, легко переходит от бега трусцой или равномерного бега в среднем темпе к длинным ускорениям, изматывающим противника рывкам.

В первое время приходится нелегко, но он шлифует эту тактику рваного бега на соревнованиях.

Событием, ставшим переломным в подготовке к Олимпийским играм, было его участие в начале августа в

Спартакиаде народов СССР на новом красавце — стадионе в Лужниках.

«Я стартовал тогда в первом номере легкоатлетической программы — беге на 10 000 метров, — вспоминал Куц. — Невозможно передать чувство, испытанное мною, когда переполненные до отказа стотысячные трибуны лужниковского гиганта поддерживали меня. Почти полчаса отмерял я круг за кругом, и все это время над бетонной громадой Лужников несся победный шквал оваций.

Я финишировал с новым всесоюзным рекордом. Это был не мой личный, а наш общий рекорд. Мы все боролись за него. Вот это чувство неразрывной связи со зрителем, со своим народом я увозил с собой в далекий Мельбурн».

А потом, уже в сентябре, попытка Куца завоевать мировой рекорд на 10 000 метров закончилась успешно. В забеге приняли участие Болотников, Чернявский, Жуков. Холодная осенняя погода не помешала ему вести бег и на каждом круге превышать график мирового рекордсмена Ихароша. Старый рекорд был улучшен на 12 с лишним секунд. Несомненно, что эти две генеральные репетиции перед Мельбурном помогли ему обрести уверенность в себе и хорошее настроение.

Каждое путешествие, даже самое продолжительное, каким и был перелет в Австралию, имеет свой конец. С аэродрома команда отправляется в район Гайдельберга в северной части Мельбурна, где вырос целый городок — Олимпийская деревня, состоящая из 800 двух- и одноэтажных домиков, бассейна, спортивного зала, столовых, магазинов, бани.

Одной из важнейших проблем для участников была акклиматизация. В Москве ночь, а в Мельбурне — день. В Москве холодная поздняя осень, здесь — жаркое лето. Ко всему этому надо было привыкнуть. Умнее всего поступили норвежские спортсмены, которые приехали за несколько месяцев и устроились здесь на работу.

На новом месте человек прежде всего оглядывается вокруг. Что же увидел вокруг себя Владимир Куц? На огромной территории Мельбурна раскинулось море небольших одноэтажных коттеджей с красными черепичными кровлями и небольшими зелеными палисадниками. Цветы и два-три дерева перед домом. Но как это украшает город! Однако Мельбурн нельзя назвать одноэтажным городом. Его центр — Сити — застроен многоэтажными зданиями современной архитектуры. Здесь расположены банки, торговые и промышленные компании, всевозможные учреждения.

В Австралии любят спорт. Главные виды спорта здесь теннис,

легкая атлетика, плавание, гольф и регби. По воскресеньям тысячи людей с утра заполняют парки, сады, спортивные площадки. Отделенные огромным расстоянием от Старого света, жители Мельбурна встретили Олимпийские игры как большой праздник. Ему было подчинено все — и часы работы в учреждениях, и занятия в школах. Город украшен олимпийскими эмблемами и разноцветными флагами. Все приветливы и предупредительны. Правда, к советским спортсменам австралийцы относятся несколько настороженно, внимательно присматриваются к ним. До сих пор жители Австралии узнавали об СССР в основном из статеек в реакционной прессе. Дипломатические отношения между нашими странами еще не были установлены, и от того, как проявит себя советская команда на Играх, зависело многое.

Нашей команде нужно было «завоевать» Австралию. Куц остро чувствовал себя полномочным представителем великой страны, на которого устремлены взгляды местных жителей. Впрочем, у него здесь есть друг — австралийский бегун Дейв Стивенс, с которым они впервые встретились в 1953 году на фестивале молодежи и студентов в Праге.

В первое время Владимир тренируется на стадионе в районе Олимпийской деревни. Но здесь слишком много спортсменов и зрителей, а будущие соперники следят за каждым его шагом. Стивенс договаривается о тренировках с хозяином небольшого ипподрома на окраине Мельбурна. Тот охотно соглашается, и теперь они ежедневно отправляются туда на тренировку.

Стивенс — талантливый бегун, и можно только пожалеть, что его дарование не раскрылось полностью. Для учебы в педагогическом институте и тренировок нужны были время и деньги. Стивенс не имел ни того, ни другого и вынужден был на рассвете развозить по городу молоко. В Мельбурне его так и прозвали: Дейв-молочник.

В Австралии особенно популярен бег на длинные дистанции. Поэтому естественно, что внимание всех было приковано прежде всего к известным стайерам. Впрочем, Куца никто не называл фаворитом. Большинство специалистов отдавали свои симпатии англичанам. Пользовавшийся в Австралии большим авторитетом Роджер Баннистер заявил в своей предолимпийской статье: «В Куце я не нашел ничего, кроме бесчувственной беговой машины». Вторя ему, одна из мельбурнских газет ответ на вопрос: «Сможет ли робот победить спортсменов-мыслителей?» — ответила: «Нет, в хитроумной тактической борьбе такие спортсмены, как Куц, победить не могут».

Однако Куца боялись, следили за ним, записывали

содержание тренировок. А однажды чуть преждевременно не похоронили. На тренировку его ежедневно отвозили на «шевроле» с мощным двигателем и необычным для нас расположением руля с правой стороны. Куц был страстным автомобилистом. В свое время в Алексине он водил трактор, на сборах под Киевом практиковался на машине Ануфриева, а впоследствии приобрел «Победу».

Однажды владелец «шевроле» запоздал. Ключи торчали в дверце машины.

— Поехали, — сказал весело Куц усевшимся на сиденья Стивенсу, скороходу Климову и Никифорову. Включил зажигание, нажал на педаль газа и одновременно потянулся к дверце, чтобы закрыть ее, как он обычно делал на «Победе». Машина рванула вперед, и не успели сидящие в ней оглянуться врезалась в телеграфный столб. Куц ударился грудью о руль и несколько секунд оставался неподвижным. А так как журналисты не отпускали его ни на шаг, то через считанные часы местные газеты сообщили: «Куц попал в автомобильную катастрофу и выбыл из игры накануне открытия Олимпиады». Нашлась даже одна газета, известившая своих читателей, что русского бегуна уже похоронили, кладбище такое-то, номер могилы такой-то.

Гордон Пири немедленно заявил газетчикам, что теперь уж он наверняка завоюет для Англии золотую медаль…

Появившийся владелец «шевроле» потребовал на ремонт кругленькую сумму. Пришлось собирать эти деньги. Правда, к чести австралийца нужно сказать, что впоследствии он вернул Куду всю эту сумму.

— Знаете, на вашей аварии я заработал много больше, давая интервью и распродав помятые детали в качестве сувениров, — сказал он.

А Куц, пересев на другую машину, правда, с перевязанной грудью, отправился на тренировку. Вечером, для того чтобы покончить с нелепыми слухами, он пришел на танцы и лихо сплясал фокстрот с одной из австралийских спортсменок. Англичане были обескуражены…

Открытие Олимпийских игр состоялось 22 ноября 1956 года. После нескольких дней ненастья светило солнце, стояла жара. За несколько часов до открытия трибуны были заполнены до отказа. Флаги 67 стран развевались над стадионом, а над центральным входом возвышалась позолоченная чаща для олимпийского огня.

…На стадион вбегает молодой спортсмен с факелом в руке. Это Рон Кларк. Имя его пока неизвестно публике. Но организаторы Игр как-будто заглянули в будущее! Пройдет несколько лет, и Рональд Кларк станет одним из величайших

бегунов мира, обладателем мировых рекордов на длинных дистанциях. Пока же Кларк, сидя на трибуне, будет наблюдать за великолепным бегом на 10 000 метров Владимира Куца, не зная, что именно ему, Кларку, будет принадлежать честь улучшить мировой рекорд советского спортсмена.

О том, что произошло на стотысячном стадионе «Крикет-Граунд» на следующий день, 23 ноября, написаны сотни статей, опубликовано множество воспоминаний. Все они сводятся к тому, что героем XVI Олимпийских игр стал Владимир Куц, великий бегун, равного которому нет в мире.

Как же все-таки бежал в Мельбурне Владимир Куц? Центральным событием первого дня соревнований был бег на 10 000 метров. На старт вышли сильнейшие бегуны мира, выстроились в два ряда. Куц занял место в середине первого ряда. После выстрела стартера красная майка с номером 200 оказалась впереди. Первый круг пройден удивительно быстро — за 61,4 секунды. Впереди Куц, за ним — Пири. Следующие круги Куц бежит в высоком, но ровном темпе. Это значит, что он научился наконец бежать равномерно, без чего трудно представить себе бегуна высокого класса.

Четвертый круг — никаких изменений. Такое впечатление, Пири преследует своего противника без большого труда. Для Куца наступает время применить свое главное оружие. Следует длинный рывок. Пири отстает на несколько метров, но вскоре снова «приклеивается» к советскому бегуну.

Предоставим слово Гавриилу Коробкову, который с трибуны внимательно следил за борьбой, развернувшейся на беговой дорожке:

«На седьмом круге Куц отходит вправо и бежит по второй дорожке, предлагая тем самым Пири выйти вперед и повести бег. К концу одиннадцатого круга Пири еще прочно удерживается за Куцем. Оба они далеко отрываются от остальных бегунов. Где-то сзади Петр Болотников и Иван Чернявский. Кажется, что роли в этой игре распределились: Пири — охотник, Куц — его жертва.

Владимир резко уходит вправо на третью дорожку, открывая дорогу Пири. Но англичанин верен себе. Он ни за что не хочет идти вперед. Его задача — удержаться за Куцем до последних метров, а затем, используя свое превосходство в скорости уйти от него…»

Но Куц уже не тот, каким был весной в Бергене. Он подготовлен к любому темпу, любым рывкам и не намерен вести Пири к финишу. Между тем многим зрителям кажется, что Пири уже победил. Еще несколько ускорений, и наконец Куц решает дать своему противнику последний бой. Девятнадцатый круг.

Этот спектакль настолько необычен, что большинство зрителей привстают со своих мест.

«На полной скорости я перехожу с первой дорожки на вторую, — вспоминал Куц. — Пири следует за мной. Со второй на третью, Пири следует за мной. С третьей на четвертую. Пири опять за мной. С четвертой назад на первую. Пири по-прежнему за мной. Он согласен на все, даже на зигзаги, только не на лидирование… И тогда я решаю остановиться. Не будет же и он прекращать бег… Я отхожу вправо, легонько переминаюсь с ноги на ногу, а затем почти совсем устанавливаюсь и жестом предлагаю ему возглавить бег…

А на трибунах уже никто не сомневается, что спор между нами окончен, что я вот-вот сойду с дорожки… И наконец свершилось. Пири стал лидером. Мы бежим теперь рядом, и впервые за весь этот бег я вижу его поникшую фигуру… Я еще раз всматриваюсь в его лицо. Гордон Пири настолько измотан, настолько устал, что ему, видимо, уже ничто не страшно, даже, поражение.

Пири лидировал всего метров сто. Я снова развил большую скорость и оторвался от англичанина. Бежал и не верил себе: тень Пири не тянулась за моей, не слышалось за спиной ни тяжелого отрывистого дыхания, ни ударов шипов. Мне казалось, что с меня свалились цепи. Я был свободен, свободен в выборе любого темпа бега, любой скорости. Чертовски хорошо быть свободным! Пири отставал все больше и больше. Один за другим его обходили Ковач, Кшишковяк, Лоуренс, Чернявский, Пауэр.

…И вот двадцать пятый, последний круг. Стадион бушует. Букеты цветов, шляпы, платки летят в воздух. Оглушительное «Хурей, хурей!» («ура, ура!») едва выдерживают перепонки. Когда, по своей давней привычке, подняв правую руку, я разорвал финишную ленту, мне показалось, что само небо лишилось олимпийского спокойствия. Замедлив бег, я прошел еще один, двадцать шестой круг. Это был круг почета».

На этот раз Пири был честен и сказал журналистам: «Он убил меня своей быстротой и сменой темпа. Он слишком хорош для меня. Куц — безусловно величайший бегун, и я никогда не смог бы победить его. Мне не надо было бежать 10 000 метров…»

Но сумеет ли Куц так же блестяще пробежать 5000 метров? Казалось, что сделать это ему будет невероятно трудно. Во-первых, англичане образовали «противокуцевскую коалицию», в которую вошли отдыхавшие в день бега на 10 000 метров Кристофер Чатауэй, Дерек Ибботсон, а также и Пири. Была разработана специальная тактика, направленная против рваного бега русского. Готовилась к этому бегу и венгерская тройка:

Шандор Ихарош, Миклош Сабо и Ласло Табори.

В предварительном забеге на 5000 метров Куц отдыхал. В финал выходило пять человек из забега, и Володя спокойно, чуть ли не в разминочном темпе, прибежал вслед за австралийцем Лоуренсом. Зрители ликовали. Они готовы были поверить, что Куц отдал все силы бегу на 10 000 метров. Ошибся даже опытный специалист, известный тренер Франц Стамфл. Он заявил: «У меня создалось впечатление, что Куц устал и что сказочная победа на 10 000 метров лишила его сил».

Бег Владимира Куца на 5000 метров показал, что его тактика разнообразна и нешаблонна. После поражения в первый день соревнований англичане готовились к тактике рваного бега, но Куц теперь бежал на отрыв в том предельном темпе, на который только был способен. Вот что пишет по этому поводу Дерек Ибботсон, третий английский стайер, принимавший участие в этом забеге:

«У меня был следующий план. Пусть вначале ведет Куц. А британские бегуны для совместных действий и ради победы Англии станут держаться вместе «на пятках» Куца. Я был убежден, что любой из нас без труда выйдет вперед, другой побежит рядом, третий сзади. Таким образом, взятый «в коробочку» Куц вынужден будет принять наш темп. Это было бы сильнейшим психологическим ударом для любого, кто дирижирует бегом и может осуществлять убийственные рывки, надрывая сердце и легкие пытающихся держаться за ним. Еще одно преимущество состояло в том, что мы могли бы менять лидера по желанию: Пири, Чатауэй или я — попеременно. Мы могли бы держать более легкий темп и ждать до последних 800 метров, где и надлежало «доконать Куца». Общеизвестно, что мы все — Пири, Чатауэй и я — обладали быстрым финишем и, таким образом, это не означало, что один принесет себя в жертву другому, — победить должен был тот из нас, кто будет быстрее в конце. И если бы Куц победил при такой тактике, то доказал бы, что он — первоклассный олимпийский чемпион».

Указав далее на целенаправленность командной тактики и на то, что до этого ее с успехом применяли финны и что участвовавшие в забеге П. Болотников и И. Чернявский ничем не могли помочь В. Куцу, Д. Ибботсон продолжает:

«Куц, как мы и ожидали, через полкруга был впереди. Пири следовал по пятам. Я был глубоко уверен в способностях Пири и решил держаться за ним. Так я и бежал третьим. Первые несколько кругов все бегуны держались вместе, но скоро яростный темп Куца стал выматывать преследователей, и к половине пути группа разорвалась на части. Пири был вторым, я

— третьим, Чатауэй — четвертым. Примерно через 40 ярдов за нами венгр Табори вел другую группу.

Я сознавал, что дать Куцу оторваться — гибельно для нас, только это и вынуждало сохранять принятый им яростный темп. После двух миль Чатауэй вышел на второе место. Я не мог понять, почему он это сделал. После мы узнали, что он почувствовал боль в области желудка и двинулся вперед, надеясь сбить ее. Но после 20 ярдов бега Пири и я стали свидетелями страшного зрелища — удалявшегося Куца…

Чатауэй не смог удержаться за ним, а Пири в продолжении трех роковых секунд был в растерянности. Когда он решил следовать за русским, было уже слишком поздно. Куц оказался недосягаем. Я был очень расстроен, что не смог почувствовать опасности раньше и принять меры. Я слепо доверился Пири. Позже Пири упрекал Чатауэйя за потерю контакта, но я с этим не согласен.

Почти круг я и Пири напрасно боролись, стараясь достать Куца, в то время как Чатауэй «отвалился» назад и финишировал одиннадцатым. Куц пришел к звонку, возвещавшему о последнем круге, опередив нас на 50 ярдов. Это означало, что только случай мог помешать ему одержать победу. К этому времени я был вторым и боролся с Пири за серебряную медаль. Догонять Куца не имело смысла, и, поскольку другие были далеко сзади, никто из нас особенно не спешил. Мы оба вышли на последнюю прямую, когда Куц заканчивал бег, подняв руку в знак триумфа, на 90 ярдов впереди нас. В этот момент Пири обошел меня, и я, к сожалению, не смог на это ответить…»

Вот так проходил бег для англичанина Дерека Ибботсона. Что касается Куца, то он просто построил свой бег иначе, чем прежде. Англичане приготовились к рывкам, так их не будет. Применим равномерный бег в непосильном для противников темпе. Вначале его преследовали пятеро опытнейших бегунов мира. Темп был так высок, что два сильных стайера — югослав Мугоша и американец Делингер вообще сошли с дистанции.

Первый километр пройден за 2:40,0, второй — 2:46,0, третий — 2:45,0, четвертый -2:46,0 и пятый — 2:42,0. Новый олимпийский рекорд (13:39,6) на 27 секунд превысил рекорд Затопека!

Так Куц «завоевал» Австралию. А кроме него популярными у зрителей стали Л. Спирин, А. Микенас и Б. Юнк, получившие все три медали в спортивной ходьбе, советские спринтеры успешно выступившие в эстафете 4 по 100 метров; Т. Тышкевич и И. Яунземе, победившие в толкании ядра и метании копья. Наконец, свою лепту в эту победу внесли советские стрелки,

гребцы, гимнасты, штангисты.

Теперь все местные газеты признали, что русские — это великолепные спортсмены и общительные, доброжелательные, хорошо воспитанные люди.

Но подлинным героем Мельбурна все же оставался Владимир Куц. Ему было доверено нести знамя советской делегации на параде закрытия Олимпийских игр. Газеты не скупились на такие заголовки, как: «Триумф Владимира Куца!», «Русский моряк — кумир мельбурнцев!» — Роджер Баннистер вынужден был изменить свое мнение и после Игр в статье «Куц — кошка, Пири — мышь» писал: «Но Куц не машина. Его ум такой же сильный, как и его тело, и он владеет тактическим искусством. Зрители из всех стран поднялись, чтобы приветствовать Куца при его приближении к финишу. Бегуны, как он, рождаются, а не готовятся по рецепту. Куц остается, как и был до Олимпийских игр, величайшим бегуном в мире…»

Теперь Владимира узнавали на улицах. Считали за честь пожать ему руку. Поздравительные телеграммы он получал не только из Советского Союза, но и из других стран мира. Однофамилец Володи, американский миллионер, сообщил, что он готов оставить свое состояние русскому бегуну, если тот окажется хотя бы дальним его родственником.

Посещение местного оперного театра, где в опере «Дон Жуан» в это время выступали итальянские певцы, превратилось в чествование советского бегуна. После представления публика заставила его выйти на сцену и долго аплодировала ему.

Частные лица, различные организации приглашали Куца и других советских спортсменов к себе в гости. Однако времени до отъезда оставалось немного, и удалось посетить лишь докеров Сиднея, которые очень тепло встретили Куца.

Прощание с Мельбурном состоялось 11 декабря 1956 года. Сотни людей пришли проводить советских спортсменов.

Буксир выводит теплоход «Грузия» из залива в открытое море мимо причалов, паромов, фабричных труб. Суэцкий канал закрыт и «Грузия» берет курс на Владивосток. Нужно пройти два океана и пять морей. А на теплоходе начинается обычная для спортсменов жизнь. На корме на тренажерах крутят педали велосипедисты. Олимпийские чемпионы Игорь Рыбак и Федор Богдановский невдалеке возятся с тяжелой штангой. Пловцы тренируются в бассейне. Борцы, расстелив в специальном помещении маты, отрабатывают приемы, а легкоатлеты отмеряют круги на верхней палубе.

Глава 16. После Олимпийских игр

Советский спортсмен, выезжающий в зарубежные страны, — это посланец своей страны. Нередко по его поведению, внешнему облику судят о всех советских людях.

Владимира Куца до сих пор помнят во многих странах мира. Завоевывая своим талантом, честностью и благородством симпатии зрителей, он вызывал у них интерес к своей стране, вносил ценный вклад в укрепление авторитета СССР, в борьбу за мир. Не случайно он был награжден грамотой Всемирного совета мира, в которой есть такие слова: «…за выдающийся вклад в дело укрепления мира и дружбы между народами…»

Особую популярность он завоевал прежде всего как спортсмен. Об этом говорят заголовки многочисленных статей в зарубежной прессе: «Рыцарь беговой дорожки», «С открытым забралом», «Спортсмен честной и открытой тактики». Его рваный бег в Мельбурне отнюдь не противоречил принесшей ему известность тактике смелого лидирования. Это был откровенный вызов противникам.

Он как бы предлагал: «Вы ждете за моей спиной финишной прямой? Хорошо! Но давайте попробуем помериться силами здесь, на середине дистанции. Я предлагаю вам уже сейчас проверить, как у вас будет биться сердце при увеличении скорости бега! Не думайте, что этот рывок дается мне легко. Но я отдаю бегу все свои силы и волю. Попробуйте сделать то же самое и вы!» Однако желающих обычно не находилось.

Корреспонденты французских, английских, немецких, австралийских газет спешили сообщить своим читателям, что Владимир Куц много лет служил на флоте, был и простым моряком и старшиной, и командиром орудия. Это добавляло ему популярности. Ведь в самой профессии моряка столько романтики!

Зададимся вопросом: откуда у простого деревенского паренька эта неистовость в беге, этот всепоглощающий порыв, способность жертвовать собой во имя победы, отдавать до последнего силу своих мускулов, энергию своих нервов? Наконец, откуда это умение продолжать бег, когда другие, почувствовав, что их легким не хватает воздуха, а ноги становятся деревянными, сходят с дистанции? И не потому ли его жизнь в спорте была сравнительно короткой, что он выступал на соревнованиях за гранью, которую не в состоянии преодолеть обыкновенный со средними данными человек?

Я убежден дело здесь в том, что мужание Владимира Куца

пришлось на последние военные и первые послевоенные годы. Война опалила его своим горячим дыханием, вызвала к жизни лежащие под спудом силы и возможности. Остальное довершила служба на флоте, в котором мужество — норма поведения. «Черные дьяволы» — так называли наших бойцов в тельняшках солдаты фюрера, и там, где появлялись матросские подразделения, немцы или сдавались в плен, или бежали.

Куц был на фронте недолгое время и совсем молоденьким пареньком. Но он видел горящие деревни, детей, потерявших своих родителей. В годы службы на флоте война еще напоминала ему о себе. То прибивало к скалистому берегу обломки погибших кораблей. То всплывали не уничтоженные тральщиками мины. Война незримо присутствовала и на Пискаревском кладбище в Ленинграде, где, сняв бескозырку и склонив голову, не раз стоял Владимир Куц, вспоминая о тысячах погибших в годы блокады.

А во флотском экипаже он слушал рассказы пожилого старшины, пережившего войну, о том, как во время блокады здесь у ворот собирались мальчишки и девчонки с кастрюльками, мисками и котелками. Они с надеждой, печальными глазами на исхудалых личиках смотрели на матросов, которые строились перед обедом во дворе.

Обычно ребятишек пропускали, матросы брали их на руки и несли с собой в столовую. Здесь они делились с детьми жидким супом и кашей. И хватал за сердце один и тот же вопрос ребенка: «Можно я возьму немного для мамы?»

Словом, Владимир Куц принадлежал к первому послевоенному поколению спортсменов, которые отличались особыми качествами. Кстати, об этом феномене в одной из своих работ говорит профессор А. Б. Гандельсман. Он справедливо утверждает, что спортсмены послевоенных лет, и прежде всего Куц и Болотников, не были наделены какими-либо сверхъестественными физическими данными. Многие бегуны последующих поколений обладали не меньшими возможностями, но они никогда не могли достигнуть в спорте тех высот, которые были доступны Владимиру и Петру. По мнению профессора, это объяснялось прежде всего психологическими факторами.

Звание олимпийского чемпиона ко многому обязывает. В Кремле в честь олимпийцев был устроен новогодний бал. От имени советских спортсменов выступал Владимир Куц.

А в начале 1957 года газеты сообщили, что «за успехи, достигнутые в развитии массового физкультурного движения в стране, повышении мастерства советских спортсменов и успешные выступления на международных соревнованиях Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и

медалями группу спортсменов, тренеров-преподавателей физического воспитания учебных заведений».

Владимир Петрович Куц получил высшую награду страны — орден Ленина.

Вполне естественно, что опыт олимпийского чемпиона изучают, ему стараются подражать. Его технике, тренировке, тактике посвящаются исследования, статьи. В журнале «Легкая атлетика» в сопроводительном тексте к кинограмме бега Куца Леонид Сергеевич Хоменков писал: «В беге на длинные дистанции особое значение имеет экономное расходование сил. Бегун должен уметь выполнять шаги с минимальной затратой энергии. Внимательно проследите за бегом Куца по кинограмме., и вы заметите, как он расслабляет мышцы и ритмично совершает беговые движения. Положение туловища прямое, руки работают свободно и расслабленно. Это, в свою очередь, позволяет раскрепостить мышцы в грудной части туловища… Техника бега Куца отличается прямолинейностью и легкостью движений. Мощный задний толчок и сильный мах бедром сводной ноги обеспечивают эффективное продвижение вперед. Этому помогает умение расслаблять мышцы в фазе полета. Кроме того, общая раскрепощенность движений облегчает их координацию. Все это способствует достижению высоких спортивных результатов.»

Каким образом приобрел Куц эту «раскрепощенность движений»? Как опытный балетмейстер заботится об изучении его учениками балетной школы, безупречного выполнения классических исходных позиций, вращений, прыжков, так и тренер «ставит» своим воспитанникам «школу» бега.

Приобрести совершенную технику нельзя без каждодневных повторений беговых упражнений, без многих километров тренировочного бега. На дистанции 10 000 метров спортсмен делает около 6 тысяч шагов. Ежедневно Куц пробегал от 20 до 30 километров. Нетрудно вычислить, сколько при этом он делал шагов. Специалисты подсчитали, что длина шага Куца равнялась в среднем 187 сантиметрам, частота 3,26 шага в секунду, а скорость 6,9 метров в секунду. Всего за 8 лет тренировок он пробежал более 55 тысяч километров.

Особенности бега Куца изучал и А. Б. Гандельсман. В своих трудах он ссылается на особенности тренировки олимпийского чемпиона, а по поводу его техники пишет: «Куц, казалось, бежал тяжеловато. Но причина тому — чисто морфологическая, вызванная особенностями строения поясницы этого спортсмена. Никифоров знал об этой особенности и не пытался изменить стиль Куца. Наоборот, всю технику его бега он скоординировал с этой особенностью, что сделало стиль Куца гармоничным и

максимально экономным».

Ленинградский профессор-психолог А. Ц. Пуни, анализируя проблемы тактического мастерства в беге, также ссылается на Куца. ".Часто неожиданными тактическими маневрами спортсмен стремится достигнуть победы над своими соперниками на соревновании. Такая тактика, например, была избрана Куцем в его знаменитом поединке с Пири в беге на 10 000 метров на XVI Олимпийских играх. Серией неожиданных тактических приемов он сломил волю своего безусловно сильного противника, и прежде всего превзошел его в волевой подготовке».

На долгое время Куц стал примером и для зарубежных спортсменов. Изучая системы подготовки австралийских и новозеландских бегунов, сформулированные в статьях и выступлениях Перси Черутти и Артура Лидьярда, мы нередко забываем о том, что они многое заимствовали из нашего опыта. После беседы с Черутти и австралийскими бегунами Г. В. Коробков в свое время рассказывал: «В ответе на первый же мой вопрос я услышал ссылку на авторитет Владимира Куца. И в дальнейшем, заходила ли речь о технике бега, тактике или средствах тренировки, я очень часто слышал от них: «Этому мы научились у Куца», или: «На эту мысль я натолкнулся, наблюдая за Куцем». Пребывание, совместные тренировки, беседы и выступления Владимира в Австралии в 1956 году оставили неизгладимый след в австралийской легкой атлетике».

Дейв Стивенс не раз говорил о том, что учиться бегать он начинал у Владимира Петровича. Что касается другого выдающегося австралийского бегуна, чемпиона Олимпийских игр 1960 года Герберта Эллиота, то он сказал: «На меня неизгладимое впечатление произвело наблюдение за тренировкой и выступлениями Владимира Куца. Он воодушевил меня и пробудил страстное желание добиться таких же побед. «Разве я не способен на это?»- задавал я себе вопрос. До сих пор не забуду, как Куц буквально поднимал на ноги стотысячную толпу в Мельбурне».

О международном авторитете Владимира Куца свидетельствует и избрание его лучшим спортсменом мира. В списках избранных мы встретим имена легкоатлетов Эмиля Затопека, Роджера Баннистера, Франсины Бланкерс Кун и ряда других известных спортсменов. Куцу это высокое звание было присвоено дважды — в 1956 и 1957 годах. Кроме того, в 1956 году он получил приз Хелмса, любителя спорта из Лос-Анджелеса, учредившего этот приз в 1936 году. Сам приз, сделанный из серебра, золота и бронзы, высотой около 2,5 метра установлен в большом зале Хелмс-холла. На нем гравируются

имена награжденных, определяемые специальной организацией «Хелмс Атлетик Фандейшн». Призы же, вручаемые победителям, представляют собой плоскую деревянную коробку, в центре которой находится плитка с барельефным изображением большого приза Хелмса и земного шара на основании из сплетенных олимпийских колец. По бокам фамилии награжденных в этом году, а внизу определяемые изображение здания в Лос-Анджелесе, где хранится приз.

Удивительной красотой в коллекции Куца поражал еще один приз — каравелла, макет старинного судна с парусами из чистого золота. Этот приз городские власти Генуи вручили Владимиру Куцу в 1957 году за успехи, достигнутые им в спорте.

Глава 17. Год 1957-й, последний

В 1957 году олимпийскому чемпиону Владимиру Петровичу Куцу исполнилось 30 лет — возраст для спортсмена-бегуна солидный. Год начинался удачно. Ему было присвоено звание лучшего спортсмена мира — высшее из числа тех, которыми может обладать легкоатлет.

Стал налаживаться и быт. Одну, принадлежавшую Рае, и две Володиных комнаты обменяли на трехкомнатную квартиру на Ленинградском шоссе. Теперь их было четверо: Володя с Раей, брат Николай и сын Раисы от первого брака первоклассник Юра.

До сих пор Володя жил преимущественно в окраинных районах. Окраиной была старая Воробьевка с ее маленькими домиками, лепившимися по взгорью. Окраиной было и второе его местожительство — Измайлово, самый обширный из московских парков, район, который только начинали застраивать современными многоэтажными домами.

Теперь они поселились совсем неподалеку от центра — между Белорусским вокзалом и улицей Правды. В те годы у вокзала высилась Триумфальная арка, перенесенная впоследствии на Кутузовский проспект. Что касается Ленинградского шоссе, теперь проспекта, то это был, пожалуй, один из наиболее спортивных районов столицы.

За железнодорожным мостом, где заканчивалась улица Горького, с незапамятных времен прилепилось одноэтажное здание лыжной базы. Здесь брали напрокат не только лыжи, но и специальную лыжную обувь тех времен — пьексы с загнутыми вверх носками.

Автомашин тогда было мало, воздух чист и, не выходя за черту города, можно было совершить великолепную лыжную прогулку по бульварам.

На правой стороне Ленинградского шоссе, при его пересечении с улицей Правды был расположен Дворец спорта «Крылья Советов». Здесь спортивная организация Аэрофлота имела одну из лучших спортивных баз Москвы, с большим гимнастическим и круглым, напоминающим цирковую арену, залами, где нередко устанавливался ринг для соревнований по боксу.

Перейдя на другую сторону Ленинградского шоссе и приблизившись к Беговой улице, вы попали бы в мир конного спорта. В одном из переулков в манеже можно было за небольшую плату брать уроки верховой езды. А в конце широкой аллеи находился московский ипподром с полем для бегов и

скачек и трибунами.

После революции ипподром нередко использовался не по своему прямому назначению, а для массовых кроссов, собирающих тысячи бегунов и зрителей. Здесь впоследствии проходил обычно весенний кросс «Правды».

Продолжив свой путь по Ленинградскому шоссе, вы оказались бы у стадиона «Динамо», построенного на месте любимого москвичами Петровского парка, где в 1923 году состоялся первый московский кросс, в котором участвовало несколько десятков человек, а победителем стал Николаи Бочаров. В свое время на этом стадионе болельщики торжественно встречали вернувшихся с победой из Англии футболистов московского «Динамо».

Теперь Куцу было рукой подать и до своего спортивного клуба. Центральный спортивный клуб Министерства обороны перебрался сюда в спортивные залы и подсобные помещения у Ходынского поля. Места было много, предполагалось соорудить здесь центральный армейский стадион.

Для Куца наступало время главных предсезонных тренировок. Но все чаще и чаще сказывались последствия того давнего зимнего морского «купания». Ноги иногда теряли чувствительность и нестерпимо ныли. Все труднее становилось поддерживать нужный вес и сохранять спортивную форму. А сделать предстояло много. В ЦСК МО надеются, что он снова принесет армейской команде золотые медали чемпиона страны. Кроме того, мировой рекорд на 5000 метров все еще принадлежит Гордону Пири.

Владимир начал подготовку к летнему сезону 1957 года на юге. В Сочи собрались сильнейшие стайеры страны: Николай Пудов, Евгений Жуков, Александр Ануфриев, Алексей Десятчиков, Юрий Захаров, Петр Болотников, Василии Кривошеин, Григорий Басалаев.

«На тренировках мы видели, — вспоминает Петр Болотников, — что это уже не тот Куц, а тень Куца. Володю нельзя было узнать. Два-три месяца без серьезных тренировок совершенно выбили его из колеи. Дает Никифоров, скажем час темпового бега — Куц едва выдерживает, 5 раз по 2000 метров — Куц последний. Все проигрывал, все формы тренировки причем всем, абсолютно всем.

Будто бес в нас вселился. Каждый норовил и себе и другим доказать, что он сильнее Куца, героя Мельбурнской олимпиады, лучшего спортсмена в мире Мы росли в собственных глазах не по дням, а по часам. Иногда пробивались в нас задатки благоразумия, тогда мы говорили уже не о том, какие мы

великие, а о том, что Куц кончился. Списывали мы его беззастенчиво, нагло списывали…»

Можно только поблагодарить Петра Болотникова за его откровенные признания. В конце концов, у него и других стайеров были основания для того, чтобы списать Куца. Но то, что произошло впоследствии, до сих пор не могут забыть участники памятных весенних тренировок 1957 года.

Куц все же поехал на первые соревнования сезона — XX юбилейный кросс газеты французских коммунистов «Юманите». Володя всегда очень любил эти соревнования. Он чувствовал себя удивительно легко и свободно. Здесь у него было много друзей и поклонников. Даже выступая в кроссе в предыдущие годы неудачно, Владимир ощущал дружескую поддержку зрителей.

Нигде он не встречал столько улыбок, приветливых лиц. После того как он стал победителем XIX кросса, да еще и олимпийским чемпионом, парижская публика пришла в Венсенский лес специально «на Куца».

Трасса обнесена изгородью. Кажется, что эти тонкие прутья не смогут выдержать напора тысячных толп парижан, которые сегодня собрались на популярный кросс. Но французы дисциплинированны. Они в несколько рядов расположились вдоль десятикилометровой трассы, на которой установлено 17 препятствий.

На параде участников к Куцу подбегает маленький француз с пионерским галстуком на шее. Куц подхватывает его и сажает к себе на плечи. Этот снимок потом обошел многие журналы и газеты: олимпийский чемпион Куц с французским мальчиком на плечах.

Как всегда, забеги начинают школьники, студенты, рабочие коллективы. В конце — забеги асов.

— Ни-на! Ни-на! — скандируют, приветствуя свою старую знакомую Нину Откаленко, собравшиеся в Венсенском лесу. И Нина заканчивает бег первой. Следующие три места занимают советские спортсменки.

Заканчивается кросс забегом мастеров-мужчин. Почетный судья Эмиль Затопек поднимает руку со стартовым пистолетом. Надо страховать Володю, и наши стайеры, как они делали это весной на тренировках, собираются выйти вперед и взять на себя борьбу с польской командой. Но к их удивлению, Володя, как в свои лучшие годы, приняв старт, мчится вперед. Несутся приветственные крики: «Во-ло-дя! Во-ло-дя!». Но насколько же его хватит? Однако Куц уходит от основной группы бегунов все дальше и дальше. Вначале разрыв с идущими за ним 20 метров, затем 60… У финиша его пытается достать Кшишковяк, но

олимпийский чемпион заканчивает бег первым!

«Говорят, в стайерском беге чудес не бывает, — напишет впоследствии Петр Болотников. — Нет! Все-таки бывают. Это доказал Куц на кроссе «Юманите» 1957 года. Объясняю это тем, что Куц великий спортсмен. У великих есть небольшая особенность: они могут совершать невозможное… Сам я на кроссе «Юманите» был девятым. Из наших меня обошли Басалаев и Пудов. Так что по нормальным меркам вполне прилично. Но если мерить на Куца, то, конечно, стыдно. После финиша я, бодрый и веселый, пошел смотреть Париж, а Володю под руки вели в душевую. Стыдно быть серым середнячком рядом с такой потрясающей самоотверженностью, рядом с таким могучим человеком!..».

О популярности Владимира Куца у парижан можно судить по многим фактам. Вот два из них. Рассказывает А. Горшков: «Как обычно, награждение участников кросса проходило в одном из рабочих клубов Парижа. Награды вручал Марсель Кашен. В середине церемонии срочно вызвали Куца и нашего переводчика Лебедева. Оказалось, что в Париже проходит первенство мира по боксу среди профессионалов и публика хочет видеть Куца. Зрители кричат, свистят, не дают начать соревнования.

Когда приехал Куц и вышел на ринг, раздался гром аплодисментов. Он раскланялся на все четыре стороны и поблагодарил за теплый прием. Собравшиеся успокоились, и судья объявил о начале первого раунда.

Второй случай произошел на улицах Парижа. Группа наших спортсменов приближалась к одному из наиболее оживленных перекрестков, где движением дирижировал ажан (полицейский). Внезапно жезл в руках ажана опустился вниз — движение было перекрыто во всех направлениях. Полицейский бегом направился к нашей группе, остановившейся у перекрестка. Я был старшим в группе и с беспокойством соображал — чем же мы нарушили правила движения? К великому нашему удивлению, ажан направился к Куцу и протянул ему блокнот для автографа. В течение всей этой «церемонии» водители многочисленных машин и столпившиеся на перекрестке прохожие терпеливо ждали, когда полицейский вернется на свое место…»

Многие из членов команды побывали в Париже не один раз. Нина Откаленко превосходно ориентировалась в переходах парижского метро, на станциях которого, кстати, нередко устраиваются выставки, выступают ансамбли. На этот раз им всем вместе удалось подняться на знаменитую Эйфелеву башню, полюбоваться величественной панорамой столицы Франции и ее предместий. Совсем рядом Володя увидел набережную Сены,

широкий проспект Елисейских полей, дальше Сите, островок, омываемый двумя рукавами реки, на котором возвышается собор Парижской богоматери, шедевр готической средневековой архитектуры. Еще дальше — холмы Монмартра, который в 1871 году был последним оплотом парижских коммунаров. А вот зеленая полоса Больших бульваров, площадь Бастилии…

Наступило лето 1957 года. Но вместо выступлений на соревнованиях Куц попал в санаторий. Беспокоил желудок и опять сильно болели ноги. И снова врачи предупреждают:

«Хотите жить — бросьте бег». Но как это сделать? Ведь рекорд на 5000 метров все еще принадлежит Пири! После лечения Владимир попробовал пробежать километр. Потом два, три. Как будто дело пошло на лад. В конце августа в Лондоне — первая проба сил. Он бежит 10 000 метров и приходит к финишу первым. Пири после Мельбурна смертельно боится Куца и, чтобы не встречаться с ним на дорожке, выступает на 5000 метров, где побеждает, но с трудом уходит от Болотникова.

28 августа начинается первенство СССР. На 10-километровой дистанции главные фавориты — два ученика Никифорова Куц и Болотников. Можно понять сложное положение тренера, когда он готовит двух конкурирующих между собой спортсменов. Кому сочувствовать? Кому пожелать победы? У них много общего: детство, проведенное в деревне, служба в армии, выдающееся трудолюбие. Тактика же разная. Болотников быстрее, на финише он может развить хорошую скорость.

Петр родился в 1930 году в мордовской деревне. Уже подростком был мастером на все руки. Научился делать все — от ремонта плуга до проводки электричества. Во время войны учился в Москве в ремесленном училище. Постоянный труд, нелегкий жизненный путь закалили его характер. Знакомство с сыном известного конькобежца Струнникова едва не привело его в ряды конькобежцев. Но вскоре после призыва в армию он сменил ледовую дорожку на гаревую, и вполне успешно. Уже в 1954 году он вторым закончил дистанцию 30 километров на первенстве Вооруженных Сил. А потом учился у Никифорова и Куца. Правда, тренировались отдельно. Обычно Володя утром, а Петр вечером. С каждым годом Болотников приближался в мастерстве к своему старшему товарищу — расстояние между ними на финише постепенно сокращалось.

И вот теперь на первенстве страны 1957 года Куц впервые уступил Петру на дистанции 10 000 метров. Проиграл он самую малость — 0,2 секунды. На пьедестале почета пожал Болотникову руку и сказал: «Так и держись, Петро!» Но в беге на 5000 метров Куц был первым. Об этих соревнованиях потом вспоминали оба

стайера. Куц объяснял свою неудачу в забеге на 10 000 метров тем, что, будучи очень голодным (в последний раз ел шесть часов назад), подкрепился шоколадом, чтобы восстановить силы. Желудок, конечно, заболел. Что касается Болотникова, то о шоколаде он не вспоминает, а пытается не совсем удачно объяснить свой проигрыш на 5000 метров так: «Бегу и думаю: куда спешить? Одна золотая медаль уже в кармане. Хватит, дай и Куцу выиграть! Да, были такие предательские мыслишки. В общем, не стал я гоняться за Володей…»

А Куц несмотря на случайное поражение, неуклонно шел к своей цели. В начале октября в Праге на том же страговском стадионе, где в свое время он уже устанавливал рекорд, он пробежал в борьбе с ветром 5000 метров за 13:38,0. Это был новый всесоюзный рекорд, но от мирового рекорда Пири его отделяли 1,2 секунды.

Оставался еще один шанс — выступление на этой дистанции на международных соревнованиях в Риме.

…Устроились в гостинице «Гарибальди». Последние тренировки, но опять мучают боли в желудке. Пониженная кислотность требует строгой диеты. Какие уж тут могут быть рекорды? И все-таки тренировки продолжаются. Куц не позволяет себе полного отдыха и перед соревнованиями. За день до старта он делает разминку — пробегает 200, затем 400 метров, 2 раза по 1000 и снова 200. За этим с удивлением наблюдает один из руководителей советской спортивной делегации Вячеслав Витольдович Садовский.

Погода 13 октября 1957 года в Риме установилась отличная. На стадионе «Форо-Италико» празднично и безветренно. Куц передает Садовскому листок с графиком бега и просит давать ему время на повороте в 150 метрах от финиша. В забеге на 5000 метров участвуют 17 человек. Наиболее опасны Ежи Хромик и финн Юлин.

Со старта пошли с большой скоростью, но никто не мог помешать Куцу выйти вперед.

«Я посмотрел на график, — рассказывает Садовский. — Первый круг на секунду лучше, чем это было у Пири в его рекордном забеге После первого километра разница увеличилась до 2,2 секунды. За Куцем бежит Болотников, он дышит ему в спину три километра, а затем отстает. В конце четвертого километра я крикнул Куцу, что он «обгоняет» Пири уже на 7,5 секунды».

На финише секундомеры судей остановились на 13 минутах 35 секундах! Это новый мировой рекорд, который продержится в таблице мировых рекордов 8 лет, а в таблице всесоюзных — 10.

Задача, которую Владимир поставил перед собой, выполнена. Он не только олимпийский чемпион. Ему принадлежат мировые и всесоюзные рекорды на обеих стайерских дистанциях.

Вспоминая о римских соревнованиях, Владимир Куц, с избытком наделенный чувством юмора, начинал рассказ обычно не с самого бега, а с усов Болотникова. Дело в том, что в то время Петр начал носить усы, которые не нравились Куцу, называвшему их щетиной. В Риме Куц предложил ему пари: если Болотников не выйдет из 14 минут, то сбреет усы. К сожалению, так и произошло, и, верный своему слову, Петр остался без усов, которые и впрямь, по мнению товарищей, не шли к его лицу.

Новый мировой рекорд упрочил славу Куца как сильнейшего бегуна мира. После объявления результата экспансивные итальянцы выскочив на поле, стали качать нового рекордсмена. Газеты многих стран мира вышли на следующий день с его портретами, а один из крупнейших специалистов легкой атлетики французский журналист Гастон Мейер написал в газете «Экип»: «В течение 30 лет журналистской деятельности мне еще ни разу не приходилось видеть столь поразительное и столь убедительное соревнование, как этот бег на 5 тысяч метров, который позволил Владимиру Куцу побить, да с каким мастерством мировой рекорд!»

Италия перед соревнованиями на «Форо-Италико» была взбудоражена сообщением о запуске в СССР первого спутника. Спортивные подвиги соединились в восприятии итальянцев с этим важным событием, и они, образовав одно слово «куцник» скандировали его на стадионе. Наш посол, наблюдавший за бегом Куца по телевизору, признался: «Вы в один день сделали столько для укрепления дружбы с итальянцами, сколько мне не удавалось в течение всей своей службы!»

Высокую спортивную форму Куц подтвердил и в Москве, где лучшие бегуны из четырнадцати союзных республик, Москвы и Ленинграда приняли участие в финальных соревнованиях осеннего кросса в Сокольниках. На дистанции 8 километров Владимир в последний раз опередил своего соперника и друга Болотникова. Он стал победителем кросса (23:36,4). Петр показал второй результат. Собственно, именно здесь, в Сокольниках, была поставлена точка, знаменующая конец спортивного пути Владимира Петровича Куца.

Уходить из спорта нелегко. В течение многих лет была цель, смысл существования. Тяжелые, порой изнурительные тренировки, но и удивительное чувство владения своим телом, ощущение полета. Были многочисленные поездки. Новые страны и города, новые друзья, поклонники. А в конце выступлений

пришла и слава: его узнавали на улицах Парижа и Лондона, Берлина и Праги.

Вовремя уйти — для спортсмена, впрочем, так же, как и для артиста, остается труднейшей проблемой. Нужно уйти вовремя, чтобы на тебя не смотрели с жалостью, чтобы твой облик великого бегуна не померк в сознании будущих поколении. Куц немного опоздал. Приходится поражаться, с какой нечеловеческой волей он боролся с настигнувшей его болезнью.

В конце 1957 года он получил приглашение в ночь на 1 января 1958 года принять участие в традиционном новогоднем пробеге Сан-Сильвестр в бразильском городе Сан-Пауло. Старт давался в старом, финиш проходил в новом году. Удушающая жара, непрекращающаяся даже ночью, требовала длительно акклиматизации. Затопек приехал в Сан-Пауло за два месяца и нередко появлялся на улицах в шубе, чтобы привыкнуть к духоте.

Ночью во время пробега шел «снег» — из окон и с крыш, где устроились зрители, летели кусочки мелко нарезанной бумаги. Для бега по булыжнику нужна специальная обувь. После пятого километра на ногах у Куца остались лишь жалкие обрывки кед Пробег оказался для него еще одним нелегким испытанием терпения и воли. Бег он закончил со стертыми до крови ногами, заняв восьмое место.

В 1958 году он тренировался как обычно и в середине лета вышел на старт соревнований в Таллине. Но ему уже не могли помочь ни воля, ни основательная подготовка. Произошло то, о чем предупреждали врачи: ноги перестали слушаться и нестерпимо болели.

Спортивный журналист, который не мог поверить, что это закат Куца, писал: «Таллин, 19–21 июля. Стадион имени Комсомола. Много разговоров вызвал исход бега на 5000 метров. Неудача куца, который мужественно вел борьбу со своими молодыми соперниками на протяжении четырех километров, а затем на финише оказался восьмым, глубоко потрясла любителей легкой атлетики. Не верилось, что этот замечательный спортсмен, выступавший в сезоне впервые, потерпел поражение только потому, что его партнеры были подготовлены к соревнованию лучше него.

В поражении рекордсмена мира нет оснований видеть закат его спортивной карьеры. Мы знаем Владимира Куца как настоящего спортивного бойца, умеющего должным образом оценивать не только свои успехи, но и поражения. Очевидно, еще в этом сезоне он порадует нас высокими результатами как на 5000, так и на 10 000 метров».

Лечение в госпитале помогло ему весной 1959 года выиграть

кросс Ленинградского военного округа. Передо мной вырезка из газеты «На страже Родины» от 19 мая 1959 года: «Бегуны резко сорвались со старта, стремясь сразу набрать скорость. Впереди бежит В. Куц, рядом — прошлогодний чемпион кросса старший лейтенант А. Мороз, затем рядовой Л. Ледак, старший лейтенант А. Уткин. Первые два километра пройдены за 5 минут 35 секунд. Не выдержав темпа, начинает отставать Мороз. По-прежнему впереди мировой рекордсмен. А за второе место идет напряженная борьба. Теперь зрители образовали длинный коридор на финишной аллее.

Первым финиширует Владимир Куц. Его время 14 минут 40 секунд — новое высшее достижение окружных кроссов. Второй — Александр Уткин».

Здесь же в газете фотография с подписью: «Сын офицера Саша Малых преподносит полевые цветы старшему лейтенанту В. Куцу». Это были последние цветы, которые поднесли ему на соревнованиях.

Глава 18. За партой

С 1947 года при Московском государственном институте физической культуры и спорта была открыта Школа тренеров, сначала по футболу, а затем и по некоторым другим видам спорта, в том числе по легкой атлетике.

Это было первое учебное заведение, в котором Владимир Петрович Куц после войны и службы в Военно-морском флоте снова сел за парту. Собственно, он никогда не оставлял мысли о продолжении образования. Служба на далеких, заброшенных в суровые морские просторы островах оставляла совсем мало свободного времени. Однако и в этих условиях Куц продолжал учиться. Прежде всего он учился спорту. Читал, расспрашивал, прислушивался к своим ощущениям. Желание и умение дойти до всего своим умом, на основании собственного опыта всегда были его отличительной чертой — как человека и спортсмена.

Кроме того, он, будучи уже взрослым человеком, учился грамотно писать и говорить. Не нужно забывать, что он располагал совсем небольшим багажом знаний, полученным в школе-семилетке, да и то оконченной в военное время. Куц привык всегда иметь под рукой какую-нибудь книжку. В этом он многим обязан жене Рае. Товарищи вспоминают, что на сборах и соревнованиях, когда в свободные вечера большинство спортсменов стремилось отвлечься от больших физических нагрузок, у телевизора или бильярдного стола, Володя забирался с книгой в кресло и просил ему не мешать. Нередко это были учебники по физике, химии или русскому языку Он собирался одолеть курс общеобразовательных предметов по край ней мере за среднюю школу.

Когда в 1957 году Куц решил поступать в Школу тренеров, ему говорили: «Вам будет трудно. Ведь вы действующий спортсмен. Сборы, соревнования, выезды. Где вы найдете время учиться?» «Ничего… Время всегда найдется. Было бы желание», — отвечал Куц.

Русский язык и литературу в Школе тренеров преподавала Злата Андреевна Старовойтова. Мастер спорта, спортсменка-волейболистка, выступавшая на соревнованиях за сборную команду не только Москвы, но и Советского Союза, она в 1946 году окончила факультет русского языка и литературы Государственного педагогического института имени В. И. Ленина.

Ее пригласили на преподавательскую работу в институт физкультуры, а затем в Школу тренеров. Впрочем, она еще долго не расставалась со своим любимым волейболом — играла за

команду СКИФа (Спортивный клуб института физкультуры), а когда годы стали брать свое, уже для сохранения здоровья была ведущим игроком команды тренерско-преподавательского состава МВТУ — команды, носившей ироническое название «Опавшие листья».

В пятидесятые годы, работая в Школе тренеров, «наша Злата», как ее за глаза называли студенты, была еще молода, энергична, строга, по рассказам Петра Болотникова, «засыпала» его на экзаменах по русскому языку.

Спортсмены-студенты учились на тренеров от двух до трех лет. Программа была обширной. Изучались почти те же дисциплины, что и в институте физкультуры. В большинстве случаев занятия вели те же преподаватели. Курс массажа и лечебной физкультуры — профессор И. М. Саркизов-Серазини, курс физиологии читал профессор М. Е. Маршак, легкую атлетику преподавали Н. Г. Озолин, В. С. Клеменко, Д. П. Марков, В. М. Ягодин. На сборы и соревнования спортсменов отпускали, но требовали от них сдачи курсовых зачетов и государственных экзаменов.

Об учебе Куца в Школе тренеров вспоминает Злата Андреевна Старовойтова: «Нередко курс русского языка и литературы, который я вела, становился камнем преткновения для студентов. Я придерживалась программы средней школы, однако старалась несколько углубить ее и расширить. Историю литературы мы начинали со «Слова о полку Игореве» и заканчивали современными авторами.

Однажды в конце 1956 года начальник Школы тренеров Андрей Андреевич Мелихов вызвал меня к себе и предупредил, что мне нужно будет поговорить с поступающим к нам известным бегуном Владимиром Куцем, выяснить уровень его знаний и дать соответствующие задания.

— Хорошо, — ответила я. — После занятий он может зайти ко мне в 248 аудиторию.

Сижу в аудитории после занятий и жду… Куца все нет. В конце концов собираю портфель и направляюсь к выходу. Открыв дверь, в полутемном коридоре вижу переминающегося с ноги на ногу крепко сложенного блондина.

— Вы ко мне?

— К вам, Злата Андреевна.

— Ваша фамилия?

— Куц. Владимир Куц.

— Что же вы здесь стоите? Давно бы вошли.

— А я заглянул. Вы перелистывали тетради. Решил, что заняты.

— Ну, входите, входите же.

Таким образом, уже самое первое появление Куца было необычным и, надо признаться, удивило меня. Составлявшие основной контингент Школы тренеров известные спортсмены не отличались особой скромностью. Хорошо, порой чрезмерно броско одетые, они держали себя уверенно и независимо.

Я побеседовала со своим новым учеником. Предупредила, что ему придется много работать. Объяснила, какие понадобятся учебники. Рекомендовала завести три тетради: по русскому языку, по литературе, а третью для записи своих впечатлений о прочитанном. Куц держал себя напряженно, не поднимал головы. Назначила ему прийти через несколько дней с учебниками, а пока посещать занятия.

Вторая встреча с Куцем прошла иначе. Собственно, первый раз я его как следует не рассмотрела. Теперь он подошел к столу и уставился на меня. Светлые добрые глаза, застенчивая улыбка. Веснушки на носу. Не знаю, почему, может быть, виной тому была его внешность, детская улыбка, я стала говорить ему «ты». Посмеялась над своим первым строгим приемом. Спросила, что ему обо мне рассказывали. Он замялся. А я помнила, что однажды, проходя коридором мимо группы студентов, услышала разговор о себе: «Злата — человек!.. Но собака!..» Еще бы не собака. Ведь заставляла наизусть учить «Плач Ярославны» — для тренировки памяти.

Узнав, что Куц уезжает на сбор, дала ему задание. Сказала, что проверю по его возвращении. И вот Володя, нагруженный толстыми тетрадями и учебниками, снова за моим столом. Я беру первую тетрадь. Здесь он должен был сделать по одному упражнению на каждое грамматическое правило, пользуясь учебником Бархударова.

Но что это? Я листаю толстую тетрадь и не вижу конца записям. Оказывается, вместо того чтобы сделать по одному упражнению, Володя делал их все! Нечто подобное я увидела и в двух других тетрадях.

— Хочу вам признаться, — извиняющимся тоном заговорил Куц, — что я особенно налегаю на русский язык. Моя жена — журналистка. Мне обязательно нужно стать образованным человеком…

Это было наивно и трогательно.

Сейчас, когда прошло столько лет после этих событий и Владимир Куц ушел из жизни, я не могу не сказать, что он был трудолюбивым, одаренным человеком, и не только в спорте. Во всяком случае, учился он охотно и много. А в 1958 году получил направление и подал заявление в Ленинградский военный

институт физкультуры.

Военный институт физкультуры, где Куц провел три года, был расположен в бывших, теперь переоборудованных казармах одной из воинских частей на улице Карла Маркса.

Когда в первый раз Владимир прошел на его территорию и огляделся, он увидел справа за общежитием конный манеж, тир, а слева вдоль аллеи административный корпус. Середину территории занимал стадион. За ним гимнастический городок, спортивный зал, бассейн. Словом, здесь было все для того, чтобы учиться, приобретать знания и навыки, необходимые для работы по физической культуре в войсковых частях.

Здесь Куцу нужно было пройти в течение трех лет курс наук, необходимых для тренерской работы. Кроме обычных для институтов физической культуры дисциплин здесь получали основательную военную подготовку, необходимую для советского офицера. Занимались огневой и строевой подготовкой. Специфической для факультета ДИСЦИПЛИНОЙ была теория физической подготовки войск.

Вначале было трудно с жильем. Ему и переехавшей в Ленинград Рае пришлось снимать комнату неподалеку от института, И началась полувоенная, полустуденческая жизнь с ежедневным утренним построением, зарядкой, учебными занятиями, тренировками, обязательными нарядами и в конце дня свободным временем, когда по выбору можно было или готовиться к лекциям, или отправиться с женой в театр.

Здесь учились несколько старых друзей Владимира. Появились и новые. Самым близким другом стал Александр Уткин. Их знакомство состоялось еще в 1950 году. Оба служили на Балтике, выступали на соревнованиях по лыжам, затем по бегу. В 1950 году на зимнем первенстве Краснознаменного Балтийского флота по лыжам Уткин занял второе место в гонке на 50 километров. Новичок Куц был четвертым. Впоследствии оба выступали в соревнованиях по легкой атлетике. Выполнив норматив мастера спорта, Уткин в дальнейшем вошел в сборную команду Ленинграда, участвовал в спартакиаде народов СССР.

К выступлению на весеннем армейском кроссе 1959 года они готовились вместе — Куц и Уткин, который рассказывает:

«Нередко через 15–20 минут после начала тренировки Куц останавливался и говорил:

— Ты беги дальше, а я похожу.

У него отекали и теряли чувствительность ноги. Колол их иголкой и не чувствовал. Только я знал, чего ему стоила эта последняя его победа в кроссе Ленинградского военного округа.

Сидели мы обычно на галерке — на последней парте. Ноги у

Володи порой начинали болеть так сильно, что приходилось ложиться. К счастью, то, что делается на последней парте, преподавателю не видно».

Учиться Куцу в Ленинграде было сравнительно легко. Так как он поступил на факультет сразу после окончания Школы тренеров, ему были зачтены практические и общеобразовательные дисциплины. Оставалось много свободного времени. Иногда удавалось побывать и в Москве, где за ним была закреплена квартира…

Госэкзамены сдавали в 1961 году. Нововведением была жеребьевка за три месяца до экзаменов — кому по какому виду спорта сдавать практику, имея по этому виду не ниже третьего разряда. Кроме плавания, Володя не смог бы сдать ничего другого — ни легкой атлетики, ни гимнастики. На жеребьевке его не было. Билет тащил за него Уткин и вытащил… плавание.

— Везет же иногда людям, — сказал, узнав об этом, Куц, но все же в течение трех месяцев, оставшихся до экзаменов, не вылезал из бассейна.

Направление он получил в Москву в Центральный спортивный клуб армии на тренерскую работу по легкой атлетике.

Не всякий спортсмен может стать тренером. В этой нелегкой профессии недостаточно только тех знаний, которые можно получить в учебном заведении. Нужно еще многое другое. Это — великое трудолюбие, преданность своему делу, собственный опыт, талант педагога-воспитателя. Важное значение имеют при этом высокие моральные качества — честность, принципиальность.

Обладая превосходной памятью, Владимир Петрович сравнительно быстро усвоил основные принципы тренировочного процесса. По сути дела, в течение 10 лет занятий спортом он решал для себя именно эти вопросы. Только не знал, что все это имеет свои названия и давно уже разложено по полочкам в учебниках по спорту. Свой большой опыт ему нужно было привести в определенную систему.

Что касается методов тренировки в своем виде — беге на длинные дистанции, то здесь он на себе испытал, что такое переменный, повторный, темповый, кроссовый бог.

Какие объемы бега и с какой скоростью можно применять в различное время года. Полный курс наук в области техники и общей физической подготовки оп прошел, совершенствуя свою технику бега с Никифоровым. Выступая па соревнованиях, он повял, какое огромное значение имеет для спортсмена воля, умение бороться с усталостью, готовиться в старту.

Словом, у Куца уже в начале его тренерской деятельности было преимущество перед заканчивающей физкультурные вузы молодежью — опыт, приобретенный па беговой дорожке. По этому поводу Сент-Экзюпери писал: «Человек способен постичь до конца только то, в чем сам принимал участие…»

Можно согласиться и с другим утверждением, принадлежащим тренеру олимпийской чемпионки Татьяны Казанкиной Николаю Малышеву: «Мне думается, что наша профессия тренера относится к разряду наиболее сложных. Тренер в чем-то схож со скульптором. Так же долго, кропотливо, буквально но крупицам, складывает он характер своего ученика. И все-таки наше творение много сложнее. В конце концов ваятель, неудовлетворенный своей работой, может разбить статую на мелкие кусочки и начать все сначала. А тренер — нет. «Вылепив» за долгие годы своего воспитанника, оп сможет либо по-настоящему радоваться, либо, напротив, горестно вздыхать по поводу того, что ничего уже не исправишь.

Тренер — это и педагог, и психолог, и философ. Ну а чисто по-человечески он и добрый, и чуткий, и требовательный, и строгий. Он обязан стать для своих воспитанников вторым отцом, самым близким другом…»

Именно к этому стремился Куц, и, как мы увидим, он многого добился и на этом пути.

Глава 19. Тренер спортивного клуба армии

Итак, Владимир Петрович Куц — тренер ЦСКА. С чего начать свой тренерский путь? Его всегда тянуло к ребятишкам. Еще в Ленинграде, в часы, свободные от лекций и практических занятий, он начал заниматься с группой школьников, желающих научиться бегу. Здесь он получил первые педагогические навыки, без которых нельзя стать тренером.

А почему бы не повторить этот опыт в Москве? Только в более широких масштабах. С разрешения командования при ЦСКА была создана школа бега. Нашлись тренеры-единомышленники — выдающиеся в прошлом спортсмены Феодосии Ванин и Никифор Попов. Составили план работы, решили организовать три группы — по одной на каждого и дали объявления в газетах «Вечерняя Москва» и «Спортивная неделя».

С волнением ждали дня сбора. А вдруг никто не придет?.. Явилось более тысячи человек. Как же теперь быть? Пришлось проявить твердость. Отобрали 125 человек — самых сильных, быстрых и выносливых. Но все равно вместо трех получилось шесть групп.

Начинание оправдало себя. Прошел год, и в школе появились ребята, выполняющие нормативы не только третьего, но и второго разряда. Стали победителями общемосковского кросса по своей возрастной группе. Через некоторое время в школе насчитывалось уже около 100 разрядников, 9 из них имели первый разряд. Это был превосходный резерв для ЦСКА. Наступит время, когда вторая и третья армейские команды, участвующие в «Вечерке», почти полностью будут состоять из учеников этой школы.

Но разве целесообразно использовать для подготовки новичков олимпийского чемпиона, познавшего все секреты высшего спортивного мастерства? Примерно так рассуждало армейское руководство. К тому же в 1962 году на вновь отстроенном стадионе в районе Песчаных улиц была создана детская спортивная школа с опытными преподавателями — Зоей Петровой, Ниной Откаленко, Григорием Федоровым…

И Владимира Куца назначили старшим тренером ЦСКА по бегу. В первое время ему приходилось тренировать тех бегунов, которые в военных округах занимались со своими тренерами и попадали к Володе лишь в период кратковременных сборов. Исправлял недостатки, шлифовал технику, готовил к соревнованиям. Тут требовались великий такт и умение, чтобы не

отодвигать периферийных тренеров в сторону, не присваивать себе плоды их труда, а помогать, находить общий язык. Чаще всего Куцу это удавалось.

Случалось и так, что приехавший к нему в Москву спортсмен не имел постоянного тренера. Приходилось работать с ним не только на сборе, но и следить за его занятиями в течение всего года, вести переписку.

В ЦСКА с армейской обязательностью ежегодно тренеры заполняли бланки отчетов о своей работе со спортсменами, входившими в состав сборной команды Вооруженных сил. Я просматриваю листки этих отчетов за разные годы.

Вот отчет о подготовке армейского бегуна на 3000 метров с препятствиями Эдуарда Осипова, который начал тренироваться у Куца с 1963 года. В отчете Владимир Петрович пишет: «Выполнил контрольное задание на «отлично». Задание 8:38,0. Пробежал за 8:34,4. На III Спартакиаде народов СССР планировалось войти в шестерку. Занял второе место».

А вот другой бегун такого же профиля — Лазарь Народицкий. В 1964 году он стал вторым на первенстве страны и победил на мемориале Знаменских.

Третий спортсмен, Виктор Кудинский, успешно выступал не только на 3000 метров с препятствиями, но и в беге на 5000 метров. Он тоже готовился на сборах с Куцем. Впоследствии — рекордсмен страны, один из ведущих бегунов СССР. Одно время Владимир помогал приобрести отличную спортивную форму армейским бегунам на средние дистанции Валерию Булышеву и Евгению Аржанову. Оба они обладали великолепными данными. Мощный и вместе с тем легкий бег Булышева производил сильное впечатление на зрителей. Он работал с Куцем в период подготовки к установлению всесоюзного рекорда в беге на 800 метров.

Аржанов же был бегуном стремительным, имел большие потенциальные возможности. Никогда не забудется его бег на Олимпийских играх 1972 года в Мюнхене, когда он уже на последних метрах, считая себя победителем, пропустил вперед американца Д. Уотла, уступив ему золотую награду.

В те же годы Куц отдал много сил подготовке стайера Степана Байдюка и марафонца Владимира Байкова, четырежды становившегося победителем первенств СССР.

Дневники Владимира Куца утрачены, но сохранились грамоты и дипломы, которыми его награждали за тренерские заслуги. В этих документах перечислены многие его воспитанники, которым он помог добиться выдающихся результатов: В. Байков, Э. Осипов, Л. Народицкий, С. Байдюк,

В. Афонин, С. Скрипка. Есть грамоты и за подготовку команды: в 1963 году это была команда, одержавшая победу в матче СССР — США; в 1973-м — команда, выступившая в соревнованиях на приз газеты «Вечерняя Москва».

А что же происходило на беговых дорожках мира и страны после ухода Владимира Куца из числа действующих спортсменов? Ушли из спорта соперники Куца. Кристофер Чатауэй, сняв беговые туфли, занялся сомнительным бизнесом на поприще журналистики. Выступая в газете «Нью-Йорк таймс мэгэзин», он заявил о том, что международный спорт — это война без пальбы, а поэтому следует запретить олимпийские игры и свести к минимуму международные встречи спортсменов». Приехав однажды в Москву на открытие авиалинии Москва — Лондон в качестве корреспондента Би-би-си, он не нашел времени для встречи со своими старыми друзьями по спорту. Впоследствии он стал членом парламента и получил министерский портфель в партии консерваторов.

Но все рекорды на ниве антисоветизма и в занятии бизнесом побил Гордон Пири. На страницах английской газеты «Пипл» он приступил к публикации своих мемуаров, пытаясь по примеру многих звезд профессионального спорта превратить свою славу в звонкую монету.

«Я подозреваю, — писал Пири, — что известный спортсмен, офицер русского Военноморского флота Владимир Куц либо принимал возбуждающие снадобья, либо находился под гипнозом, когда одерживал свои победы, в том число и в Мельбурне… Я не утверждаю, что он принимал эти снадобья по собственному желанию, но я полагаю, что его могли заставить сделать это руководители команды».

В таком же духе были выдержаны и другие смехотворные высказывания Пири, в которых ложь перемешивалась с лицемерными комплиментами в адрес Куца.

Немудрено, что зарубежная реакционная печать немедленно разрекламировала «Воспоминания» Пири, а некоторые американские газеты и журналы опубликовали из них обширные выдержки. Резкая отповедь Куца бывшему бегуну Пири была опубликована в газете «Советский спорт».

«Я не знаю в точности английских законов, — заканчивал свой ответ Куц, — но мне помнится, что в Англии привлекают к суду за клевету, особенно за клевету в печати, и виновного могут приговорить к крупному денежному штрафу. Пусть не дрожит Пири за свои денежки. Я не собираюсь предъявлять ему иск. Но я хочу заклеймить позором этого бесчестного человека».

Что касается самого Пири, то свой спортивный путь он

закончил бесславно, выступая в Испании перед боем быков. Успеха эти выступления не имели.

Достойным преемником Куца стал Петр Болотников. У них было много общего. Особенно сближало их удивительное упорство на беговой дорожке, доходящее порой до самопожертвования. И в то же время они были такими равными: коренастый, привыкший основательно обдумывать свои планы и решения Куц и худощавый, легко возбудимый Болотников. Если успех бега Куца решался уже в середине дистанции, то Болотников обладал искусством выигрывать за счет длинного стремительного финиша.

— Ну что же, — говорил Владимир Куц, — Петя придерживается иного тактического рисунка. Честь и хвала ему, что он научился резво начинать бег, равномерно проходить середину дистанции и бурно финишировать. Увы, мне этого не дано.

Об упорстве и выдержке Болотникова можно судить хотя бы по тому, что в течение многих лет он постоянно был вторым, уступая Куцу и на первенствах Вооруженных СИЛ, и на чемпионатах страны, и на международных соревнованиях. Что же касается олимпийских игр, то в Мельбурне на «десятке» Болотникову досталось шестнадцатое, а на «пятерке» девятое места.

Сенсация произошла на первенство страны 1957 года, когда Болотников обошел Куца на дистанции 10 000 метров. А в конце года, когда Куц сумел установить в Риме мировой рекорд, Петр пережил момент временной слабости. В газете «Советский спорт» в 1960 году приводится такой монолог Болотникова, относящийся к тому времени, обращенный к Куцу:

«Как думаешь, Володя, ведь уйти мне надо, лучше стороной стадион обходить. А? Говорят вот, что тенью я твоей стал. Ну а дальше что? Не получается у меня, хотя все, кажется, отдаю, чуть ли не ночую на стадионе… Иногда вот держишься за тобой из последних сил, а ты вдруг так «стрельнешь», что у меня в глазах темно, а тебе нипочем, убегаешь шутя. Два сердца у тебя, что ли? Как ты выдерживаешь такие нагрузки? Нет, уйду я, Володя…»

К счастью, все получилось не так. Очевидно, Петр не представлял себе, что в 1957 году Куц доживает свой спортивный век, а у него — Петра Болотникова все успехи еще впереди.

Столь долго ожидаемый большой успех пришел к Петру Болотникову на Олимпийских играх в Риме в 1960 году. В числе возможных победителей Игр его называли немногие. Но 10 000 метров он выиграл убедительно, с великолепным результатом 28:32,3, лишь на 2 секунды уступив мировому рекорду.

Известный во всем мире знаток и статистик легкой атлетики итальянец Кверчетани в своей «Всемирной истории легкой атлетики» написал по этому поводу:

«Болотников, много лет известный как хороший, но не выдающийся бегун, вдруг сбросил маску. И весь легкоатлетический мир увидел нового Куца. Несмотря на высокий темп бега и долгое время лидирования, Болотников нашел силы для мощного и неожиданного рывка на финише…»

К сожалению, Петр Болотников оказался одним из последних могикан золотой поры стайерского бега в нашей стране. Впоследствии у нас не было на дистанциях 5000 и 10 000 метров ни мировых рекордов, ни золотых олимпийских медалей. Что это? Случайность или закономерность? Пожалуй, ни то, ни другое. За это время в спорт приходили не менее одаренные люди. Среди них были такие выдающиеся бегуны, как Юрий Тюрин, Рашид Шарафетдинов, Николаи Свиридов, и многие другие. К сожалению, им не хватало того самого «чуть-чуть», которым были наделены Владимир Куц и Петр Болотников. Не стану сейчас исследовать причины этого явления — тут нужен глубокий анализ ученых, но мне кажется, что это «чуть-чуть» больше относится к волевым, моральным качествам, нежели к физическим. Что это — чувство долга, умение отдавать всего себя борьбе.

Обнаружились и методические просчеты. Для последних лет характерна погоня за юными стайерами. Главную свою задачу тренеры нередко видят в том, чтобы как можно быстрее подготовить разрядника, забывая, что наибольшие успехи приходят к стайеру в период его зрелости — после 25 лет. Именно так, постепенно, шли к высокому мастерству великолепные бегуны прошлого во главе с Владимиром Куцем.

К сожалению, для нынешних соревнований стала типичной такая картина: немногочисленные участники забега уныло плетутся друг за другом, совершенно забыв о спортивной борьбе, о смелости, дерзании. Логическим завершением этого кризиса стало решение Госкомспорта в 1986 году о расформировании сборной команды страны по бегу на длинные и сверхдлинные дистанции и об отмене награждения участников бега на 10 000 метров на Спартакиаде народов СССР в связи с их низкими результатами.

…А мировой рекорд Куца на 5000 метров через 8 лет улучшил Рон Кларк, тот самый Кларк, который в Мельбурне в 1956 году вбегал на стадион с олимпийским факелом.

Высокий стройный бегун, обладающий редким дарованием и большой работоспособностью, Кларк был буквально

ниспровергателем мировых рекордов. В 1965 году, например, он устанавливал рекорды на 8 дистанциях 11 раз!

Почти одновременно с ним на беговые дорожки мира вышли такие гиганты бега из Австралии и Новой Зеландии, как олимпийские чемпионы Герберт Эллиот и Питер Снелл. Ну а затем наступила очередь бегунов из стран Африки, поразивших весь мир своей выносливостью. Среди них — олимпийские чемпионы бегун из Эфиопии Абебе Бикила и кениец Кипчого Кейно. Снова заблистали на спортивном небосклоне финские стайеры во главе с Ласло Виреном.

Этому наступлению нужно было что-то противопоставить, продолжать совершенствовать то, что было начато Владимиром Куцем, Петром Болотниковым, Григорием Никифоровым. Сделать это не удавалось. Мог ли Куц оставаться при этом равнодушным? Нет и нет!

В газетах и журналах он выступает со статьями о тактике бега, методах развития выносливости. Старается поделиться своим опытом. Именно в этот период выходит его книжка, рассчитанная на молодежь. «Будь первым!». В спортивной прессе Куц становится зачинщиком дискуссии «Почему мы отстаем в беге?». В числе причин этого отставания он видит и неумение приохотить молодежь к бегу. В статье «Бег, который мне по душе» он пишет:

«Почему мой рекорд на 5000 метров держался добрый десяток лет и ныне улучшен всего на 0,2 секунды? Почему, наконец, наши стайеры так далеки от мировых рекордов Рональда Кларка?..

Методика у нас есть. Когда в 1956 году я почти два месяца был в Австралии, каждый мой шаг находил отражение на страницах специальной прессы. Я, помню, даже удивлялся тому, насколько точно фиксировали австралийцы все, что я делал на беговой дорожке.

В ту пору Кларку было лет 16–17… Затем имя австралийца почти на семь лет исчезло со спортивного горизонта, но теперь всякий раз с ним связывают мировые рекорды. Что же делал юный Кларк в течение этих долгих семи лет? Мы не знаем точно. Но уверен — все это время он бегал. Просто бегал. Очень много бегал в свое удовольствие.

Бегать в свое удовольствие — вот чему мы не учим наших юных спортсменов. Стоит чуть заявить о себе, и ты уже на орбите, и от тебя немедленно ждут результатов и побед. И чтобы оправдать ожидание, приходится тренироваться слишком форсированно, вместо того чтобы спокойно набрать километраж, воспитать выносливость и укрепить опорно-двигательный

аппарат. Словом, создать запас прочности. Мы уже сейчас в наших юных бегунах убиваем любовь к бегу, без которой нельзя побеждать на дорожках.

Я любил бег, Кларк любил бег. Те же многие, которых я сейчас вижу на дорожке, его не любят. Доказательства? Пресловутый бег на выигрыш. Сегодня все предпочитают отсиживаться за спинами друг друга…»

Глава 20. Его ученики

Были у Владимира Петровича и свои ученики, которых не надо было вызывать из далеких военных округов, пересылать им планы тренировок. Это бегун на длинные дистанции Владимир Афонин и успешно выступавший в беге на 3000 метров с препятствиями Сергей Скрипка. Им Куц старался передать свой опыт. Им отдавал свои лучшие чувства. С ними он был строг и заботлив, требователен и в то же время чуток.

Афонин напоминал Куца в молодые годы — и внешностью, и манерой бега. Был такого же роста, со светлыми волосами, крепко сложен. Володя смеялся:

— Мы с тобой чуть ли не братья. Похожи во всем. Даже объем легких одинаков…

О своей встрече с Куцем он рассказывал: «На сборе в 1968 году я узнал, что в Москве в ЦСКА создана команда спортсменов, в которой подготовкой бегунов руководит В. П. Куц. Решился написать ему письмо, и вскоре получил ответ, в котором было сказано, что все зависит от моего выступления на Кроссе для молодых солдат на призы газеты «Красная Звезда» в Ужгороде. Владимир Петрович будет там и посмотрит, на что я способен.

Нечего и говорить, что по дороге в Ужгород я немало поволновался. Узнал Куца сразу. Светловолосый, крепкого сложения, в кителе с погонами капитана третьего ранга, или, по-сухопутному, — майора. Подошел, представился.

— Хочу тренироваться у вас, — так сразу и выпалил. Куц улыбнулся.

— Поговорим после соревнований, а сейчас иди, готовься.

Конечно, я хотел во что бы то ни стало выиграть кросс, трасса была непривычно трудной. Хотя и лес, но сплошные спуски и подъемы. Несмотря на все усилия, пришел вторым. Опустив голову, подошел к Куцу. Тот похлопал по плечу.

— Молодец! Собирайся, сегодня выезжаем в Москву. Может быть, будешь участвовать в эстафете «Вечерняя Москва».

Все было сделано в течение нескольких дней. Сержанта Афонина вызвали на тренировки в ЦСКА. В то время в группе, которой руководил Куц, собрались сильные бегуны: Лазарь Народицкий, Виктор Кудинский, Степан Байдюк, Анатолий Макаров.

Афонин обратил внимание на то, что Владимир Петрович старался не проводить общих стандартных занятий. Каждый бегун имел свой план, свои задания. Зимой и летом тренировались преимущественно на воздухе. Зимой лишь изредка приходили в

спортивный зал, где выполняли общеразвивающие упражнения, стартовали на коротких отрезках. В утреннюю зарядку входили бег, упражнения на растягивание, расслабление, приседания. Приседать Куц мог бесчисленное количество раз. Однажды поспорил с Афониным: «Даю тебе два месяца сроку. Если к весне сможешь присесть без отдыха 500 раз, значит, выиграл».

Победителем в этом споре стал Афонин.

А в основном тренировки проходили за городом. Где они только не побывали! На «трассе» Куца в Рублеве, и в Одинцове, и в Измайлове, и в Сокольниках. 20-километровые пробежки проводили на хорошо известном московским велосипедистам Куркинском шоссе, отличающемся хитрым рельефом местности. Зимой один день посвящался лыжам. В неделю пробегали по 400–450 километров. А в год у Афонина выходило примерно 5000 километров пробега. При высокой интенсивности тренировок этого было более чем достаточно.

Куца нередко упрекали за чрезмерно объемную, тяжелую для учеников тренировку, которая якобы выводила спортсменов из строя. В действительности же Владимир Петрович обладал тонким тренерским чутьем. Он внимательно присматривался к своим воспитанникам еще на построении. Иногда поникшая голова, рассеянный взгляд спортсмена говорили ему больше, чем измерение пульса и кровяного давления.

— Ты не в форме. Сегодня заменяем тренировку легким восстановительным бегом в лесу.

Куц был удивительно заботлив. При подготовке своих воспитанников к ответственным соревнованиям он не упускал из виду ничего. Прежде всего строгий режим. Подъем в 7 часов утра Легкий бег 8–10 километров, физические упражнения. Завтрак. Дневная тренировка — преимущественно скоростная. Вечером кроссовый бег. Сам следил за питанием, особенно перед соревнованиями. Был хорошим кулинаром. Лучше всего удавались ему флотский борщ и цыплята «табака». Сам предпочитал куриный бульон, овсяный отвар, кусок натурального мяса и чай, обязательно с лимоном. Строго соблюдал водный режим.

О периоде тренерской работы Владимира Петровича вспоминает тренер ЦСКА Тамара Васильевна Дмитриева, мастер спорта международного класса:

«Впервые я увидела Владимира Петровича в 1956 году, когда он был в расцвете сил. Увидела с трибуны в качестве зрительницы. Поразил свободный накатистый шаг, летящий бег. Казалось, что не только нам, но и ему бег доставляет удовольствие. Бежит, как песню поет.

Для нас — молодых тренеров — он был эталоном порядочности, доброты, отзывчивости. Его всегда отличали простота, скромность в общении с людьми. Нам, молодежи, всегда помогал, и я не раз обращалась к нему за советом.

Нередко был начальником сборов. В этом случае ничего не упускал из виду, был заботлив. Питание, размещение — все это никогда не было для него проблемой. Удивительно умел сочетать дни больших нагрузок с активным отдыхом. Я никогда не забуду «разгрузочные дни» в Мукачеве. На снегу играли в футбол, спускались на финских санках с 300-метровой горы. Куц сам резвился с нами как ребенок.

Последние годы поражал нас умением сопоставлять данные тренировок, анализировать состояние своих учеников. Нередко обращаясь к Скрипке, он мог сказать: «Ну, Сергей, ты готов на 8:35,0» — и если ошибался, то буквально на десятые доли секунды. Так же как и его учитель, Григорий Исаевич Никифоров, порой он становился для своих учеников «тренером-нянькой» в самом хорошем смысле этого слова».

«Родители мои были далеко, — рассказывает Афонин, — и Владимир Петрович стал для меня вторым отцом, незаменимым советчиком. Но нарушений не терпел. Здесь он был неумолим. Помню весенний сбор под Киевом в Святошино. Я вернулся домой поздно, после отбоя. Дверь закрыта. Сел на скамеечку, будить своих побоялся. Через некоторое время слышу за спиной шаги. Поворачиваюсь. Молча стоит Куц. Видно, что спать не ложился, ждал. Ни крика, ни ругани. Только сказал: «Дальнейшую запланированную подготовку к олимпийским играм с тобой вести не буду. По-видимому, тебе придется вернуться в Москву. Сегодня же тренировка отменяется». Повернулся и ушел…

Утром я один отправился на кросс. Неловко перепрыгнул канаву и повредил ногу. Много крови. Смотрю — Куц бежит с простыней в руках. Бледен и взволнован. Заворачивает меня в простыню и на машине везет в госпиталь. Требует, чтобы немедленно положили на операцию. Успокоился только тогда, когда узнал, что операции не требуется и через несколько дней я буду здоров. Так закончилось мое нарушение. В таких случаях говорят — не было бы счастья, да несчастье помогло!».

Куц внимательно следил за всеми новшествами в стайерском беге. Кое в чем ему пришлось перестраиваться. Стал больше обращать внимания на воспитание скоростных качеств, приговаривал: «Бег на 1500 метров — это ключ к успеху в беге на 5000 метров». Вспоминал, как его результат на 1500 метров — 3:50,0 приводил к поражениям от более быстрых англичан.

Кстати, Афонин, приехавший в Москву без всякого спортивного разряда, уже в 1969 году стал мастером спорта прежде всего на 1500 метров, пробежав эту дистанцию за 3:46,0. Впоследствии он достиг результата 3:41,7!

Пришлось Куцу внести некоторые изменения и в свои взгляды на тактику бега. Он превосходно понимал, что теперь, при равенстве сил многих бегунов и повышении их класса, тактика лидирования и рваного бега, которую он сам применял с таким успехом, не всегда может привести к победе. Наступило время сложной тактической борьбы на дистанции. Вот почему Владимир Петрович всячески открещивался от своих «приверженцев», признающих лишь одну тактику — лидирования. «Бежал же Куц только впереди, — заявляли они, — и выигрывал. Терпел, но какие результаты показывал!..»

Таким теоретикам обычно отвечал сам Куц: «Помню печальную историю, случившуюся со мной в Будапеште в 1953 году. На дорожку стадиона я вышел с единственной задачей пробежать 5000 метров быстрее 14:00,0. К тому времени это удавалось только шведу Гундеру Хеггу и нашему стайеру Александру Ануфриеву. Я был неплохо тренирован, незадолго до того на фестивале молодежи в Бухаресте завоевал серебряную медаль, проиграв только Эмилю Затопеку.

Итак, старт. Никакого плана бега по кругам я не имел и с первых же метров сломя голову помчался чуть ли не со спринтерской скоростью. Четыре километра я прошел на 7 секунд лучше мирового рекорда Хегга. Мой ближайший соперник венгр Йожеф Ковач отстал более чем на 100 метров. Но на этом мое преимущество закончилось. Меня хватило ровно на 10 кругов. На пятом километре такая «тактика» жестоко меня наказала: неумолимо гасла скорость, никаким усилием воли я не мог справиться с уставшим телом. Все завоеванное ранее преимущество на последних кругах было молниеносно потеряно. На последней прямой Ковач обошел меня. Вслед за ним я еле-еле доплелся до финиша. Так закончилось мое первое наступление на мировой рекорд…»

И дальше Куц объясняет современным читателям, что тактика лидирования — «тактика рекордов», как он ее называет, — наше время возможна только при соблюдении определенных условий. И главное из этих условий — «высокая степень тренированности, основанная на хорошей физической подготовленности спортсмена. К этому нужно добавить идеальное чувство темпа, знание своих сил и заранее продуманное распределение времени прохождения всей дистанции и ее отдельных отрезков (график бега) и, наконец, знание особенностей бега и возможностей

основных соперников…».

Таким образом, давно уже пора расстаться с всплывающей временами легендой о том, что Владимир Куц был бегуном одной примитивной тактики. Обладая сильной волей и мужеством, Куц умел реалистически оценивать свои сильные и слабые стороны и, действуя по принципу «только вперед», не исчерпывал свое тактическое мастерство лишь одним шаблонным приемом, умел вносить в бег элементы неожиданности.

Тренируясь под руководством Владимира Петровича Куца, в 1969 году Афонин не только получил звание мастера спорта, но и на Кубке СССР в беге на 5000 метров проиграл лишь сильнейшему стайеру тех лет Рашиду Шарафетдинову. В следующем, 1970 году его стали узнавать на дорожке зрители, а обозреватель газеты «Советский спорт» после первенства страны написал: «Среди стайеров обратил на себя внимание 22-летний воспитанник В. Куца Владимир Афонин, занявший в беге на 5000 метров шестое место. Еще в прошлом году Афонин не входил в число 25 лучших на этой дистанции. В этом же году его результаты выросли на дистанциях 1500 и 5000 метров до 3:44,5 и 13:54,6».

1971-й — год Спартакиады народов СССР. Прикидки и контрольный бег показывают, что Афонин готов к установлению рекорда СССР. Так считает Куц. Он будет только счастлив, если ученик превысит рекорд своего учителя. За 20 дней до спартакиады Афонин выступает в Беркли в матче СССР-США. Невыносимая жара, тяжелый грунт. Владимир приходит к финишу вторым вслед за сильным американским стайером С. Префонтейном, который устанавливает рекорд США.

И вот бег на 5000 метров на спартакиаде в Москве. График составлен на 13:30,0. Куц с секундомером и графиком в руках нервно ходит вдоль беговой дорожки. Бегуны выстраиваются на старте. Пауза… Выстрел…

«Первый круг — 62,0. Начало, прямо скажем, не слишком стремительное. Куц в свое время, например, начинал секунды на полторы быстрее. 800 метров — 2:08,0 — темп достаточно близкий к рекордному» — так начинает свое описание этого забега, вошедшего в историю советской легкой атлетики, корреспондент журнала «Легкая атлетика». А по радио бег комментирует Петр Болотников.

Но кто же здесь соперники Афонина? Оценивая их шансы перед спартакиадой, Куц и Афонин принимали во внимание прежде всего Рашида Шарафетдинова, Николая Свиридова, Юрия Алексашина и Юриса Грустыньша. Считавшийся одно время лучшим в стране мастером неудержимого финишного рывка,

Рашид Шарафетдинов, пожалуй, был наиболее опасен. Про него писали: «Со времен Куца трудно припомнить спортсмена, который был бы способен на такую аритмию на тяжелой стайерской дистанции».

Правда, существовало одно «но», которым можно было воспользоваться. Он не выдерживал борьбы нервов. Смелый, решительный бег противника мог повергнуть его в уныние, лишить сил. Говорили, что Рашид сильнее на тренировках, чем на соревнованиях. Между тем на его счету было немало значительных побед, в том числе февральский успех в США, где в Мэдисон-сквер-гардене в беге на 3000 метров он одержал победу над сильнейшими американскими бегунами.

Николай Свиридов — надежда советской легкой атлетики, в прошлом великолепный лыжник, бегун с широким равномерным шагом. Несомненно, что он будет поддерживать на дистанции высокую равномерную скорость. Грустиньш не столь опасен. Неплохой стайер, но недостаточно силен физически и в течение сезона способен успешно выступать лишь на нескольких соревнованиях.

Однако вернемся к опубликованному в печати отчету об этих соревнованиях.

«На втором километре скорость начинает падать — 2:46,0. Еще медленнее пройден третий километр — 2:47,0… Но тут во главе лидирующей группы замелькала белокурая голова москвича В. Афонина. Воспитанник Владимира Куца, верный традициям своего наставника, ломает спокойный ход борьбы и вновь поднимает темп. Зная, что Афонин способен показать высокий результат, его не решаются отпустить, и следом за москвичом устремляются Р. Шарафетдинов, П. Шимонелис, П. Андреев и Ю. Алексашин… Афонину начинает помогать Свиридов, понимающий, что только в такой манере можно выиграть у Шарафетдинова. На последнем круге Афонин делает неудержимый рывок и уходит от группы. Собственно, группы уже нет. Ее разметали предфинальные рывки. Единственный, кто не сдается, — это Шарафетдинов…».

Афонин оглядывается назад и совершает ту же ошибку, какую допустил Куц в лондонском беге с Чатауэйем. Он не видит никого поблизости от себя и собирается финишировать. В этот момент его и настигает Шарафетдинов, который пересекает одновременно с Афониным линию финиша и тут же падает на траву. Новый всесоюзный рекорд 13:33,6 принадлежит теперь двум бегунам — Рашиду Шарафетдинову и Владимиру Афонину. Это был, пожалуй, самый выдающийся забег в истории бега на 5000 метров в нашей легкой атлетике. Одиннадцать спортсменов

пробежали дистанцию быстрее 14 минут, из них 9 — быстрее 13:40,0… А ведь этого могло и не быть, если бы не дерзновенный напор 25-летнего воспитанника двукратного олимпийского чемпиона…

А Куц? Он обнимает Афонина со словами: — Понимаешь, я ведь бежал вместе с тобой. Каждый твой шаг, каждый рывок были не только твоими, но и моими.

В 1971 году Афонин поступает в Малаховский институт физкультуры. Составлен план подготовки к Олимпийским играм 1972 года. Но весной в соревнованиях по бегу на призы газеты «Правда» один из участников наступает на ногу Афонину. Разрыв связок, операция, гипс. Куц утешает, говорит, что еще не все потеряно, заставляет приседать на здоровой ноге. Приходится долечиваться в санатории, и вот здесь-то Афонин получает от Куца телеграмму: «Квартира получена. Приезжай, новоселье».

Новый рекордсмен страны вспоминает этот день как чудо. На вокзале его встречает Куц и передает ключи.

— Поезжай, посмотри. А новоселье справим попозже… Афонин давно ждал однокомнатную квартиру. Заранее он все продумал, рассчитал. Где будет стоять стол, где диван. Что нужно будет поставить на кухне.

Но он входит в квартиру, где уже стоят и стол и диван. А кроме того, полки для книг, торшер. На окнах занавески. На кухне новенький холодильник и удобные шкафы. Он открывает дверцу холодильника и приподнимает крышку стоящей там кастрюли. Да это же борщ по-флотски — любимое блюдо Куца! Так вот почему Владимир Петрович охотно согласился хранить оставшиеся у Афонина деньги. Вот в чем заключается сюрприз, который его тренер собирался преподнести ему по случаю установления рекорда…

Сергей Скрипка мало походил на Афонина. Он был подвижен, хорошо координирован, в то же время обладал недюжинной силой. Любил и умел поговорить, поспорить. Отличался разносторонними интересами.

Он провел детство и юность в городе Черняховске Калининградской области. В школе занимался волейболом и футболом, успешно выступал в пионерском четырехборье. Были и другие интересы. Учился в музыкальной школе и целый год посещал балетную студию. А легкой атлетикой начал заниматься с восьмого класса. В спортивной школе из Сергея Скрипки решили сделать многоборца. Может быть, это было и правильно. Во всяком случае, в 1966 году в возрасте 16 лет он набрал в десятиборье 4650 очков. А на отборочных соревнованиях к первенству РСФСР среди школьников попал в команду уже как

бегун на 3000 метров. В 1967 году пытался поступить на медицинский факультет Тартуского университета, но не прошел по конкурсу.

Случилось так, что начал тренироваться и выступать за юношескую, а затем молодежную команду Калининградского клуба Военно-морских сил. Потом призвали его в Военно-морской флот. Он готовился стать помощником минера. В конце 1969 года, когда Сергей по сумме двух дистанций (1500 и 3000 метров) стал победителем Кросса для молодых солдат на призы газеты «Красная звезда», его зачислили в состав сборной команды Вооруженных Сил. Первое время тренировался в группе Попова, а весной 1971 года пришел к начальнику команды капитану Б. Токареву и попросил перевести в группу Куца.

Владимир Петрович был тут же в кабинете и пытался его отговорить. Но Скрипка стоял на своем.

— Ну смотрите! Только будет нелегко. Предупреждаю заранее. И еще одно условие. Все выполнять, но думать и спорить можно. Не скрывать, если заболел и чувствуешь себя плохо.

Первое испытание новичка состоялось весной на тренировках в Закарпатье. Местность тяжелая: подъемы, спуски, тягуны. Переменный бег типа фартлек, или темповый бег, или кроссы до 18–20 километров. А затем целенаправленная подготовка к Олимпийским играм 1972 года.

Нередко случалось, что Скрипка тренировался самостоятельно, но Куц требовал точных записей в дневнике.

— А ну, покажи-ка дневник! Батюшки мои, что же ты наделал! Теперь месяц будешь отходить от таких нагрузок. — И тут же не терпящим возражения тоном: — Пока ничего, кроме восстановительных кроссов. Легкий бег в лесу. Нагулять аппетит. Когда появится желание бегать, скажешь.

В беге на 3000 метров с препятствиями в армии собралась большая группа сильных бегунов. Первенство Вооруженных Сил было труднее выиграть, чем первенство страны. Здесь выступали Виктор Кудинский, Владимир Дудин, Александр Морозов, Лазарь Народицкий, Семен Ржищин, Григорий Таран, Владимир Лисовский. В 1972 году Сергей Скрипка занимает второе место на первенстве СССР и показывает лучшее время года среди советских бегунов — 8:27,0.

В составе советской команды он едет на Олимпийские игры в Мюнхен. В финал попадают трое из забега. Скрипке не везет. С ним в забеге сильнейшие бегуны — кениец Б. Джипчо, мировой рекордсмен из Австралии Кэрри О'Брайен, чемпион Европы болгарин Михаил Желев, поляк Казимир Маранда.

Сергей ведет первый круг. За ним Джипчо. Прыжок через яму

с водой. И в тот момент, когда Скрипка выходит из ямы, Джипчо, совершив длинный прыжок, с досадной точностью попадает шипами на край шиповки Сергея и срывает ее. Остается одно — бежать босиком. Это не легко. Нет опоры для преодоления препятствий. Сходит Маранда. Падает О'Брайен. На последнем препятствии нога без шиповки скользит по барьеру, и Сергей падает в воду. С трудом поднимается и заканчивает бег шестым. Для него это драма, для зрителей — интереснейший спектакль.

Однако советская спортивная печать правильно оценила выступление Сергея Скрипки. «Мы много говорим о воспитании морально-волевых качеств. Пример настойчивости, воли к победе продемонстрировал Сергей Скрипка. Так уж получилось, что на самом первом препятствии ему наступили на ногу и сняли шиповку. Оставшиеся 2700 метров Сергей бежал в одной шиповке. И как же он горевал, когда, все-таки закончив дистанцию, занял шестое место лишь из-за того, что поскользнулся босой ногой, последний раз преодолевая яму с водой» — так писала газета «Советский спорт».

Кстати, когда такая же история с шиповкой произошла в этом забеге с К. О'Брайеном, он сошел с дистанции. А Скрипка мог стать призером. Победитель забега Джипчо показал лишь 8:31,6. Несмотря на все злоключения, Скрипка был в забеге не последним — вслед за ним прибежали еще пять человек.

Прежде чем окончательно принять ученика, поверить в него, Куцу всегда нужно было некоторое время. Но, поверив, он относился к ученику, как к сыну. Так же как и Афонина, Куц нередко оставлял Сергея у себя ночевать, заботился, варил куриный бульон, посоветовал поступить в Ленинградский военный институт физкультуры.

Но наступило время, когда оба ученика решили жениться. Афонин был постарше. Первым за советом к Куцу пришел он. Владимир Петрович был несколько огорошен.

— А как же спорт?

— Все будет в порядке. Как и раньше.

После недолгих раздумий Куц дал согласие. А когда с тем же вопросом к нему пришел Сергей, Куц попросил только, чтобы его познакомили с женой. На свадьбу, которая состоялась в Сочи, где жила невеста, Владимир Петрович прилетел из Москвы и был очень рад, когда Ирина внимательно выслушала его наставления о том, как должна вести себя жена спортсмена.

Глава 21. Аллея славы

Владимир Петрович Куц как спортсмен приобрел поистине всемирную известность, заслужил высокие награды Родины. Как тренер он завоевал любовь и уважение своих учеников. Собственно, он и Петр Болотников как бы подвели итоги первого этапа становления советской легкой атлетики. Это были годы высоких порывов, освоения непроторенных путей к мастерству, годы прихода в легкоатлетический спорт людей смелых, самобытных, не боящихся стать первопроходцами.

Нередко большой успех в спорте кружит голову. Чемпион начинает поглядывать на окружающих свысока, привыкает к мысли о своей исключительности. Владимир Куц до конца своей жизни оставался простым, доброжелательным человеком, готовым в случае нужды помочь товарищам.

Именно эти качества, а не только рекорды привлекали к нему сердца людей, принесли ему широкую популярность у любителей спорта не только в нашей стране, но и в Англии, Франции, Чехословакии, Норвегии, Австралии.

Может быть, известную роль здесь сыграл и внешний облик Куца. Копна светлых волос, открытое лицо и доброжелательная улыбка, в которой читалось не любование собой, а чистосердечие, искреннее желание стать другом всем этим людям, аплодирующим ему с трибун стадиона.

Известная в прошлом спортсменка, входившая в состав руководителей советской спортивной делегации в Лондоне, Наталия Васильевна Петухова вспоминает:

«Володя Куц был добрым и щедрым человеком. Помню, как он истратил все деньги на угощение команды советского корабля, стоящего у лондонского причала. С каким энтузиазмом пел он тогда украинские песни. И как я была удивлена на следующий день, наблюдая за поведением Куца на приеме у лорд-мэра. Прекрасно одетый в хорошо облегающий его ладную фигуру костюм, он вел себя как истый джентльмен. Его движения, походка, ответы на вопросы — все было безупречно…»

Куц не выносил лжи, фальши, стяжательства. Бывая за рубежом, никогда не интересовался приобретением заграничного барахла. Из своих тренировок не делал секрета и всегда был готов поделиться опытом с товарищами — даже когда это были спортсмены из зарубежных стран. Получая письма от Дэйва Стивенса, старался ответить на все вопросы, которые ему задавал его австралийский друг. А когда в Москву специально к нему приехал олимпийский чемпион Герберт Эллиот, собиравший

материалы для книги о беге, он охотно разложил перед ним свои дневники и планы тренировок.

Вспоминая Владимира Петровича, его друзья обычно говорят о том, что у Куца была русская натура, открытая душа, и это не преувеличение. Действительно, его душа была открыта для дружбы, привязанностей. Он любил брата, мать, друзей, очень любил жену — Раю. Не имея своих детей, воспитывал ее сына Юру, для которого стал настоящим отцом.

В свои приезды в Париж на кросс «Юманите» он успел обзавестись и там юными друзьями — подружился с девочкой Люси и сыном рабочего с завода «Рено». Мальчик с отцом нередко встречали Володю на аэродроме. А местные «гавроши», как он называл парижских ребятишек, обычно сопровождали его на тренировки.

Впрочем, идеальных людей не бывает. Случалось, что твердая убежденность в своей правоте переходила у Владимира Петровича в упрямство и его нелегко было в чем-нибудь переубедить. Но твердость и непримиримость удивительно сочетались в нем с мягкостью, а порой даже чувствительностью. Он любил бывать в театрах, особенно в Большом, и считал своими Театр Советской Армии и цыганский театр «Ромэн», который одно время находился неподалеку от его дома на Ленинградском шоссе.

Очевидцы рассказывают, что Куц был благодарным впечатлительным зрителем, напоминал порой ребенка впервые попавшего в детский театр. Его живо трогало все происходившее на сцене. Со слезами на глазах следил он за страданиями горбуна в опере «Риголетто».

Любил природу и много времени отдавал поездкам за город. Финский домик в Одинцове не раз служил ему прибежищем в тяжелые минуты. У него было много друзей. В любое время дня и ночи мог позвонить Лобастову и сказать: «У меня не все в порядке. Если можешь, Серега, приезжай». И нередко они говорили до рассвета. Кстати, такой разговор состоялся перед тем, как Куц решил демобилизоваться. А к маленькой дочке Лобастова Маринке он относился как к своему ребенку.

Никогда не забывал своих старых друзей и родных. Говорил: «В этом году обязательно еду к Чикину» — и неожиданно появлялся в Таллине. А уж в Алексине у родителей старался бывать ежегодно. В алексинских лесах ему хорошо бегалось, и он возвращался в Москву посвежевшим, готовым к соревнованиям.

Украинцы, как известно, музыкальны. Владимир Куц любил украинские песни. Они напоминали ему Алексино, родной дом, вечера, когда девчата «спивали», собравшись в кружок на

деревенской улице. Нередко на встрече с друзьями Володя запевал по-украински: «Дывлюсь я на нэбо». Потом, если было настроение, переходил на «Распрягайте, хлопцы, коней», или «Черные брови», или «Рушник».

К сожалению, семейная жизнь у него не заладилась, и в последние годы он жил один в однокомнатной квартире. А в 1973 году Куц попал в автомобильную катастрофу.

«Утром мне позвонили из больницы, — рассказывает Лобастов.

— Ваш друг попал в аварию и находится у нас. Приезжайте немедленно.

Еду, надеваю халат, вхожу в палату. Володя лежит и харкает кровью. Прямо на груди краской намалеван номер 96. Говорит с трудом.

— Это меня отправляли под этим номером на тот свет. Но я, как видишь, задержался.

Травма оказалась серьезной. Врачи сомневались, выживет ли? Куц пролежал около месяца, потом его перевели в военный госпиталь имени Бурденко. Потом начал работать, но через некоторое время снова госпиталь, на этот раз больше двух месяцев. Вышел с палочкой. Демобилизовался. Устроился на работу тренером в школу высшего спортивного мастерства, но не выдержал. Вернулся в родной ЦСКА, получив назначение на должность начальника детской спортивной школы. Сменившая Владимира Петровича на этой должности Тамара Васильевна Дмитриева вспоминает: «За работу Куц принялся горячо, с увлечением. Мечтал перестроить все по-новому. После его смерти я нашла заметки. Он продумал и систему приема в ДЮСШ, и связь с общеобразовательными школами, и осуществление специализации. В этих набросках было много интересного…»

А в начале августа 1975 года Владимир Петрович, проговорив допоздна с оставшимся у него ночевать Сергеем Скрипкой, лег спать, а утром уже не проснулся. Великий спортсмен ушел из жизни. За несколько месяцев до смерти он побывал в последний раз в Алексине. Покрыл черепицей крышу, прорезал в стене новые окна…

16 августа 1975 года во французском городе Ницце должно было состояться соревнование на Кубок Европы по легкой атлетике. Организаторы соревнований остановили спортсменов, направлявшихся к месту старта, и по радио объявили о том, что в Советском Союзе скончался один из величайших бегунов мира олимпийский чемпион Владимир Куц. Память советского спортсмена присутствующие на стадионе почтили минутой молчания.

Вы входите на территорию Центрального спортивного клуба армии, обнесенную высокой металлической оградой. Справа гимнастический зал, слева — бассейн, а за ними в глубине вашим глазам открывается аллея: на высоких мраморных постаментах установлены бюсты спортсменов Советской Армии, героев олимпийских игр, рекордсменов Советской Армии, героев олимпийских игр, рекордсменов и чемпионов мира, награжденных за спортивные заслуги высшей наградой нашей страны — орденом Ленина.

Футболист и хоккеист Всеволод Бобров, стрелок Анатолии Богданов, конькобежец Евгений Гришин, фигуристка Ирина Роднина, шахматист Анатолий Карпов, хоккейный вратарь Владислав Третьяк…

В конце аллеи Славы между бюстами выдающегося штангиста Юрия Власова и прославленного лыжника Владимира Кузина вы увидите бюст Владимира Куца. Его не трудно узнать. Мягкие и вместе с тем выразительные черты лица, копна волос, которые, кажется, вот-вот взметнет над головой ветер.

Отсюда совсем недалеко до второго грандиозного по размерам памятника Владимиру Куцу. За зданием Аэровокзала высится футбольно-легкоатлетический спортивный комплекс имени Куца. Трудно охватить взглядом это уникальное сооружение длиной 318 и шириной 90 метров, где можно проводить соревнования чуть ли не по всем видам спорта. Собственно, это два огромных зала под одной крышей. Один из них — футбольное поле, второй — легкоатлетический манеж с 200-метровой беговой дорожкой.

Памятником Владимиру Куцу стал и монумент из черного мрамора, установленный на его могиле на Преображенском кладбище в Москве. Он расположен в той части кладбища, где похоронены московские ополченцы, погибшие в годы Великой Отечественной войны. Здесь горит вечный огонь.

Есть и другие памятники великому бегуну — соревнования. Ежегодно на спортивной базе ВЦСПС под Подольском проводится День бегуна имени Владимира Куца. Ему посвящен и чемпионат по легкой атлетике Вооруженных Сил. На этих соревнованиях разыгрываются призы олимпийского чемпиона. Естественно, что они учреждены для дистанции 5000 и 10 000 метров, на которых Куц устанавливал мировые рекорды и побеждал на олимпийских играх.

К этому остается добавить, что на одном из этапов эстафеты «Вечерняя Москва», в которой нередко участвовал Куц, ЦСКА установил специальный приз его имени.

Торжественно было отмечено в феврале 1987 года в ЦСКА 60-

летие со дня рождения Владимира Куца. Участникам финала Кубка СССР по легкой атлетике вручались призы имени знаменитого бегуна.

Конечно, не забыт Владимир Петрович Куц на своей родине. В 1983 году в белчанской школе на Сумщине состоялось торжественное открытие посвященной ему мемориальной доски. А в 1985 году в городе Тростянец был открыт памятник великому бегуну. Скульптор запечатлел его в тот момент, когда Владимир с поднятой рукой заканчивает одно из своих, победных выступлений.

Да! Именно таким вдохновенным, устремленным вперед зрители видели Куца на финише соревнований.